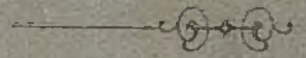
ЗАПИСКИ МИССІОНЕРА

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХІИ

священника І. Полянскаго.

Выпускъ вторый.

Вторая и третья миссіонерская поѣздка въ епархію.

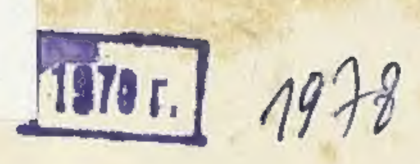

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1891.

2007081175

ЗАПИСКИ МИССІОНЕРА

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХІИ

священника І. Полянскаго.

Выпускъ вторый.

Вторая и третья миссіонерская поѣздка въ епархію.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1891.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 18, 19 и 20 за 1890 г. и изъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 журнала *„Братское Слово“* за 1891 г.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, марта 8-го дня 1891 года.
Цензоръ, священникъ *Іоаннъ Петропавловскій*.

Записки миссіонера.

I.

Въ Домшинѣ во второй разъ.

16-го апрѣля (1890 г.) я вторично пріѣхалъ въ Домшино, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ первой поѣздки сюда. Остановился у церковнаго старосты Василія Николаевича Зайцева. Онъ меня принялъ очень радушно, какъ стараго знакомаго. Имѣть такія знакомства для миссіонера очень полезно, — при нихъ ѣдешь смѣлѣе, знаешь, куда пристать, съ кѣмъ и что̀ говорить. Еще на дорогѣ, въ двухъ деревняхъ Домшинскаго прихода, въ Нестеровѣ и Митицынѣ, я встрѣчалъ своихъ знакомыхъ и раскланивался съ ними, приглашая ихъ на бесѣду въ село. Въ Митицынѣ я зашелъ въ школу. Въ сѣняхъ еще услышалъ пѣніе: ученики пѣли молитву послѣ ученія. Я вошелъ въ комнату, помолился съ дѣтьми Богу, поздоровался съ ними и съ учителемъ. «Здравствуйте, батюшка!» дружно отвѣтили на мое привѣтствіе дѣти (между ними нѣсколько дѣвочекъ). Они уже знали меня: когда постомъ я говорилъ проповѣдь въ Домшинской церкви, они были всѣ и слушали. Учитель на другой день спрашивалъ у нихъ, запомнили ли они, что̀ говорилъ пріѣзжій священникъ. Оказалось, что впечатлительная дѣтская память усвоила и сохранила проповѣдь, — дѣти разсказали все ея содержаніе. Я съ удовольствіемъ заношу въ свои записки и этотъ поступокъ учителя и это знаменательное свидѣтельство, что малыя дѣти благовѣствуютъ слово Божіе: разумѣется, они и дома разсказывали о томъ, что̀ слышали въ церкви и повторили потомъ, въ школѣ. Такъ брошенное въ души слово зрѣетъ и растетъ.

Будемъ надѣяться, что оно принесетъ и плодъ. Я обратился къ дѣтямъ съ просьбой — повѣстить отцамъ и матерямъ, что опять пріѣхалъ миссіонеръ и что, кто хочетъ, пусть приходитъ въ Домшино для бесѣды. Я любовался дѣтьми въ ту мунуту, когда они выходили изъ школы: всякій-то изъ нихъ, и мальчикъ и дѣвочка, на прощаньи, съ поклонами, говорилъ: «Прощайте, Александръ Васильичъ! Прощайте, батюшка!» — Этакіе славныя у васъ ребята! — говорю учителю. И онъ подтвердилъ мои слова.

Однако въ слѣдующій день (17 апрѣля) на бесѣду пришло человѣкъ шесть, не больше: день былъ будничный, и всѣ работали (была пашня). Пришелъ интересный старикъ Дмитрій Петровъ Бобровъ. Онъ уже не задавалъ глубокомысленныхъ вопросовъ; онъ все слушалъ и со всѣмъ соглашался. Другіе собесѣдники тоже молча слушали. На прощаньи я далъ Дмитрію Петрову почитать «Увѣщаніе» митрополита Платона и нѣкоторыя брошюрки.

Изъ того, что собралось на бесѣду всего шесть человѣкъ, я понялъ, что совсѣмъ не во-время пріѣхалъ и что не дождаться мнѣ, чтобы народъ пошелъ ко мнѣ въ село для бесѣды, — некогда, пашутъ! И я рѣшилъ самъ идти къ нимъ въ деревню: авось, думаю, кто-нибудь и явится послушать бесѣды.

II.

Въ деревнѣ Дьяконицѣ.

Въ числѣ упомянутыхъ шести человѣкъ, явившихся на бесѣду въ Домшино, былъ Александръ Савельевъ Цвѣтковъ, прежде находившійся въ безпоповщинскомъ расколѣ, но года два тому назадъ присоединившійся къ церкви. Присоединеніе его совершалъ достопочтенный о. Павелъ, архимандритъ Московскаго Единовѣрческаго монастыря. Александръ Савельевъ съ глубокимъ благоговѣніемъ говоритъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, которому обязанъ своимъ окончательнымъ утвержденіемъ въ намѣреніи оставить безпоповство.

Какъ недавно обратившійся въ церковь, Александръ Савельевъ еще не снялъ съ себя безпоповщинскаго кафтана, въ которомъ онъ когда-то стаивалъ въ моленной. «Если, говоритъ, я сниму его, то наши всѣ (у него очень много пріятелей въ безпоповствѣ) заохаютъ: погибъ Александръ Савельичъ! погибъ Александръ Савельичъ! А теперь я хоть внѣшнимъ видомъ не отдѣляюсь отъ нихъ». Онъ иконописецъ и, занимаясь своимъ ремесломъ, испортилъ себѣ зрѣніе. Пришелъ онъ не столько послушать миссіонера (что̀ ему слушать меня, если онъ слышалъ о. Павла!), сколько затѣмъ, чтобы предложить себя ему въ помощники. Самъ онъ, правда, не говорилъ мнѣ этого, но близкіе къ нему люди сказали мнѣ, что онъ не прочь бы сдѣлаться помощникомъ миссіонера (человѣкъ онъ начитанный, трезвый, постникъ, мяса не ѣстъ), и я впослѣдствіи сообщилъ объ этомъ его желаніи преосвященному, который благосклонно изъявилъ согласіе — принять его въ званіи моего помощника.

Вотъ съ этимъ-то Александромъ Савельевымъ 18 апрѣля я и пошелъ въ деревню Дьяконицу. Проходя черезъ деревню Яковцы, зашли къ единовѣрческому церковному старостѣ, у котораго немного отдохнули и подкрѣпились пищею. Отсюда съ нами пошелъ еще одинъ слѣпой старикъ, — мастеръ пѣть на клиросѣ и читать въ церкви, конечно, безъ книги. Со старовѣрами онъ часто споритъ, и ему захотѣлось послушать, что̀ будетъ говорить съ нами Егоръ Романовъ.

Егоръ Романовъ — главный учитель въ д. Дьяконицѣ, принадлежащій къ сектѣ «нѣтовцевъ». Мы и пришли прямо въ его домъ. Хозяина въ ту минуту не случилось дома: вышелъ куда-то. Мы сѣли на лавкѣ въ ожиданіи его прихода. Минутъ черезъ пять онъ пришелъ. Проворно надѣвъ на босыя ноги катаники (валенки), онъ поздоровался съ нами. Это бодрый, крѣпкій мужикъ лѣтъ 50-ти, русый, довольно солидный на видъ.

Александръ Савельевъ, какъ нѣсколько знакомый съ нимъ, началъ разговоръ приблизительно такъ: «Вотъ, Егоръ Романовичъ, епархіальный миссіонеръ о. Іоаннъ желаетъ знать:

по какимъ собственно причинамъ вы отдѣляетесь отъ единенія церковнаго и не принадлежите къ великороссійской церкви?»

— Да, продолжалъ я, мнѣ всегда было очень любопытно узнать, что̀ собственно удерживаетъ старообрядцевъ вдали отъ насъ. Большинство, конечно, держится обособленности отъ нашей церкви по привычкѣ и по примѣру отцовъ. Но вѣдь есть же у васъ и люди начитанные, которые, кажется, по книгамъ могли бы понять, что наша церковь вполнѣ православна, ибо никакой ереси въ ней нельзя указать. Я слышалъ о тебѣ, Егоръ Романовичъ, что ты начитанный, грамотный человѣкъ, — потому и желательно знать, что̀ тебя больше всего удерживаетъ отъ соединенія съ нашею церковію?

— Грамотность наша небольшая... читали немножко... А что касается того, почему мы не въ соединеніи съ вашею великороссійскою церковію, то причина этого одна: мы боимся, нѣтъ ли въ ней ересей какихъ-нибудь.

— Не первый разъ я слышу эти рѣчи, — сказалъ я Егору Романову. Бояться ересей, конечно, слѣдуетъ; но какія же ереси пугаютъ васъ въ нашей церкви? Иные изъ вашихъ прямо объявляютъ, что нѣтъ такой ереси, которую не ввелъ бы въ русскую церковь Никонъ-патріархъ. Такъ прямо, огуломъ, и говорятъ: всѣ ереси у васъ! И какъ начинаютъ перечислять наши ереси, то дѣйствительно, по ихъ счету, имъ конца нѣтъ! Какихъ только не насчитаютъ ересей! Даже и буквы ставятъ въ ересь: сами говорятъ *Исусъ*, а насъ, за то, что печатаемъ *Іисусъ*, т.-е. за одну букву лишнюю противъ своего чтенія, обвиняютъ въ страшной ереси!

Оказалось, что Егоръ Романовъ объ имени *Іисусъ* не сомнѣвается, признаетъ его именемъ Христа Спасителя; онъ говорилъ, что самъ видѣлъ въ старопечатныхъ книгахъ *Іисусъ*, съ двумя *иже*. Евангеліе ихъ Домшинской единовѣрческой церкви ему извѣстно. «Мы объ имени Іисусъ не сомнѣваемся, — сказалъ онъ въ заключеніе, — оно есть имя Христа Спасителя».

— А если, говорю, ты объ этомъ имени не имѣешь со-

мнѣнія, то вѣдь главной причины раскола между нами уже нѣтъ. Безпоповцы другихъ согласій кричатъ, что *Іисусъ* имя еретическое, даже еще хуже говорятъ о немъ.

— Мы, — отвѣтилъ Егоръ Романовъ, — не слѣдуемъ другимъ согласіямъ: тѣ во многомъ мудрствуютъ не по правиламъ. Иные не принимаютъ крещенія великороссійской церкви; а мы принимаемъ, потому что оно совершается правильно въ три погруженія съ призываніемъ Святыя Троицы.

Филипане (ихъ довольно въ Домшинскомъ приходѣ) и другіе покрещеванцы смѣются надъ Нѣтовцами, что они еретическое крещеніе называютъ правильнымъ. Объ Егорѣ Романовѣ мнѣ передавали, что будто онъ говоритъ, что «хоть сатана окрести, да только во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и тогда крещеніе правильно и нельзя его повторять».

— Что же васъ удаляетъ отъ нашей церкви, — спрашиваю его, — если крещеніе наше вы принимаете за православное, имя Спасителя *Іисусъ* считаете истиннымъ Его именемъ?

— А больше всего то, что принимаемое нами имя *Ісусъ* обругано въ книгахъ вашихъ учителей церковныхъ, писавшихъ противъ старообрядцевъ. Димитрій Ростовскій, Θеофилактъ и другіе, что̀ писали объ этомъ имени?

Я сталъ разъяснять, что св. Димитрій Ростовскій и другіе писатели никакъ не могутъ быть виновниками отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви. Святитель Димитрій писалъ свой «Розыскъ» *50 лѣтъ спустя* послѣ начала раскола, какъ же его считать виновникомъ раскола? И объ имени Іисусъ онъ только сдѣлалъ ученыя разъясненія, которыхъ, быть можетъ, не слѣдовало дѣлать для неученыхъ читателей...

— Да вѣдь онъ прямо сказалъ: «Инъ бо обрѣтеся въ нихъ *Ісус,* глаголемый равноухій...»

— Я знаю, что онъ дѣйствительно сказалъ это слово; но только надобно знать, къ чему онъ сказалъ его. Старообрядцы, которые жили при Димитріѣ Ростовскомъ, говорили (да и теперешніе еще иные говорятъ), что *Іисусъ* есть инъ Христосъ, не истинный; считали (и считаютъ еще) имя Христа Спасителя, пишемое и читаемое въ три слога (І-и-сусъ), неправо-

славнымъ, еретическимъ. Вотъ такимъ-то святитель Димитрій и доказываетъ, что греки, отъ которыхъ получили мы самую вѣру во Христа и научились имени Христовому, читали и читаютъ Его имя І-и-сусъ (а латиняне І-е-зусъ), каковое чтеніе согласно и съ еврейскимъ языкомъ, на которомъ первоначально наречено имя Спасителя. Значитъ, имя *Іисусъ* есть правильное и старинное; съ еврейскаго оно значитъ Спаситель, съ греческаго — Исцѣлитель. А слова *Ісусъ* у грековъ, говоритъ онъ, совсѣмъ даже и нѣтъ (все равно какъ нѣтъ у нихъ слова Иванъ, а есть Іоаннъ); и если бы грекъ захотѣлъ составить такое слово, то оно, говоритъ, означало бы вотъ что̀, — и приводитъ то выраженіе, которое такъ не нравится вамъ въ Розыскѣ. Такъ не говорите пожалуйста, что Димитрій Ростовскій похулилъ имя Христово. Онъ даже, какъ будто предвидя, что вы будете обижаться на него за это выраженіе, оговорился: *но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя нашего*[1]). Итакъ святитель Димитрій, че-

---

[1]) Вотъ подлинныя слова изъ книги Розыскъ: „Пишется убо и у насъ то пресвятое имя иногда пространно безъ титлы, якоже сіе видѣти есть въ концѣ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго, на Павлово посланіе, на листѣ 1374, идѣже написано сице: *Аще бо убо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ*, и прочая. Обыкновеннѣе же у насъ пишется подъ титлою і҃с; обаче глаголати подобаетъ тако, якоже и греки глаголютъ, не Ісусъ, но *Іисусъ*, аще иногда и сокращеннѣе пишутъ і҃с. А понеже наши россійскіе люди не искусны суще, не яко греки, продолженнѣ глаголющіи, аще и сокращенно пишущіи, но якоже пишутъ сокращенно, сице и глаголютъ сокращенно, — пишутъ і҃с, и глаголютъ Ісусъ: того ради лучше есть у насъ писати іи҃с, неже і҃с, да продолженнѣ имя Спасителево, якоже у грековъ, глаголется въ три силлаба, а не въ два токмо. Понеже ино знаменуетъ Іи҃с, ино *Ісу́с*. Іи҃с, якоже прежде рѣхомъ, толкуется съ еврейскаго языка *Спаситель*, съ греческаго же *Исцѣлитель*. Ісус же что знаменуетъ? — внемлите: по гречески *Ісос*, по нашему глаголется *равный*; *ус* же глаголется *ухо*; та два реченія егда въ едино мѣсто сложити, будетъ Ісусъ, еже глаголется *равноухій*. Но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя нашего. Сего ради лучше есть іи҃с, неже і҃с...“ и прочая (Розыскъ, Москва, 1846 г., стр. 45—46.).

ловѣкъ многоученый, не хулилъ имени Христа Спасителя, и вы напрасно вините его, не понимая того, что̀ онъ сказалъ. Грѣхъ! Пора быть грамотными и начинать понимать слова!

Потомъ я разсказалъ Егору Романову, что Св. Синодъ издалъ въ 1886 г. свое «Изъясненіе» касательно порицательныхъ выраженій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ православныхъ писателей, писавшихъ противъ раскола. Наша высшая церковная власть не одобряетъ этихъ выраженій; поэтому винить за нихъ даже всю церковь, какъ дѣлаютъ старообрядцы, рѣшительно не возможно. Эту мысль я старался разъяснить такимъ примѣромъ. Вотъ мы теперь бесѣдуемъ. Если я эту бесѣду напечатаю, а ты въ ней найдешь что-нибудь обидное не для себя только, но и для вашей вѣры, можешь ли ты обвинять изъ-за меня всю нашу церковь? Грубо сказалъ (примѣрно говорю) миссіонеръ; миссіонера и вини, а не церковь. Димитрій Ростовскій, Ѳеофилактъ — тоже миссіонеры; но не церковь.

Напомнилъ я также Егору Романову, сколько всякихъ ругательствъ разсыпано въ старообрядческихъ сочиненіяхъ на обряды и книги, употребляемые въ нашей церкви. Да и теперь, — говорю, — почти то же самое: ты самъ знаешь, какъ филиппане хулятъ троеперстіе... изъ-за него перекрещиваютъ нашихъ...

Поговорили и еще, но недолго. Егоръ Романовъ торопился кончить бесѣду. Онъ давалъ понять, что ему не охота съ нами бесѣдовать, часто упоминалъ о томъ, что время рабочее, а что въ свободное время онъ не прочь и побесѣдовать. Мы встали и простились съ Егоромъ Романовымъ; а онъ поѣхалъ сѣять горохъ. Прощаясь, я сказалъ, чтобы въ воскресенье, когда горохъ не сѣютъ, приходилъ на бесѣду. Онъ обѣщалъ.

Егоръ Романовъ мнѣ понравился, — этакій степенный человѣкъ, трезвый въ сужденіяхъ и рѣчахъ. Одно не понравилось: ужъ очень остороженъ и очень торопится сѣять горохъ... Да еще не хорошо, что обѣщался придти на бесѣду въ воскресенье, однако не пришелъ.

Отъ Егора насъ пригласилъ къ себѣ побесѣдовать за чаемъ

крестьянинъ Леонидъ Яковлевъ. Бесѣда не представляла ничего особенно интереснаго. Возражателей не было; слушали молча, и больше разсказы Александра Савельева объ его безпоповщинской прежней жизни.

Съ Александромъ Савельевымъ уже часовъ въ 10 вечера воротился въ Домшино на ночлегъ. Утромъ (19 апрѣля), благословившись, онъ ушелъ на родину, въ село Устье Угольское, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. А я часовъ въ 10-ть собрался идти въ Митицыно, какъ совсѣмъ неожиданно явился одинъ изъ вчерашнихъ слушателей, Иванъ Яковлевъ, братъ Леонида, у котораго мы пили чай. Вчерашняя бесѣда и у Егора и у Леонида очень заинтересовала его, и онъ пришелъ попросить нѣкоторыхъ разъясненій. Онъ — овца изъ стада Егора Романова. Я разъяснилъ ему, что̀ могъ, и далъ нѣсколько брошюръ: онъ, хоть и неграмотный, просилъ книжекъ, — «заставлю, говоритъ, почитать какого-нибудь грамотея». Бесѣдовали болѣе двухъ часовъ. Обѣщался придти на Гору, въ воскресенье; но не пришелъ. Овца послѣдовала пастырю: обоихъ не было на Горѣ.

III.

Въ деревнѣ Митицынѣ и сосѣднихъ.

Проводивъ Ивана Яковлева, мы пошли въ Митицыно; пришли къ старшинѣ. Старшина ходилъ приглашать народъ на бесѣду. Иные отказывались работой, иные малограмотностію; но все же пришло до десятка мужиковъ и нѣсколько женщинъ. Изъ старообрядцевъ пришелъ Никита Тихоновъ, по Спасову согласію, — «Митицынскій попъ», какъ его мнѣ называли.

Никита — небольшой мужичокъ, такой тихоня... Слова у него мягкія, слащавыя, вкрадчивыя; голосъ — нѣжный; въ разговорѣ онъ все оговаривается, что не надо горячится, а надо бесѣдовать тихо, по-Божьи. И мы, дѣйствительно, бесѣдовали съ нимъ мирно о разныхъ предметахъ; другіе внимательно слушали насъ. Вдругъ прибѣжалъ Кирьякъ, мой старый знакомецъ (по великопостной поѣздкѣ въ Домшино).

Онъ прибѣжалъ прямо съ пашни, только что успѣлъ дома отпрячь лошадь. Поздоровались. Кирьякъ Платоновичъ сейчасъ принялъ участіе въ бесѣдѣ, и она получила другой характеръ. Кирьякъ говорилъ съ жаромъ и увлекъ даже тихоню Никиту Тихонова. Въ чемъ, казалось, и смягчился прежде Никита, какъ будто сдался совсѣмъ, Кирьякъ вновь подогрѣлъ въ немъ прежнее, и онъ запѣлъ свое.

Часа два пробылъ Кирьякъ, и вотъ что̀ интереснаго было въ бесѣдѣ съ нимъ. Его особенно занимаетъ вопросъ: зачѣмъ великороссійская церковь не перекрещиваетъ католиковъ? Ему кажется, что ихъ непремѣнно надо бы перекрещивать. Я, на основаніи Дѣяній Московскаго собора 1867 г., отвѣтилъ ему, что рѣшеніе Филаретовскаго собора о крещеніи латинянъ не справедливо. Кромѣ того, я старался втолковать ему, что крестимъ ли мы католиковъ, или нѣтъ, это нисколько не можетъ служить оправданіемъ его отдѣленія отъ церкви. Если онъ не хочетъ соединиться съ великороссійскою церковію изъ-за того, что мы не перекрещиваемъ католиковъ, то что же мѣшаетъ ему соединиться съ церковію греческою? Она поступаетъ въ отношеніи къ католикамъ такъ, какъ Кирьяку желательно, т.-е. снова ихъ перекрещиваетъ. Но, присоединившись къ греческой церкви, онъ присоединился бы и къ нашей: ибо у насъ съ греками вѣра одна, церкви наши, великороссійская и греческая, составляютъ одну греко-россійскую, православную церковь. А что есть разница въ чинопріемѣ католиковъ между нами и греками, такъ это не должно бы смущать старообрядцевъ: ибо они должны знать, что, напримѣръ, при св. Кипріанѣ, епископѣ Карѳагенскомъ, въ Африканской церкви многихъ еретиковъ перекрещивали, а въ Римской не перекрещивали, — но и Африка и Римъ были тогда вполнѣ православны, и вѣра была одна и тамъ и здѣсь, несмотря на различное рѣшеніе вопроса о принятіи еретиковъ. И даже въ одной и той же церкви разныя іерархическія лица по разному рѣшали этотъ практическій вопросъ о принятіи еретиковъ. Въ Кормчей, въ отвѣтахъ Тимоѳея пресвитера, вотъ что̀ говорится: «Зримъ же нынѣ

въ великихъ и соборныхъ церквахъ, рекше патріархіяхъ и въ митрополіяхъ и прочихъ, яко армены и яковиты, и несторіаны и прочіе безглавные и подобные имъ, обращающіеся въ православную вѣру, *божественнымъ мгромъ помазують, а не крещаютъ,* творятъ же ихъ проклинати начальники ихъ, и се вообразися нынѣ винъ ради благословныхъ и нужныхъ; *нѣціи же совершенно крещаютъ армены*».

Кирьякъ, передъ которымъ Никита совсѣмъ стушевался, самоувѣренно говорилъ: «мы (старообрядцы) стоимъ на Петровой вѣрѣ!»... Я отвѣчалъ: и мы стоимъ на Петровой вѣрѣ. Онъ же, указывая на икону, какъ свидѣтеля, съ чувствомъ восклицалъ: «если у васъ ничего не нарушено противъ Петровой вѣры, иду къ вамъ!» Я доказывалъ, что и дѣйствительно у насъ ничего противъ Петровой вѣры не нарушено, а что, напротивъ, у нихъ очень многое нарушено. Но Кирьякъ спорилъ и обѣщался доказать, на свободѣ, будто все у насъ нарушено. «А теперь, говоритъ, некогда, рабочее время!»

Когда рѣчь зашла о причащеніи животворящихъ Христовыхъ таинъ, Кирьякъ воскликнулъ: «Отецъ Иванъ! душа измучилась, болитъ, тоскуетъ, все хочетъ причащенія! Но гдѣ оно? гдѣ? — укажи!»

Этотъ вопль души христіанской очень трогателенъ. Дѣйствительно, измучена душа, ищетъ соединенія со Христомъ, какое Онъ самъ установилъ на тайной вечери, хочетъ исполнить то, что заповѣдано творить въ Его воспоминаніе, — и не можетъ!

Я сталъ говорить: Кирьякъ Платонычъ! Ты знаешь Евангеліе и знаешь, что̀ сказалъ Христосъ о необходимости причащенія: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.* Ты самъ чувствуешь нужду во святомъ причащеніи и страдаетъ душа твоя, мучится голодомъ, не вкушая хлѣба небеснаго. Подумай, — могъ ли Христосъ обѣщать и не исполнить? Не заблуждаешься ли ты? Вѣрь Богу: есть церковь, столпъ и утвержденіе истины, и не могла она пасть ни при Никонѣ, ни прежде, ни послѣ него...

Но у него было рѣшено, что никоніане не могутъ составлять истинной церкви, — и онъ спрашивалъ: гдѣ церковь? гдѣ причастіе?

— Кирьякъ Платонычъ! — говорю ему, — сейчасъ день, на небѣ свѣтитъ солнышко красное. Если кто станетъ приставать къ тебѣ: Кирьякъ, укажи солнышко! и ты укажешь на солнце, а онъ упрямо станетъ говорить: да не можетъ быть, чтобъ это было солнышко! — и глядѣть на него не хочетъ, — что̀ ты подѣлаешь съ такимъ человѣкомъ? Такъ и церковь есть солнце для людей. Я указываю эту церковь; а мнѣ говорятъ: и смотрѣть не хочу! это не церковь! Ищутъ, ищутъ церковь, и не могутъ найти! Затерялась, словно иголочка, та самая церковь, о нейже Ея создатель, Богъ нашъ, сказалъ: *созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей!* Слѣпые ищутъ, гдѣ солнце, и не вѣрятъ зрячимъ, которые указываютъ на него. Не затерялась церковь; есть она непремѣнно. Удобнѣе солнце загаснетъ, чѣмъ церковь безъ вѣсти будетъ. Это слово святаго Златоуста — вселенскаго учителя. И мы знаемъ ее, церковь, невѣсту Христову, жену облеченную въ солнце... И ярко свѣтитъ она для зрячихъ; и дай Богъ тебѣ прозрѣть и увидѣть ея свѣтъ!

Этими и подобными словами я старался разогнать заблужденіе христіанина о св. Христовой церкви.

Кирьякъ побылъ всего часа съ два и ушелъ. Я остался съ нѣсколькими мужчинами и женщинами. Самымъ неутомимымъ собесѣдникомъ остался послѣ Кирьяка Никита Тихоновъ. Онъ снова, безъ подстрекающаго вліянія Кирьяка, сталъ тихъ и сговорчивъ. Когда онъ завелъ рѣчь о клятвѣ большого Московскаго собора (1666—67 гг.), то все читалъ по какой-то книжкѣ церковной печати. Оказалось, что книжка эта — изданіе Братства св. Петра митрополита: «О клятвѣ собора 1667 г.» Никита очень осторожно пользовался книгою: онъ вычитывалъ по ней одни выписки изъ соборнаго дѣянія, пропуская мимо замѣтки и поясненія составителя книжки и иногда замѣняя ихъ своими. Я былъ радъ, увидѣвши, что книга, написанная для вразумленія старообрядцевъ, читается

однимъ изъ нихъ. Это первый случай въ моей дѣятельности, что я увидѣлъ книгу «никоніанскую» въ рукахъ «старовѣра».

Изъ бесѣды съ Никитой запомнилось еще то, что мы говорили о молитвѣ Іисусовой. Онъ, повторяя обычныя у старообрядцевъ рѣчи, сказалъ: «зачѣмъ вы отставили *Сыне Божій* въ молитвѣ Іисусовой?»

Я отвѣтилъ: Если что куда отставишь, то не уничтожишь, а только переставишь на другое мѣсто. Куда же, по твоему, переставлено слово *Сыне Божій* изъ молитвы Іисусовой?

— Не знаю, — говоритъ, — куда вы запропастили, а только въ Іисусовой молитвѣ его нѣтъ у васъ.

— Ну гляди же!

И я показалъ ему свой священническій молитвенникъ — канонникъ. На первомъ листѣ напечатано: «Молитвы утренія. Воспрянувъ безъ лѣности и истрезвився, возставъ отъ сна, рцы сіе: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Посемъ постой мало молча, дондеже утишатся вся чувствія, и тогда сотвори три поклона, глаголя: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій*, помилуй мя грѣшнаго. Таже, аще іерей, глаголетъ: Благословенъ Богъ нашъ. Аще не іерей, начинаетъ сице: Господи Іисусе Христѣ *Сыне Божій*, молитвъ ради пречистыя твоея Матере и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ, аминь.

— Вотъ видишь ли, спрашиваю, что напечатано наперьвой страницѣ? Ты говорилъ, что мы куда-то отставили молитву Іисусову со словомъ «Сыне Божій»; а она оказалась въ молитвенникѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ молитвѣ и быть подобаетъ!

Никита удивился.

— И вы читаете ее? — спрашиваетъ.

— Каждый день!...

— И архіерей?

— И архіерей, и священникъ, и дьяконъ и всякій православный христіанинъ, который молится Богу.

— Удивительно!

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. И ты эту молитву читаешь: что же тутъ удивительнаго?

— То — мы, а то — вы! Вы же на Московскомъ соборѣ отмѣнили ее!

— Не правда; если бъ отмѣнили, не было бъ ея въ нашихъ молитвенникахъ.

— Да, это такъ...

Обвиненіе рѣшительно падало; Никита не зналъ, что говорить дальше. Я поддержалъ его.

— А вѣдь дѣйствительно, — говорю, — большой Московскій соборъ распоряженіе сдѣлалъ о молитвѣ Іисусовой: онъ въ церквахъ велѣлъ читать ее съ словами *Боже нашъ*, а не *Сыне Божій*. Это было на соборѣ уложено.

Никита ободрился.

— Ну, вотъ, зачѣмъ же, — говоритъ, — было такъ уложено? Развѣ худо чѣмъ-либо говорить *Сыне Божій?»*

— Да кто же считаетъ, что такъ говорить худо? Кто обхудилъ молитву «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ?» — Никто, и ужъ конечно не русская церковь, всѣ пастыри которой ежедневно, вставая и ложась, говорятъ «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Не могли бы такъ молиться, если бы и дѣйствительно отвергли эту молитву, какъ ты говоришь. А вотъ у васъ, я знаю, — иные ни за что не согласятся даже прочитать просто, не на молитвѣ: «Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ*, помилуй насъ». Это я хорошо знаю. Теперь, скажи ты мнѣ: отчего вы такъ не читаете?

Никита отвѣтилъ, что старообрядцы не читаютъ молитвы «Господи Іисусе Христе Боже нашъ» потому, что ее будто бы не знала русская церковь до лѣтъ Никона патріарха.

Я сказалъ на это, что онъ ошибается и что до Никона патріарха была извѣстна молитва Іисусова съ словами «Боже нашъ». Я велѣлъ ему почитать въ Кирилловой книгѣ, на листѣ 552 и дальше, статью подъ заглавіемъ: «Истолковано, Господи Ісусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, аминь».

— Такъ вотъ, — говорю, — молитва Іисусова съ словами *Боже нашъ* не Никономъ выдумана; видишь, она напечатана

въ Кирилловой книгѣ. А хоть бы и Никономъ выдумана была, что же въ ней худого? Выговори ее!

Никита сказалъ: мы ее не говоримъ; но и не обхуждаемъ.

— Значитъ, она хорошая молитва?

— Хорошая.

— Ну, такъ прочитай.

Но читать Никита не соглашается, потому что боится скрытаго никоніанства въ этой молитвѣ, истолкованной однако же въ дониконовской книгѣ.

Я сталъ ему разъяснять, что обѣ молитвы, т.-е. оба вида Іисусовой молитвы (и «Господи Іисусе Христе, *Сыне Божій*» и «Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ* — помилуй насъ») вполнѣ православны, потому что въ Символѣ вѣрѣ мы исповѣдуемъ, во 2 членѣ, Христа *Сыномъ Божіимъ* и истиннымъ *Богомъ*. Каждый православный можетъ безъ всякаго сомнѣнія употреблять обѣ молитвы.

Когда Никита пожелалъ знать, почему же въ общецерковномъ употребленіи принята у насъ молитва: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», я сталъ читать ему по соборному дѣянію (1667 г.) разсужденіе объ обоихъ видахъ молитвы. Разсужденіе это очень понравилось Никитѣ. Онъ спросилъ: какая это книга? Я сказалъ: Дѣяніе собора 1666—67 гг. Онъ удивился. «Уже ли?» — говоритъ. Я сказалъ: вѣрно; посмотри самъ. Онъ справился о цѣнѣ книги и выразилъ намѣреніе купить ее. Не знаю, купилъ ли. Бесѣда съ Никитой закончилась самымъ мирнымъ образомъ.

Въ слѣдующіе два дня (пятницу и субботу) я посѣтилъ три деревни: Леушкино, Глыбень и Кожевники. Провожатымъ моимъ былъ мужикъ Ѳедоръ Петровъ Бобровъ. Онъ указывалъ мнѣ удобные для бесѣдъ дома и приглашалъ знающихъ собесѣдниковъ. Но особенно интереснаго во всѣхъ этихъ бесѣдахъ не было, потому что здѣсь не силенъ расколъ и настоящихъ раскольниковъ мало, — есть только сомнѣвающіеся, а потому и вопросовъ задавали не много, — больше все слушали молча.

IV.

На Горѣ.

Въ воскресенье (22 апрѣля) я провелъ день на Горѣ. Передъ обѣдней и за обѣдней говорилъ по обычаю въ церкви. Во время проповѣди я коснулся нѣсколько вопроса объ имени *Іисусъ,* изъ-за котораго старообрядцы не идутъ въ церковь. «Они, говорилъ я, не идутъ въ церковь, не желаютъ съ нами молиться Богу, исповѣдывать Его вмѣстѣ съ нами едиными усты и единѣмъ сердцемъ. Изъ-за чего же? — изъ-за того, между прочимъ, что будто мы имя Христу Спасителю перемѣнили. А это имя *Іисусъ* есть въ Евангеліи, печатанномъ при патріархѣ Іоасафѣ, которое сейчасъ, здѣсь, въ церкви, лежитъ на престолѣ». — Вдругъ раздался возгласъ отъ западной стѣны храма: «сжечь эту книгу, если въ ней такъ написано!» Я остановился и сказалъ: «кто крикнулъ это слово, что нужно сжечь старопечатную книгу изъ-за имени *Іисусъ*, съ тѣмъ, я поговорю послѣ обѣдни, а теперь слушайте»! — и я продолжалъ проповѣдь.

Послѣ обѣдни нашелся тотъ, кто сдѣлалъ удивительный возгласъ «сжечь такую книгу!» Это оказался Иванъ, по прозвищу Шаньеровъ.

— Ну, Иванъ, говорю ему, какъ ты расправляешься съ книгами, гдѣ написано не то, что̀ тебѣ угодно! Вѣдь книга-то старопечатная, печатана при святѣйшемъ патріархѣ Іоасафѣ!

— Она печатана въ Римѣ! — отвѣтилъ мнѣ Иванъ.

— Въ какомъ Римѣ?!... читай: въ Москвѣ...

— Да онъ и читать-то не умѣетъ! — сообщилъ о немъ одинъ мужичокъ.

— Вотъ и смотрите, — говорю, — на такихъ грамотеевъ, которые и читать-то не умѣютъ, а требуютъ святыя книги жечь! Можно ли съ ними разговаривать? Какъ же ты, Иванъ, берешься толковать о книгахъ, когда и читать не умѣешь?

— У меня, говоритъ, жена маленько маракуетъ... самъ же я, дѣйствительно, неграмотный.

Бесѣда послѣ обѣдни велась сначала на папертп; потомъ, когда къ вечеру стало холодно, — внутри храма. Я показывалъ древнія Евангеліе и Тріодь изъ семинарской библіотеки, и Евангеліе, осужденное Иваномъ Шаньеровымъ на сожженіе. Были обычныя попытки истолковать одну букву въ словѣ *Іисусъ,* какъ прилогъ (союзъ). Особенно усердно пытался это сдѣлать нѣкій Гаврила съ Сухолома, Мешехонскаго прихода.

Еще запомнился мнѣ изъ собесѣдниковъ этого дня Онисимъ Кузнецовъ изъ деревни Зубова. Этотъ ожесточенно нападалъ на нашу церковь за принятіе ею четвероконечнаго креста. Когда все, что̀ я говорилъ ему о важности не концовъ, а силы креста, на немже распятъ былъ Христосъ Спаситель, оказалось мало убѣдительнымъ для него, и онъ все называлъ крестъ четырехконечный ругательно *крыжемъ* латинскимъ, я попросилъ его показать, какой крестъ у него на шеѣ? Онъ былъ очень смущенъ этой просьбой, и не показалъ своего креста, потому что у него, какъ и у всѣхъ старообрядцевъ, на шеѣ крестъ четырехконечный. Иные тутъ же, при немъ, говорили, что онъ и совсѣмъ не носитъ креста, — чему невозможно повѣрить.

Этотъ же Онисимъ очень не любитъ, когда идетъ рѣчь собственно о предметахъ вѣры, когда говорятъ не о концахъ креста, не о пальцахъ, не о просфорахъ, а о тѣлѣ и крови Господа нашего Іисуса Христа, о вѣчности и неразрушимости созданной Имъ церкви, о благодати Божіей, спасительной всѣмъ человѣкамъ. Это, впрочемъ, общее свойство раскольниковъ.

На бесѣду пришло не мало народа изъ сосѣдняго Елданскаго прихода. Въ числѣ ихъ мнѣ запомнился Карпъ Никоновъ, черноватый, улыбающійся мужичокъ, очень смышленый и, какъ говорятъ, довольно начитанный. Онъ, да еще ихъ церковный староста, звали меня къ себѣ въ Бродково, — говорили, что у нихъ въ приходѣ начинаетъ распространяться расколъ изъ сосѣднихъ раскольническихъ приходовъ. Я обѣщалъ побывать.

Интересно, что когда Карпъ Никоновъ и другіе изъ елдан-

скихъ прихожанъ начинали вступать въ бесѣду, дѣлая замѣчанія противъ раскольническихъ мнѣній, доминскіе старообрядцы запрещали имъ говорить на томъ основаніи, что они «не здѣшняго прихода». Разумѣется, этого запрета не было бы, если бы Карпъ говорилъ за старообрядцевъ. Я радъ былъ видѣть, что и среди крестьянъ находятся опровергающіе безпоповщинскія бредни. Такіе начетчики изъ православныхъ имѣютъ важное значеніе среди раскольничьяго населенія. Они даютъ отпоръ начетчикамъ изъ раскольниковъ. Не смотря на то, что я еще слишкомъ мало знаю Вологодскую губернію и ея крестьянское населеніе, но у меня уже есть на примѣтѣ три-четыре человѣка изъ такихъ начетчиковъ.

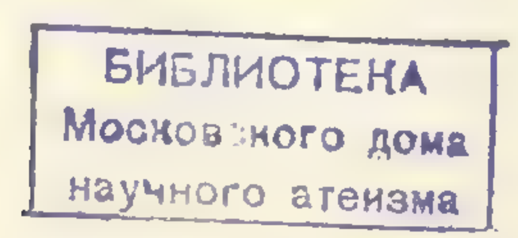
Бесѣда 22 апрѣля шла до вечера.

V.

Въ Устиновскомъ приходѣ.

На другой день (23 апрѣля) я съ своимъ хозяиномъ Василіемъ Николаевичемъ на парѣ его лошадей пріѣхалъ въ село Устиново. 23-е апрѣля — престольный праздникъ въ этомъ селѣ, и приходъ называется Георгіевскимъ. Судя по этому, можно было ожидать большаго стеченія народу, — но народа было въ церкви очень мало. Еще ѣдучи въ Устиново, я удивлялся не мало, что народъ во многихъ домахъ, сидя подъ окошками, пьетъ чай. Въ церковь пришло человѣкъ 50 мужчинъ, женскаго пола до полутораста, — больше дѣвушекъ. Объ моемъ пріѣздѣ священникъ предувѣдомилъ прихожанъ, т.-е. собственно интересующихся дѣломъ. Передъ обѣдней я побесѣдовалъ, — показывалъ книги старопечатныя, и грамотеи сами читали указанныя мною важныя мѣста въ книгахъ. За обѣдней сказалъ проповѣдь о вѣчности церкви и о таинствѣ причащенія.

Собесѣдниковъ интересныхъ не было. Изъ мѣстныхъ обличителей раскола извѣстенъ тамошній церковный староста Василій Гавриловъ. У него есть книги, необходимыя для вразумленія заблуждающихся. Онъ читаетъ изъ этихъ книгъ народу въ промежуткахъ между утренями и обѣднями.

Послѣ обѣда священникъ проводилъ меня въ деревню Губино, самую обильную старовѣрами въ Георгіевскомъ приходѣ. Пріѣхали къ церковному старостѣ, тому самому Василію Гаврилову, о которомъ сейчасъ упомянуто. Онъ ходилъ приглашать мѣстныхъ вліятельныхъ старообрядцевъ, Павла Ѳедотова и Грушина, не желаютъ ли они побесѣдовать съ миссіонеромъ. Но они не пришли, извиняясь тѣмъ, что время праздничное, — не могутъ оставить своихъ гостей. Итакъ, бесѣды многолюдной и съ участіемъ начетчиковъ не могло состояться, потому что въ рѣдкомъ домѣ не было гостей и рѣдкій гость и хозяинъ были трезвы. Отъ старосты Василій Николаевичъ повелъ меня къ своему родственнику Лаврентію Филиппову. Въ числѣ гостей былъ отставной солдатъ Нилъ Павловъ. Онъ мнѣ очень понравился, степенный мужикъ, — угощался однимъ чаемъ, вина не пилъ. Хозяинъ указалъ мнѣ на него, какъ на сомнѣвающагося. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ только года съ два какъ отбился отъ церкви, но окончательно еще не присталъ ни къ одной изъ многочисленныхъ «старыхъ вѣръ». Интересно, что Нилъ Павловъ прежде былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей храма Божія, и священника не чуждался, даже водилъ съ нимъ дружбу, бывалъ у него гостемъ и его принималъ у себя какъ гостя; но...

— Года съ два какъ тянетъ меня къ старой вѣрѣ, — признавался Нилъ Павловъ, — кажется мнѣ, что здѣсь все лучше!

«Тянетъ къ старой вѣрѣ» не одного его. Поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ той мѣстности, гдѣ есть расколъ, и вамъ разскажутъ не одинъ случай, что иногда самый лучшій съ виду прихожанинъ церкви кончалъ переходомъ въ «старую вѣру». Причины: тамъ — служба дольше идетъ, все — по уставу, каѳизмы вычитываются, канонъ вычитывается, не позволяется въ моленной разговаривать... Выходитъ: наша слабость есть сила раскола. Бѣда въ томъ, что у насъ есть храмы, гдѣ служба идетъ богатырскими шагами. Все куда-то спѣшатъ, куда-то торопятся: все желаютъ

служащіе угодить тѣмъ, для кого служатъ... А прихожане вообще-то недовольны короткой службой, и иные бѣгутъ въ расколъ именно къ продолжительной, «уставной» службѣ. Значитъ, угождаютъ такимъ, для которыхъ все равно, хоть бы и никакой службы не было. Въ Москвѣ одинъ знакомый старообрядецъ по австрійскому священству, въ откровенной бесѣдѣ, вотъ что́ между прочимъ говорилъ мнѣ: «Пожалуйста, вы не думайте, что мы всѣ глупы (чего я и не думалъ и не думаю). Вѣдь вотъ я понимаю, что правда на вашей сторонѣ. Когда читаю ваши разсужденія, или миссіонерскія бесѣды, я весь вашъ, я вполнѣ соглашаюсь съ вами, что у васъ церковь, а мы дѣйствительно раскольники. Но когда я изъ области мысли и книгъ вступаю въ область жизни, то вижу, что большинство нашихъ *лучше* большинства вашихъ. Когда я читаю разсужденія вашихъ ученыхъ, доказывающихъ, что никоновское исправленіе богослужебныхъ книгъ не могло испортить православной вѣры, я вполнѣ признаю это; но вотъ я вхожу въ вашу церковь, чтобъ посмотрѣть вашу вѣру, и въ смущеніи выхожу вонъ, такъ какъ вижу, что даже и своего-то, никоновскаго устава и обряда у васъ не исполняютъ. Сказать ли вамъ? Я разъ было совсѣмъ оставилъ старообрядчество и уже пришелъ прощаться къ своему попу; да тотъ спросилъ у меня: а не будешь ли тужить по насъ? Я и остался въ теперешнемъ положеніи: ни старообрядецъ, ни вашъ... Головой, умомъ и разсужденіемъ я весь вашъ; но мое чувство противъ васъ и въ старообрядчествѣ оно находитъ себѣ успокоеніе. И вотъ не смотря на то, что я вижу всю незаконность нашего положенія, я все еще старообрядецъ, и чѣмъ кончу, не знаю самъ»... Это признаніе въ высшей степени характерно и интересно.

Кстати ужъ, — вотъ что̀ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ московскихъ же единовѣрцевъ: «Двое знакомыхъ, — одинъ православный, другой старообрядецъ, — долго спорили, чья вѣра истинная; старообрядецъ предложилъ наконецъ: пойдемъ, обойдемъ 40 церквей и будемъ глядѣть: умѣютъ ли попы ваши креститься? Пошли, — въ первой церкви

священникъ еле доводитъ руку до носу, — тяжела рука, не донесетъ до лба! не умѣетъ лба перекрестить! Православному досадно, обидно, стыдно; раскольникъ радъ и толкуетъ ему, почему это попъ *не можетъ* правильно перекреститься: «антихристъ связалъ руку, потому и не можетъ поднять ее до чела... и вообразить истинный крестъ Христовъ». Идутъ дальше, — и въ другихъ церквахъ все то же; въ иныхъ еще и хуже. Обошли 8 церквей, — раскольникъ радуется и толкуетъ по своему, что̀ такое значитъ, что попы не умѣютъ креститься; православный смутился, въ другія церкви не пошелъ и смотрѣть, да и совсѣмъ оставилъ церковь, ушелъ въ старую вѣру... Само собою разумѣется, что за недостатки и небрежность частныхъ людей, даже и священниковъ, отдѣляться отъ церкви не разумно и грѣшно; однако надо бы и намъ побольше имѣть сострадатія къ слабой совѣсти людей. Слишкомъ труднаго подвига мы требуемъ отъ простолюдина, чтобы онъ усмотрѣлъ православную церковь, не глядя на наши папиросы, воротнички и тросточки, особенно на наше неумѣнье перекреститься истово и нашу небрежность относительно точнаго исполненія устава въ церковныхъ службахъ... Великое дѣло — чувство, религіозное чувство! Оно-то и тянетъ Нила Павлова въ старую вѣру. Я не сталъ, и никогда не стану, да и не могу порицать и отрицать то, что̀ есть въ старообрядчествѣ хорошаго. Хорошее вездѣ хорошо, — и въ старообрядчествѣ, конечно, такъ же, какъ и въ нашей церкви. Я высказалъ все свое сочувствіе старообрядческой твердости въ вѣрѣ, ихъ усердію къ службѣ и уваженію къ церковнымъ уставамъ. Но я всегда разъясняю, и Нилу Павлову вмѣстѣ съ прочими слушателями старался разъяснить, что у старообрядцевъ, при всемъ ихъ желаніи быть вѣрными вѣрѣ отцовъ, во многомъ и самомъ существенномъ эта вѣра отцовъ нарушена. Въ примѣръ былъ взятъ вопросъ о числѣ просфоръ.

Я говорилъ:

— Когда при патріархѣ Никонѣ наименьшее число просфоръ на проскомидіи было указано пять, а не семь, то

родоначальники нынѣшнихъ старообрядцевъ этимъ страшно возмутились: какъ-де смѣли убавить двѣ просфоры?! Имъ, было жаль разстаться съ двумя просфорами. И доднесь старообрядцы все еще не могутъ успокоиться, — все еще горюютъ по убавленнымъ двумъ просфорамъ. А о чемъ горюютъ? — Богъ ихъ вѣдаетъ. Я спрашиваю у иныхъ: почему же непремѣнно нужно семь просфоръ, а нельзя пять? Отвѣчаютъ: семью хлѣбами Господь насытилъ четыре тысячи человѣкъ. — Ну, такъ что жъ? — дѣйствительно семью хлѣбами Онъ насытилъ четыре тысячи человѣкъ; объ этомъ сказано въ 15-й главѣ Евангелія отъ Матѳея (зач. 64), — это вѣрно; но если поэтому требовать, чтобы на проскомидіи было семь просфоръ, то отъ чего же не требовать, чтобы ихъ было пять? — вѣдь и пятью хлѣбами Онъ же, Спаситель, насытилъ пять тысячъ человѣкъ? Объ этомъ писано у того же Евангелиста Матѳея въ 14-й главѣ (зач. 58). Видите, было два чуда: въ одинъ разъ Христосъ пятью хлѣбами, въ другой — семью напиталъ великое множество народа.

Нилъ Павловъ сказалъ: значитъ, оба числа священны, такъ что и на пяти просфорахъ позволительно совершать обѣдню?

— Разумѣется! — отвѣтилъ я, — можно приносить на проскомидію и пять, и семь и сколько угодно больше. Видали, конечно, сколько приносятъ просфоръ на литургіи для поминовенія родныхъ, живыхъ и умершихъ!

— Зачѣмъ же тогда уставъ: то *семь*, то *пять* просфоръ?

— Вотъ зачѣмъ: больше — сколько угодно, а меньше нельзя; хоть бы никто изъ прихожанъ не подалъ на проскомидію, хоть бы во всей церкви только и было народа, что священникъ да дьячекъ, и то должно быть пять просфоръ или семь (гдѣ какой уставъ), — меньше нельзя.

— Больше — сколько угодно, а меньше положеннаго нельзя?

— Да. Но семь ли, пять ли просфоръ, обѣдня одинаково совершается. Рѣшительно все равно, что семь, что пять. Потому что,— вы не удивляйтесь,— литургія никогда не со-

вершалась и не совершается и не будетъ совершаться ни на пяти, ни на семи, ни на десяти просфорахъ, — *но всегда на одной.*

— На одной?!

— На одной... И не только послѣ Никона, но и до Никона всегда таинство причащенія совершалось на одной просфорѣ, потому что примѣръ и законъ такъ совершать его преподалъ намъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Тайная вечеря, совершонная Имъ въ четвергъ, наканунѣ Его крестныхъ страданій, есть первая обѣдня. Обѣдня то же, что вечеря. И когда причащаемся, мы говоримъ: «вечери твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими». Вѣчно одна и та же тайная вечеря, и одинъ совершитель таинства, — Господь Іисусъ Христосъ. А какъ Онъ совершилъ первую тайную вечерю, — по нашему первую обѣдню? Въ Евангеліи вотъ что̀ объ этомъ повѣдано: *Ядущимъ же имъ* (Апостоламъ), *пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое* (Мате. гл. 26, зач. 10). Слышите? — *пріемъ хлѣбъ,* — не хлѣбы, пять или семь, но хлѣбъ, — одинъ. Этотъ хлѣбъ становится тѣломъ Христовымъ. *Сіе есть тѣло Мое,* сказалъ Онъ. Тѣло же у Христа едино. Посему на причащеніе употребляется одна только просфора. Да и мы всѣ, которые причащаемся этого хлѣба небеснаго, которые принимаемъ въ себя Христа, должны помнить, что хотя насъ и много, но во всѣхъ насъ одинъ Христосъ; всѣ мы части одного тѣла — Христовой церкви, которая также одна: ибо «вси, по Апостолу (зач. 145, 1 Кор. 19 гл.) отъ *единаго* хлѣба причащаемся». Вотъ почему всегда на причащеніе употребляется ни больше, ни меньше, какъ одна просфора. Выбрать ее изъ пяти, изъ семи — не все ли равно?...

— А что же другія просфоры означаютъ? — спросили мои слушатели, — зачѣмъ еще четыре (въ пяти) и шесть (въ семи)?

— Вы запомните это хорошенько, — отвѣтилъ я, — первая просфора, — изъ семи ли ее выбирать, или изъ пяти, — и она одна, употребляется на причащеніе. И священнику

строго наказано, чтобы причащалъ непремѣнно этою одною, въ тѣло Христово преложенною, просфорою, и чтобы всячески опасался, какъ бы не причастить частицею изъ другихъ просфоръ. Все это потому, что на первой просфорѣ и на ней одной совершается таинство Евхаристіи; она именно прелагается въ тѣло Христово. Вторая просфора назначена для того, чтобы изъ нея вынимать частицу въ честь Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи; третья — чтобы вынимать частицы въ честь святыхъ разныхъ чиновъ. И такъ въ обоихъ случаяхъ, — служатъ ли на семи, или на пяти просфорахъ. Разность начинается далѣе и состоитъ въ томъ, что когда служатъ на семи просфорахъ, то поминаютъ о здравіи: за четвертой — священство, за пятой — царствующій домъ, за шестой — всѣхъ православныхъ христіанъ; а когда служатъ на пяти просфорахъ, то и священство, и царство, и міранъ поминаютъ о здравіи изъ одной четвертой. Въ этомъ и вся разница. Изъ седьмой же и пятой просфоры одинаково вынимаютъ частицы за умершихъ. Можно ли, разсудите, изъ-за такой незначительной разности не ходить за обѣдню въ православныя церкви?

Собесѣдники молчали. Я продолжалъ:

— Говорятъ иные, что никакъ нельзя поминать изъ одной просфоры всѣ три чина — священство, царство и народъ, потому что будто бы этимъ самымъ какъ-то смѣшиваются чины. Но... развѣ для Бога не все равно, кто ты: царь ли, священникъ ли, или простой человѣкъ? У людей есть чины; у Бога нѣтъ. Говорятъ, что нельзя смѣшивать чиновъ, а сами забываютъ, что на седьмой, заупокойной, просфорѣ поминаются вмѣстѣ всякіе чины: и священство, и цари, и народъ. Скажутъ, что есть разница между живыми и мертвыми? Но опять-таки эта разница есть только для насъ живыхъ людей; для Бога же нѣтъ мертвыхъ. Читайте въ 91 зачалѣ Евангелія отъ Матѳея, что̀ сказалъ Спаситель: *Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*. У Бога всѣ живы. Если за упокой можно поминать и священство, и царство, и народъ надъ одной просфорой, то конечно и за здравіе эти чины

можно поминать надъ одной же просфорой. Такъ мы и дѣлаемъ. И такъ соразмѣрнѣе: одна просфора за умершихъ, одна же и за живыхъ.

— Но вѣдь правильно и на семи просфорахъ служить: зачѣмъ же было измѣнять этотъ уставъ?

— Затѣмъ, — говорю, — чтобы во всемъ быть въ согласіи съ остальными православными народами. У всѣхъ православныхъ на проскомидіи употреблялось пять просфоръ; даже въ Кіевѣ было такъ, когда у насъ на Москвѣ служили на семи: вотъ и ввели единообразіе во всей православной церкви. Спорить и тогда было не изъ-за чего, и тѣмъ больше нечего спорить теперь! Понятно ли я говорю?

Возраженій не было. Нилъ Павловъ выразилъ даже удовольствіе, что теперь узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ признался, что много недоумѣній и смущеній въ народѣ отъ малознанія; а наставить — некому.

— А зачѣмъ на вашихъ печатяхъ перемѣненъ крестъ (осмиконечный на четырехконечный) и зачѣмъ отмѣнена подпись: «се агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра?» — спросилъ старикъ Григорій-глухой.

Я отвѣтилъ:

— Если на просфорѣ будетъ напечатано: «се агнецъ Божій», то что̀ это будетъ означать? — То, что эта просфора знаменуетъ собою Христа Спасителя, названнаго отъ Іоанна Крестителя Агнцемъ Божіимъ. Но одна только просфора можетъ быть такъ названа, — именно та, изъ которой причащаемся, а не всякая. Значитъ такое наименованіе «агнецъ Божій» не ко всякой просфорѣ идетъ, а только къ одной. Если же всякую называть «агнцемъ Божіимъ», то выйдетъ, что будто бы не одинъ Христосъ Агнецъ Божій. Крестъ же четвероконечный потому лучше печатать на просфорѣ, особенно той, которая назначена для агнца, что она разрѣзается на четыре доли, или части, — прямо по линіямъ креста, и сами эти части располагаются такъ, что образуютъ четвероконечный же крестъ; а крестъ восьмиконечный чрезъ это не отвергается.

Говорили потомъ о хожденіи по солонь. Между прочимъ я сказалъ:

— Если кто слишкомъ дорожитъ тѣмъ, чтобы непремѣнно идти за солнцемъ, тотъ долженъ знать, что это свѣтило, сотворенное Богомъ для того, чтобы во вселенной было свѣтло и тепло, нѣкогда угаснетъ, — придетъ и такое время.

Дѣдушка Григорій возразилъ, что этого быть не можетъ.

— Какъ, говорю, быть не можетъ? Вѣдь сказалъ же Господь, что предъ кончиною міра *солнце померкнетъ* (Матѳ. гл. 24, зач. 100)? Да и что такое солнце, чтобы такъ неотступно идти за нимъ человѣку? Вѣдь, если сравнивать, то передъ нимъ, дѣдушка Григорій, твоя душа дороже.

Дѣдушка Григорій обидѣлся за солнце.

— Какъ? солнце, отъ котораго вся жизнь на землѣ, которому Богъ велѣлъ сіять до скончанія міра, это солнце красное, — ты говоришь, — ничего не стоитъ?!...

— Не такъ, дѣдушка! Я не сказалъ, что солнце ничего не стоитъ. Я сказалъ, что душа человѣка такое сокровище, что дороже и самаго солнца. Не за небо, не за солнце и звѣзды, и не за землю, а за твою душу грѣшную пролилъ на крестѣ свою кровь Господь Іисусъ Христосъ. И когда онъ страдалъ за наши грѣхи, то солнце померкло, земля потряслась со страха. Весь міръ не стоитъ единой человѣческой души, а не то, что одно солнце. Кончится этотъ свѣтъ, не будетъ этого солнца, а душа твоя будетъ, потому что безсмертна она и вѣчно будетъ жить. За кѣмъ же ей идти на томъ свѣтѣ? Вѣдь этого солнца тамъ не будетъ... Все это я говорю къ тому, чтобы объяснить вамъ, что не за этимъ видимымъ солнцемъ, или не по этому видимому солнцу мы идемъ, когда крестимъ, напримѣръ, младенца, а за Христомъ и по Христу, Солнцу правды. Это Солнце не зайдетъ никогда; это Солнце вѣчно будетъ сіять. И день, когда свѣтло отъ Христа, будетъ безъ вечера — безконеченъ. Вотъ за этимъ-то Солнцемъ идутъ, когда ходятъ «посолонь».

Григорій и прочіе слушали съ большимъ любопытствомъ это объясненіе посолонія. Я продолжалъ:

— Что же значитъ, если я иду, напримѣръ, вокругъ церкви въ крестномъ ходу, или при крещеніи младенца, не «посолонь», а на встрѣчу солнцу? Опять и прежде всего, помните, что объ этомъ солнцѣ, которое ходитъ по небу, церковь при этомъ не думаетъ: она идетъ на встрѣчу Христу, Солнцу правды.

— Но что же это означаетъ «на встрѣчу солнцу?»

— То и означаетъ, что встрѣчаемъ Христа. Развѣ худо дѣлаетъ хозяинъ, когда встрѣчаетъ дорогого гостя? Нѣтъ! хорошо онъ дѣлаетъ. И мы хорошо дѣлаемъ, какъ бы выходя на встрѣчу Христу, Царю небесному. Господа Іисуса Христа сняли со креста, обвили плащаницами (благообразный Іосифъ съ Никодимомъ) и положили во гробѣ новомъ. Было это въ пятницу. Наше истинное солнце — Христосъ Богъ нашъ зашелъ во гробъ... Но вотъ въ свѣтлое воскресенье, раннимъ утромъ, оно взошло: «изъ гроба красное намъ возсія солнце». Какъ женихъ изъ чертога вышелъ Христосъ изъ гроба. Муроносицы жены пошли помазать тѣло умершаго Іисуса драгоцѣнными мазями, — но вмѣсто умершаго встрѣтили воскресшаго Господа: оказалось, что они вышли ему на встрѣчу. И теперь церковь, невѣста, идетъ справа налѣво — на встрѣчу своему Солнцу, Христу, Жениху своему. Что же тутъ плохого?

— Значитъ, и то и другое хорошо? — спросилъ Нилъ Павловъ.

— Я думаю, что и по солнцу и на встрѣчу солнцу одинаково хорошо ходить «вокругъ церкви».

— Толкуй ты! Все-то у васъ перепорчено, всю вѣру разорили! — вдругъ совершенно неожиданно заключилъ Григорій. Всталъ, взялъ въ руки картузъ, и ушелъ.

— Постой, дѣдъ, побесѣдуемъ еще.

Но онъ ушелъ и больше не приходилъ. Объясняли мнѣ, что онъ по глухотѣ не все могъ слышать, отъ того и ушелъ... Не знаю, но я былъ крайне удивленъ: человѣкъ все какъ-будто понималъ что̀ говорилось, соглашался, и вдругъ это: «все-то у васъ перепорчено!»...

Изъ собесѣдниковъ, кромѣ этихъ двухъ, Нила Павлова и Григорія глухого, я запомнилъ хорошо еще Семена Андреева. Онъ изъ деревни Вахрушева, сосѣдняго Бесѣднинскаго прихода, скромный, молчаливый мужичокъ, лѣтъ подъ сорокъ. Съ великимъ интересомъ онъ слушалъ, изрѣдка лишь задавая вопросы. Когда шла рѣчь о необходимости для всякаго христіанина причащаться тѣла и крови Господней, онъ сказалъ съ сокрушеніемъ: «А мы-то? Я и не помню, когда причащался! Должно быть, когда маленькимъ былъ, мать причащала; а самъ — и не помню, чтобы когда причащался». — Онъ звалъ меня въ Вахрушево и къ себѣ на домъ.

Поздно, часовъ въ 10, уѣхалъ я изъ Губина въ Домшино.

VI.

Въ Мешехонскомъ приходѣ.

На другой день (24 апрѣля) мы поѣхали со старостой въ село Мешехонье. Я разсчитывалъ, что въ среду (25-го), въ праздникъ Преполовенія, придетъ не мало народа въ церковь и будетъ съ кѣмъ и для кого поговорить. Но оказалось, что въ этотъ день и службы здѣсь не бываетъ, потому что народъ не считаетъ Преполовеніе за праздникъ и работаетъ. Рѣшили поэтому съѣздить въ деревню Кирьяково и дали туда знать черезъ церковнаго сторожа; еще дали знать въ другую какую-то деревню, чтобы желающіе слушать бесѣду приходили въ Кирьяково. 25-го утромъ мы встали въ 6-мъ часу и вмѣстѣ съ мешехонскимъ священникомъ, о. Николаемъ Левицкимъ, поѣхали туда. О. діаконъ повезъ мѣшокъ моихъ книгъ. До Кирьякова версты три. Для бесѣды избранъ былъ домъ Якова Семенова, кирьяковскаго богача и купца.

Народъ собирался постепенно. Всѣ стулья и диваны были заняты; принесли скамьи, — и тѣ заняли. Много народа стояло въ передней и въ сѣняхъ. Двери, разумѣется, были открыты. Кромѣ мужчинъ (человѣкъ до 50) были женщины и даже дѣти, хотя и не много. Итакъ не смотря на то, что день былъ рабочій, народу сошлось довольно. Иные приходили прямо съ

пашни, отъ сохи, бросивъ для бесѣды работу. Сначала мало было собственно собесѣдованія: я говорилъ, и меня молча слушали, какъ слушаютъ проповѣдь въ церкви. Съ приходомъ знакомаго мнѣ по великопостному собесѣдованію въ Домшинѣ Василія Яковлева бесѣда оживилась. Онъ прибѣжалъ прямо съ поля, босикомъ и въ одномъ коротенькомъ полушубкѣ. Сотворивъ обычный началъ, при чемъ довольно громко читалъ начальныя молитвы, онъ поздоровался съ о. Николаемъ и со мной, какъ со старымъ знакомымъ. Извинился, что не поспѣлъ къ началу: «хотѣлось допахать загонъ». Высказалъ, что радъ еще случаю побесѣдовать, и усѣлся напротивъ меня.

На этомъ Васильѣ Яковлевѣ я могу видѣть, что даже кратковременная бесѣда не остается безъ вліянія. Изъ домшинскаго собесѣдованія онъ многое запомнилъ. И, — почему онъ особенно и запомнился мнѣ, — имя Іисусъ онъ уже не боялся выговаривать, дѣлая удареніе тамъ, гдѣ слѣдуетъ: онъ говорилъ не Іи́сусъ, но Іису́съ. Я напомнилъ ему великопостную бесѣду съ нимъ. Такъ какъ онъ тогда не видалъ старопечатныхъ книгъ, то я показалъ ему это имя въ Іоасафоскомъ и юсовомъ (изъ семинарской библіотеки) Евангеліяхъ. Онъ мало спорилъ. Другіе же поспорили, — и больше всѣхъ Севастьянъ Трифоновъ, русый мужикъ лѣтъ 50. Онъ, въ разговорѣ, часто посматривалъ въ какія-то рукописи. Отсюда, очевидно, онъ черпалъ свои мысли. При одномъ случаѣ онъ даже предложилъ мнѣ прочитать «вотъ это».

— Что же это такое?

— Виноградъ россійскій и соловецкая.

— Благодарю, — отвѣчалъ я. И читать не стану. Читалъ и знаю...

Севастіанъ опечалился... Его книга, которой онъ вѣритъ, вдругъ при всемъ народѣ удостоена такого отзыва, что и читать ее не стоитъ. Ему было обидно за свою книгу и вѣру, которая держится вся на этой книгѣ.

— Отъ чего? Хорошая книга.

— Хорошая, говорю, — особенно названіе «Виноградъ»... Василій Яковличъ! Поговори-ка ты ему объ этихъ книгахъ,

которыхъ не читалъ и не одобрялъ не то — что патріархъ, или архіерей, но даже и ни одинъ древлеправославный дьячекъ. Помнишь, что̀ ты говорилъ объ несвидѣтельствованныхъ книгахъ?

Василій подтвердилъ, что ни на Соловецкую, ни на Виноградъ и подобныя книги никакъ нельзя ссылаться: онѣ не имѣютъ ни донпконовской древности, ни надлежащаго церковнаго авторитета.

Севастіанъ спрашиваетъ: «Что же? — такъ ничего и не сто̀ятъ они?»

— Нѣтъ, говорю, сто̀ятъ; но столько же мало для меня, какъ наша исторія для тебя. Василій не даромъ не придаетъ такимъ книгамъ никакого значенія въ спорныхъ вопросахъ. А между тѣмъ вы всю свою мудрость почерпаете изъ этихъ книгъ: вы стоите не на старопечатныхъ и старописьменныхъ книгахъ, а именно на этихъ сочиненіяхъ вашихъ первыхъ наставниковъ. Вѣдь если разсуждать такъ, какъ разсуждается въ Соловецкой, тогда нельзя слѣдовать никакой книгѣ, потому что разностей въ книгахъ множество, а Соловецкая всякую разность одной книги противъ другой зачисляетъ въ ересь. Слѣдуя этому способу разсужденія о книгахъ, что̀ мы сдѣлаемъ съ самыми Евангеліями? Вотъ въ одномъ напечатано: «Отче нашъ иже еси на небесѣхъ»; въ другомъ *еси* нѣтъ. Какъ тутъ быть? Вѣдь это ересь, по разуму Соловецкой. Или вотъ еще: читайте Тріодь патріарха Іова (читаются книги при этомъ). Напечатано: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова». Въ Тріоди же патріарха Іоасафа (въ Вологодской моленной видалъ) эта же пѣснь такъ читается: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, гробнымъ животъ дарова». Вы слышите разность? Знай эту разность Соловецкіе челобитчики, они непремѣнно обличили бы патріарха Іоасафа въ ереси; а за ними вы, не разсуждая, стали бы кричать, что Іоасафъ еретикъ, потому что вмѣсто «смертію смерть поправъ», напечаталъ «смертію на смерть наступи». Вѣдь кричите же, что Никонъ еретикъ,

потому что Христосъ воскресе читается въ его книгахъ не по Іоасафовски, а по Іововски.

Утвердивши, какъ мнѣ казалось, своихъ собесѣдниковъ въ той мысли, что разница въ буквахъ не есть еще разница въ вѣрѣ, и что Соловецкая челобитная не надежный руководитель, я возвратился къ той мысли, что старыя книги не оправдаютъ старообрядцевъ. Такъ я указалъ по этимъ книгамъ, что въ нихъ встрѣчается имя *Іисусъ*.

— И, однако, — продолжалъ я, — вы обвиняете насъ, что будто бы подъ этимъ именемъ *Іисусъ* мы вѣруемъ въ иного бога... въ антихриста... Такую дикую мысль выдумали ваши первоучители; а вы ее повторяете! Вотъ объ этомъ вашемъ обвиненіи давайте поговоримъ.

И вотъ какія мысли я изложилъ имъ. Объ Іисусѣ Христѣ повѣствуетъ святое Евангеліе, что Онъ родился, когда «изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную»; умеръ при Понтійскомъ Пилатѣ; воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо и паки пріидетъ со славою судити живыхъ и мертвыхъ. Онъ есть истинный Богъ нашъ, воплотившійся и вочеловѣчившійся насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія отъ Духа Свята и Приснодѣвы Маріи; спасеніе наше Онъ содѣлалъ на крестѣ, бывши умерщвленъ и распятъ и проливши свою кровь за наши грѣхи... Развѣ таковъ будетъ антихристъ? Развѣ онъ родился тогда, когда «изыде повелѣніе кесаря Августа написати всю вселенную?» Развѣ Онъ умеръ на крестѣ за наши грѣхи? Развѣ Онъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца? Развѣ Онъ послалъ апостольской церкви Духа Святаго?... Боже мой! до чего можно договориться, если толковать по вашему, что Іи҃сусъ инъ богъ...

— Нѣтъ вашъ *Іисусъ* родился 8 лѣтъ спустя послѣ нашего *Ісуса*, — замѣтили мнѣ.

— Если такъ, то значитъ въ то время, когда *Ісусу* Христу было 33$^{1}/_{2}$ года, *Іисусу* Христу было на восемь лѣтъ меньше, т.-е. только 25$^{1}/_{2}$ и значитъ Онъ былъ именно современникъ *Ісуса*, почти ровесникъ Ему.

Василій Яковлевъ заинтересовался этими цифрами; Севастьянъ же долго не понималъ; не понимали и другіе.

Я просилъ Василія Яковлева растолковать имъ, въ чемъ дѣло. Когда, казалось, уже всѣ поняли, Гаврило съ Сухолома все-таки замѣтилъ: «*Ісусъ* Христосъ родился въ лѣто отъ сотворенія міра 5500, а *Іисусъ* въ лѣто 5508. Ваша церковь проповѣдаетъ другой годъ рожденія, чѣмъ древнеправославная, какого и мы держимся».

Я замѣтилъ Гаврилѣ: церковь не проповѣдуетъ, что Христосъ родился въ 5508 году отъ сотворенія міра.

— Какъ не проповѣдуетъ?!

— Она проповѣдуетъ, что Христосъ родился; въ Евангеліи она находитъ годъ, въ какомъ Онъ родился, — именно знаетъ изъ Евангелія, что это было въ томъ году, когда «изыде повелѣніе кесаря Августа написати всю вселенную» (Лук. зач. 5); но какой именно это былъ годъ *отъ сотворенія міра*, я изъ устъ церкви прямо не слыхалъ, да и ты не слыхалъ.

— Что вы говорите?! въ вашемъ календарѣ прямо сказано, что Христово рождество было въ лѣто отъ сотворенія міра 5508; какъ же вы увѣряете насъ, что церковь ваша этого не проповѣдуетъ!... Покажите календарь; есть онъ у васъ?

— Календаря со мной нѣтъ; да и зачѣмъ онъ мнѣ?! Ты не говори: въ вашемъ календарѣ! Календарь не церковная книга; онъ столько же нашъ, сколько и вашъ.

— Да вѣдь ваша же церковь проповѣдуетъ, что Христосъ родился въ 5508 г. отъ сотворенія міра!!

— Никогда этого церковь не проповѣдала. Она проповѣдуетъ Христа, «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася». А сколько лѣтъ до воплощенія Сына Божія прошло отъ сотворенія міра, церковь, и наша и ваша, объ этомъ молчитъ. И я не знаю, въ какомъ году отъ сотворенія міра Христосъ родился.

— Какъ? ужели не знаешь? Вѣдь въ вашемъ же келендарѣ (жаль, что его при тебѣ нѣтъ) прямо сказано. что въ 5508...

— Ты опять о календарѣ... Да я календарю не вѣрю, — и все тутъ. Развѣ календарь Евангеліе, или Апостолъ, или какая святоотеческая книга? Слыхалъ ли ты, чтобы въ церкви его читали когда-нибудь?

— Календарь не читаютъ... А все же въ новыхъ книгахъ несогласно со старыми говорится о томъ, когда родился Христосъ, — въ новыхъ указанъ 5508-й годъ, а въ старыхъ 5500-й.

— Значитъ и по твоему новыя книги согласны со старыми, когда говорятъ, что Христосъ родился?

— Въ этомъ-то согласны, а о годѣ рожденія несогласны.

— И о годѣ рожденія согласны, потому что и старопечатное Евангеліе и новопечатное въ 5-мъ зачалѣ отъ Луки одинаково указываютъ годъ рожденія Христа Спасителя: «Бысть во дни тыя изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную». И отъ рождества Христова, по всѣмъ книгамъ, идетъ теперь 1890 г.

— Да какъ же,—по вашему до Рождества Христова прошло отъ сотворенія міра 5508, а по старопечатнымъ книгамъ 5500 лѣтъ?

— Такъ значитъ не о годѣ рожденія спорятъ книги, а о томъ, какой это былъ годъ отъ сотворенія міра, — такъ что ли?

— Да вѣдь это все равно!

— Нѣтъ, не все равно. Книги не спорятъ о томъ, какой теперь годъ отъ рождества Христова; значитъ согласно признаютъ одинъ и тотъ же годъ, въ который Христосъ родился и отъ котораго теперь идетъ счетъ лѣтъ. Книги несогласны только по вопросу о томъ, какой это былъ годъ отъ сотворенія міра: одни говорятъ, что 5508-й, другія — 5500-й. Но вѣдь это не касается вѣры; да и между старыми книгами по этому вопросу есть разница: въ одной написано, что отъ сотворенія міра до рождества Христова столько-то лѣтъ, а въ другой не столько.

— Нѣтъ, старыя книги всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что Господь родился въ 5500 лѣтѣ отъ сотворенія міра.

— Не говорите такъ, потому что это неправда.

Я взялъ въ руки книгу Кириллову и сталъ читать на л. 13: «пришествіе Христово первое бысть съ небесъ на землю *въ полшесты тысячи лѣтъ* отъ сотворенія свѣта, егда изволи во утробу Пречистыя Дѣвы отъ Духа Святаго по человѣчеству зачатися и родитися».

— Вотъ, видишь, прямо сказано въ полшесть тысячи лѣтъ, т.-е. въ 5500 году.

— Ну, этого еще я не вижу: здѣсь время рожденія Христа Спасителя не указано же со всею точностью, что вотъ именно въ 5500 году отъ сотворенія міра оно было, а говорится, приблизительно, — въ половинѣ шестой тысячи. Но не стану спорить, — пусть тутъ именно разумѣется 5500 годъ. Почитаемъ теперь въ этой книгѣ листъ 500-й на оборотѣ. Здѣсь кончается посланіе Константина, князя Острожскаго, о православной вѣрѣ, написанное противъ уніи. Кончается оно такими словами: «Въ лѣто отъ созданія міра 7104, а отъ по плоти Рождества Христова 1595, мѣсяца іюля 24, написася». Князь Константинъ ведетъ лѣтосчисленіе и отъ мірозданія и отъ рождества Христова. Не трудно узнать, сколько онъ считалъ до рождества Христова отъ сотворенія міра: надо только изъ годовъ отъ сотворенія міра до написанія посланія вычесть годы отъ рождества Христова до написанія посланія. Если изъ 7104 вычесть 1595, то выйдетъ 5509. Значитъ князь Константинъ считалъ, что Христосъ родился отъ сотворенія міра въ 5509 году.

— Быть не можетъ!

— Считайте сами.

— Да тутъ говорится не о томъ, въ какомъ году Христосъ родился; здѣсь говорится о времени написанія посланія.

Нужно было разъяснять, что по этимъ указаніямъ легко высчитать, какой годъ отъ сотворенія міра Константинъ Острожскій, а съ нимъ вмѣстѣ и издатель Кирилловой книги, считали годами рождества Христова. Хозяинъ-торговецъ принесъ счеты. И по счетамъ получался тотъ же годъ, какой при моемъ устномъ вычисленіи.

— Вотъ, говорю, вы сами видите, что Константинъ,

православія великій защитникъ, считалъ годомъ Рождества Христова отъ сотворенія міра не 5500-й годъ, а 5509-й, — значитъ ровно 5508 лѣтъ. Жилъ же Константинъ Острожскій много раньше Никона, — значитъ, не Никонъ выдумалъ 5508 годъ. Не говорите же на насъ, что мы отбавили 8 лѣтъ Христу. Видите, одна и та же книга, а по разному говоритъ на разныхъ страницахъ о годахъ отъ сотворенія міра до рожденія Христова. Хотите ли видѣть, что и книга Вѣра признаетъ не одинъ и тотъ же годъ рожденія Христова.

— Покажи.

Я раскрылъ Книгу о вѣрѣ и сталъ читать на листѣ 167, на об., изъ 18 главы: «Соборовъ описаніе вкратцѣ. Первый соборъ въ Никеи вифинійстѣй, въ лѣто отъ сотворенія міра пятьтысящное осмь сотъ 25, по иныхъ 300 осмое надесять. А отъ воплощенія Сына Божія 325 (по нѣкихъ 318)». Слышали, что̀ я прочелъ?

— Слышали. Ты намъ растолкуй.

— Толковать тутъ нечего, — надо просто запомнить, что̀ прочитали. Что міръ сотворенъ и что первый вселенскій соборъ былъ — это несомнѣнно. Но сколько лѣтъ прошло отъ сотворенія міра до 1-го вселенскаго собора? «Первый, читаемъ, соборъ въ лѣто отъ созданія міра 5825-е, по иныхъ 318», т.-е. 5318. Велика ли здѣсь разница въ счетѣ лѣтъ до собора отъ созданія міра? Вычтите изъ 5825 лѣтъ 5318, останется 507 лѣтъ. Вотъ вы и потолкуйте! Считали годы отъ сотворенія міра до перваго вселенскаго собора, и одни насчитали 5825, а другіе на 500 слишкомъ лѣтъ меньше, — только 5318!

— Пойдемъ дальше: «а отъ воплощенія Сына Божія 325 (по нѣкихъ 318)». Опять, — считали, сколько лѣтъ прошло отъ рождества Христова до перваго вселенскаго собора, и также разные люди по разному сочли, — одни говорили 325, другіе — 318. Вы не очень удивляйтесь такой разности; вѣдь вы хорошо знаете, что «сколько головъ, столько умовъ»... Вотъ, что ваша церковь построена, — это вѣрно, и что отецъ Николай при ней священникомъ, — это тоже вѣрно. Объ этомъ никто не можетъ

спорить. Ну, а сколько лѣтъ прошло съ построенія вашего храма до поступленія къ нему о. Николая, объ этомъ я могу съ тобой, примѣрно, Василій Яковлевичъ, — спорить. Ты скажешь, что о. Николай поступилъ къ вамъ 180 лѣтъ спустя отъ построенія вашей церкви, а я пожалуй буду говорить, что не 180, а 161 годъ спустя. Бѣды въ этомъ не будетъ. Но возвратимся къ тому, что̀ мы прочитали въ Книгѣ о вѣрѣ. Сообразите вы сами: говорится, что до 1-го вселенскаго собора отъ сотворенія міра прошло 5825 лѣтъ; теперь, если отъ рождества Христова, какъ здѣсь же говорится, прошло до этого собора 325, то значитъ отъ сотворенія міра до рождества Христова считается 5500 лѣтъ (5825 безъ 325 = 5500); а если, какъ здѣсь же говорится, прошло не 325 лѣтъ, а только 318, то значитъ и отъ сотворенія міра до рождества Христова считается уже не 5500, а 5507 лѣтъ (5825 — 318 = 5507). И еще въ той же книгѣ говорится, что отъ сотворенія міра до 1-го вселенскаго собора другіе считаютъ 5318 лѣтъ. Теперь, если отъ рождества Христова до собора считать 325 лѣтъ, то отъ сотворенія міра до рождества Христова выйдетъ только 4993 года (5318 — 325 = 4913), а если считать 318 лѣтъ, то выйдетъ 5000 (5318 — 318 = 5000).

— Повторимъ, что̀ мы узнали изъ Кирилловой книги и Книги о вѣрѣ относительно года рождества Христова отъ сотворенія міра:

по Кирилловой книгѣ л. 500 об. это есть 5509-й годъ (7104 — 1595 = 5509)

по Книгѣ о Вѣрѣ л. 167 об. это есть:

1) 4993-й годъ (5318 — 325 = 4993).
2) 5000-й годъ (5318 — 318 = 5000).
3) 5500-й годъ (5825 — 325 = 5500).
4) 5507-й годъ (5825 — 318 = 5507).

— Итакъ, мы сравнивали показанія двухъ книгъ о годѣ рождества Христова отъ сотворенія міра и нашли 5 различныхъ цифръ, при чемъ есть разница не только на 8 лѣтъ (какъ между годами 5508 и 5500), но и на цѣлыхъ 516

3*

(5509 и 4993). А все же, во всѣхъ этихъ мѣстахъ одинаково проповѣдуется рожденіе единаго Христа. Разсуждай я, какъ разсуждаютъ иные изъ старообрядцевъ, что, если въ разныхъ книгахъ указаны равные годы отъ сотворенія міра до рождества Христова, то, значитъ, въ нихъ проповѣдуется не объ одномъ Христѣ, — разсуждай я такъ, я бы не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать съ этими старопечатными книгами, въ которыхъ такъ различно опредѣляется годъ рождества Христова. Но я не боюсь, что одинъ человѣкъ насчиталъ на 8 лѣтъ больше, а другой на 507 годовъ меньше отъ мірозданія до рождества Христова, — я не боюсь такой разности, я знаю, что міръ сотворенъ единымъ Творцемъ всего видимаго и невидимаго, и что здѣшній міръ людской спасенъ единымъ безгрѣшнымъ Господомъ нашимъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, — а до годовъ мнѣ мало дѣла... Я знаю хорошо, что все это было дѣйствительно; а сколько лѣтъ тому назадъ было, — объ этомъ хорошо, если знаю, но никакой бѣды нѣтъ, если и не знаю.

Рѣчь о разности въ лѣтосчисленіи шла очень долго. Слишкомъ трудно было моимъ слушателямъ принять, понять и согласиться, что можетъ быть такая разность. Однако должны были понять и согласиться. Вообще, я употреблялъ всѣ старанія, чтобы доказать, что разность въ лѣтосчисленіи на 8 лѣтъ не можетъ служить доказательствомъ, будто новыя книги проповѣдуютъ иного Христа сравнительно со старыми.

Когда шла рѣчь о причащеніи, я, разобравши безпоповщинскія мудрованія о возможности для христіанина обходиться безъ причащенія святыхъ таинъ, приступилъ къ изложенію положительнаго ученія церкви объ этомъ великомъ таинствѣ. Въ это время надвинулась очень грозная туча; въ комнатѣ, гдѣ мы бесѣдовали, стало темно. Народъ подъ грозой затихъ, крестясь при каждомъ ударѣ грома. Я говорилъ (между прочимъ):

— Никто не знаетъ лучше самого Установителя таинства причащенія всей его нужды для насъ, грѣшныхъ людей. А онъ что̀ говоритъ? Своимъ божественнымъ словомъ Онъ

завѣряетъ всѣхъ насъ, что необходимо причащеніе каждому, вѣрующему въ Него: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

Только-что я прочиталъ по Евангелію это слово Христа Спасителя, какъ раздался необыкновенно сильный ударъ грома. Многіе вздрогнули; всѣ перекрестились. Когда замерли послѣдніе звуки грома, я продолжалъ:

— Слышнѣе, чѣмъ этотъ громъ небесный, раздалось слово Христа Спасителя. Мы одну минуту слышали этотъ громъ; а слово Христово на всѣ вѣка гремитъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.* И если, когда грянулъ громъ, всѣ невольно вздрогнули и перекрестились, то какъ же до сей поры не образумятся наши безпоповцы, какъ не страшенъ имъ громъ Христовыхъ словесъ, что безъ причастія невозможно спасеніе? Этотъ громъ прокатился какъ бы прямо надъ безпоповскими головами; а они не слышатъ, или не слушаютъ. На что ужъ нѣмцы, лютеране, и тѣ причащаются; а наши русскіе, величающіе себя православными, мечтаютъ, что будто бы можно спастись и безъ благодатнаго таинства соединенія со Христомъ. И не только сами не принимаютъ Христа чрезъ это таинство, но и другихъ учатъ жить безъ причащенія святыхъ таинъ. Но мы, ученики Христовы, не разлучились со Христомъ. *Господи! Камо идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши...* А вотъ глаголъ Его: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не иматевъ себѣ.* И глаголъ Его ясенъ, какъ эта ослѣпительная молнія, и слышенъ, какъ этотъ оглушительный громъ, и страшенъ, какъ громъ же, даже страшнѣе грома. «Страшенъ отвѣтъ Христовыхъ словесъ» говорится въ книгѣ о Вѣрѣ (л. 51, гл. 6), и яко истина суть словеса Его симъ заключаетъ: *небо и земля мимо идетъ, словеса же Моя не мимо идутъ* (Мѳ. зач. 101). Кто не ужаснется отъ вышереченнаго запрещенія и не послушаетъ гласа Господня? развѣ той, иже животъ вѣчный погубити хощетъ...» Мы не хочемъ погу-

бить живота вѣчнаго, мы хочемъ спасти его; будемъ же слушаться гласа Господня, который призываетъ насъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое... пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя,* — рѣшительно всѣ, и старые и малые, и люди всѣхъ странъ и народовъ, — потому что за всѣхъ Христосъ положилъ свою душу и за всѣхъ пролилъ свою животворящую кровь. Кто наперекоръ Христову повелѣнію «пійте отъ нея *вси*», становится къ сторонкѣ, когда другіе идутъ къ чашѣ святаго причащенія, какъ бы говоря: идите вы, а я не пойду, тотъ несчастный думаетъ, очевидно, спасти свою душу самъ, своими силами.

Толковали и о разныхъ «новшествахъ», считаемыхъ старовѣрами за страшныя ереси, о чаѣ, о табакѣ, бородахъ. Они утверждали, что брить бороду — грѣхъ. Я отвѣчалъ:

— По моему, мужчина съ бородой благообразнѣе, чѣмъ безъ бороды. Особенно не идетъ бриться старикамъ. По моему, борода, особенно хорошая, большое украшеніе мужчины. Кромѣ того, бородой мужчина отличается отъ женщины, и ненужно лишать его этого отличія. Но все-таки, ужели грѣхъ — брить бороду?

— Грѣхъ, — говорятъ, — потому-что ей Богъ повелѣлъ расти.

— А волосы на головѣ грѣхъ подстригать?.. а ногти грѣхъ остригать? Вѣдь и имъ Богъ повелѣлъ расти...

— На головѣ — другое дѣло...

— Ничѣмъ, — говорю, — не разнятся волосы на головѣ и на бородѣ. Если грѣхъ брить бороду, то грѣхъ же и стричь голову.

— Нигдѣ не писано, что грѣхъ стричь голову, а про бороду писано, что ее грѣхъ брить.

— Гдѣ же писано?

— Въ Кормчей.

— Это посланіе, что ли, монаха Никиты, напечатанное въ Кормчей? Ты его разумѣешь, когда говоришь — писано о бородѣ?

— Да.

— Слушайте, что я скажу объ этомъ. Никита не святой отецъ и посланіе его не каноническое, какъ есть каноническія посланія нѣкоторыхъ святыхъ отецъ, — это разъ. Второе: Никита написалъ посланіе о латинскихъ ересяхъ; онъ дѣлаетъ обличенія латинскихъ отступленій на основаніи Евангелія и правилъ св. отецъ и вселенскихъ соборовъ. Но когда онъ дошелъ до обличенія брадобритія латинскихъ поповъ, то промахнулся, сославшись на законъ: въ законѣ писано: «постризало да не взыдетъ на брады ваши». Онъ говоритъ: въ законѣ; а въ какомъ законѣ? Въ нашемъ христіанскомъ нѣтъ указа, чтобы не бриться, или не стричься. Это было писано въ ветхомъ законѣ; но вѣдь «прейде сѣнь законная, благодати пришедшей». А если кто думаетъ, что непремѣнно нужно исполнять обрядовый законъ Моѵсеевъ, тотъ почитай въ Дѣяніяхъ апостольскихъ главу 15 объ отмѣнѣ Моѵсеева закона для христіанъ, и еще въ Посланіи Ап. Павла къ галатамъ, гдѣ говорится, что даже обрѣзаніе, самый главный изъ обрядовыхъ законовъ Моисея, не имѣетъ никакого отношенія къ нашему спасенію, что все спасеніе наше во Христѣ. Монахъ Никита сослался на законъ; но вѣдь въ этомъ законѣ и свинины не велѣно ѣсть, однако христіане ѣдятъ ее, не смотря на запрещеніе ветхаго закона. Значитъ, христіане могутъ бриться и стричься, не смотря на запрещеніе ветхаго завѣта. Кто думаетъ, что безбородаго, съ остриженой, или бритой бородой, Богъ въ рай ни приметъ, тотъ не знаетъ Евангелія, гдѣ нѣтъ и помину о спасительной силѣ человѣческой бороды.

Была еще рѣчь о дрожжахъ, — спрашивали: «можно ли печь просфоры на дрожжахъ? — вѣдь дрожжи дѣлаются изъ хмѣля, а въ хмѣлѣ пьянство».

Я сказалъ: Если бояться хмѣля, въ видѣ дрожжей, то какъ не боимся причащаться виномъ, подъ видомъ котораго преподается кровь Христова? Самъ Христосъ установилъ таинство причащенія Его кровію подъ видомъ вина.

Много и еще было говорено и спрашиваемо. Конецъ дня прошелъ именно въ вопросахъ; мои собесѣдники не спорили,

только все спрашивали, особенно Василій Яковлевъ. Мы мирно разстались въ 7 часовъ вечера.

Возвращаясь съ о. Николаемъ въ село, я чувствовалъ себя очень хорошо и, казалось, не замѣчалъ устали, хоть проговорилъ 12 часовъ непрерывно; но, поужинавши, заснулъ какъ убитый.

На другой день (26 апрѣля) я часовъ до 12 все ждалъ Василія Яковлева и другихъ, которые съ нимъ хотѣли придти еще побесѣдовать; но они не пришли. Изъ Курьякова пришли только два брата — старики, не бывшіе вчера на бесѣдѣ за отлучкою куда-то изъ деревни, да изъ сосѣдняго Елданскаго прихода — нѣсколько женщинъ, также изъ другихъ деревень всего до десятка. Съ ними побесѣдовалъ часа три и вечеромъ въ 4 часа я уѣхалъ изъ Мешехонья.

VII.

Въ дер. Сухоломѣ.

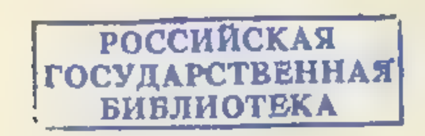
Дорога изъ Мешехонья въ Домшино идетъ по Петербургскому почтовому тракту. На немъ стоитъ деревня Сухоломъ, гдѣ живетъ Гаврила Дмитріевъ, бесѣдовавшій со мною и вчерашній день и на Горѣ 22-го числа. Я велѣлъ кучеру завернуть къ нему. Вошелъ въ его избу. Онъ съ нѣсколькими гостями сидѣлъ за столомъ, чай пилъ. Всталъ и подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе. Въ числѣ гостей былъ и Семенъ Яковлевъ, въ домѣ котораго наканунѣ съ утра до вечера шла бесѣда.

И меня усадили за столъ пить чай. За чаемъ вспомнили вчерашнюю бесѣду. Вспоминая, мы повторяли сказанное въ ней. Пришлось достать изъ мѣшка книги, чтобы заставить почитать хоть и читанное вчера, но уже позабытое нынѣ. Очень смышленый мужикъ Варѳоломей читалъ и помогалъ мнѣ разъяснять читанное. Я всегда бываю радъ собесѣдникамъ, въ родѣ этого Варѳоломея. Онъ понялъ — и другимъ сдѣлаетъ понятнымъ то, что̀ самъ понялъ. Узнавши, что у Гаврилы сидитъ миссіонеръ, народъ сталъ приходить и набралась полная изба слушателей. Я засидѣлся часа на два

слишкомъ. Изъ этой бесѣды передамъ лишь то, что̀ больше всего интересовало слушателей, — именно рѣчи о печати антихристовой.

У Гаврилы Дмитріева есть не мало книгъ, — онъ почитываетъ черезъ очки. Когда рѣчь зашла объ антихристѣ, онъ досталъ книгу «Альфа и Омега» и просилъ прочитать изъ нея 67-ю главу и растолковать ее. Здѣсь идетъ рѣчь именно объ антихристѣ. Самыми мрачными чертами изображается время его гоненій на церковь. Между прочимъ говорится, что земля ничего не будетъ родить, что рыба въ моряхъ и рѣкахъ перемретъ, народъ съ голоду будетъ умирать и некому будетъ хоронить умирающихъ. Когда читалось это мѣсто, кто-то изъ слушателей сказалъ: «Видите, какія страсти будутъ! Теперь же ничего этого нѣтъ: и земля родитъ и живая рыба въ водахъ». Семенъ Яковлевъ, обращаясь ко мнѣ говорилъ: «я вѣрю, что это будетъ, а вотъ Гаврила не вѣритъ; я же вѣрю, что непремѣнно это будетъ».

— Не дай Богъ, — отвѣтилъ я, — чтобы такіе ужасы постигли землю и человѣческій родъ. Но что этотъ антихристъ, о которомъ здѣсь говорится, еще не пришелъ, это совершенно ясно, потому что теперь, благодареніе Богу, время вовсе не такое ужасное, какъ тутъ описано. У насъ и земля еще родитъ хлѣбъ, и рыбку мы временами кушаемъ, и нигдѣ, во всю дорогу, я не видалъ, чтобы на улицѣ валялся мертвецъ и некому бъ было его похоронить, и имя Господа нашего Христа Спасителя вездѣ прославляется, и храмы Божіи на всякомъ мѣстѣ. Нѣтъ никакого гоненія на православныхъ христіанъ. Я не считаю за гоненіе, когда безпаспортныхъ бродягъ сажаютъ въ тюрьму: странники-бѣгуны сами себѣ добываютъ гоненіе, — они играютъ въ него. И ни на комъ я еще не видалъ печати антихриста. Ты, Гаврила, не слушай тѣхъ, которые въ нашемъ троеперстіи видятъ эту печать. Антихристъ будетъ врагъ Христу; онъ будетъ отлучать отъ Христовой вѣры. Христосъ насъ научилъ вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу святую, единосущную и нераздѣльную. Антихристъ будетъ отучать людей отъ

этого Христова ученія. Подумайте, можетъ ли быть любезна анрихристу такая печать, которая, какъ наше троеперстіе, означаетъ именно вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Святую, единосущную и нераздѣльную? Эта вѣра въ Троицу какъ бы надпись на нашемъ троеперстіи. Антихристу ненавистна мысль о Святой Троицѣ: какъ же его печать можетъ проповѣдывать Троицу? — Подумайте хорошенько.

— И еще то подумайте: если печать къ чему-либо приложить, то будетъ видно. На паспортѣ приложена печать, и всякій, кто взглянетъ на паспортъ, увидитъ ея отпечатокъ. Если троеперстіе есть печать, то гдѣ же и кто видалъ ея отпечатокъ? Вотъ, смотрите, я перекрещусь, т.-е. на чело, на животъ, на правое и лѣвое плечо положу эту самую печать. Ну, что же, остался ея отпечатокъ? Никакого отпечатка нѣтъ.

— Дальше написано: Антихристъ дастъ свою печать своимъ слугамъ, — не всѣмъ людямъ дастъ печать, а только тѣмъ, кто признаетъ его власть, кто отречется отъ Христа. А мы, которые троеперстно крестимся, вѣруемъ и исповѣдуемъ, яко Христосъ есть Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти... Кто принялъ печать антихриста, тотъ нехристь, — а мы развѣ нехристи?

— Сказано (Апокал. гл. 13, ст. 17): «Кто не приметъ печати антихристовой, тому нельзя будетъ ничего ни купить, ни продать». Ты, Семенъ Яковлевъ, не крестишься троеперстно, не принялъ этой, по нечестивому ученію безпоповцевъ, печати, — однако ты торгуешь, и успѣшно торгуешь! Если бъ это была правда, что троеперстіе печать антихриста, не могъ бы ты безъ этой печати торговать. Я знаю, что многіе изъ закоренѣлыхъ старовѣровъ и глядѣть-то безъ ужаса не могутъ на ничѣмъ невинные персты, но и тѣ торгуютъ и богатство торговлей нажили, — а все говорятъ, что троеперстіе печать антихриста, которую, если кто не приметъ, тому нельзя будетъ ни купить, ни продать!

— Потомъ, въ Апокалипсисѣ (гл. 13, ст. 16) сказано, что антихристъ дастъ свою печать «на челѣ, или на десной рукѣ».

Не сказано: дастъ одному человѣку двѣ печати, — не сказано, что запечатаетъ одного человѣка двумя печатями, по одной: кого на челѣ, а кого на правой рукѣ. И незачѣмъ на одинъ паспортъ прикладывать двѣ печати, — незачѣмъ на одного арестанта два клейма полагать. Печати антихриста — это клейма его. По нимъ онъ будетъ узнавать своихъ послѣдователей. Если же троеперстіе есть его печать, то подумайте: что за чудная печать! Вотъ она есть (складываю три перста), а вотъ ея и нѣтъ (разжимаю персты).

— Такъ, значитъ, никакъ не приходится, чтобы троеперстіе могло оказаться печатью антихриста?

— Судите сами, — говорю, — а по моему, и подумать-то нельзя, чтобы оно было печатью врага Христова, потому что значеніе-то ея: Троица нераздѣльная — ножъ острый для него.

Казалось, что мои собесѣдники поняли всю вопіющую нелѣпость безпоповщинской хулы на троеперстіе. Особенно Варѳоломей былъ доволенъ разъясненіями о печати. Кажется, онъ и спросилъ потомъ: «откуда же это взяли толковать, что троеперстіе — печать антихриста?»

— Я не знаю откуда. Когда спрашиваешь, въ какой книгѣ напечатано, что троеперстіе есть печать врага Христова? — молчатъ. Потому что нигдѣ такой нелѣпости не напечатано. Впрочемъ, иные говорятъ, что написано въ Апокалипсисѣ. Бери ты Апокалипсисъ въ руки и читай: ни слова ты не найдешь ни о трехъ, ни о двухъ перстахъ. Но есть, помимо Апокалипсиса св. Іоанна Богослова, другой «Семитолковый Апокалипсисъ». Кто его сочинялъ, я не знаю; но вотъ въ немъ, дѣйствительно, ужасъ что̀ говорится. Какая это дерзкая и лживая книга, вы можете видѣть изъ того, что въ истинномъ Апокалипсисѣ всего-на-всего 22 главы, а въ Семитолковомъ больше 90... Кто написалъ и кто принимаетъ этотъ Апокалипсисъ, тѣ смѣются надъ святымъ Апостоломъ: мало-де ты написалъ, мы тебя дополнили, поправили твое дѣло, — у тебя о троеперстіи и помину нѣтъ, а мы вписали въ Апокалипсисъ, что оно — печать антихриста.

Да развѣ можно такъ умничать надъ священными книгами? Если кто вмѣсто 28 главъ Евангелія отъ Матѳея напишетъ 88 и скажетъ: Евангеліе отъ Матѳея... развѣ это будетъ дѣйствительно Евангеліе отъ Матѳея? Это подлогъ и дерзкое глумленіе надъ Евангелистомъ. И такими-то подлогами занимаются безпоповскіе сочинители. А безграмотные кричатъ съ ихъ словъ: «святый Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ называетъ троеперстіе печатію антихриста. Ненадо ходить въ церковь, — тамъ у всѣхъ троеперстіе!» Вотъ откуда пошли толки о троеперстіи, что оно печать антихриста и потому употреблять его нельзя: отъ невѣдѣнія того, что̀ писано въ священномъ писаніи и въ старопечатныхъ книгахъ, да отъ обмана и клеветы на писаніе озлобленныхъ на церковь людей.

— Что это за книга Апокалипсисъ, — сказалъ кто-то, — какая она мудрая, да занимательная?!

— Апокалипсисъ, — говорю, — книга, которую церковь никогда не читаетъ за богослуженіемъ. Апокалипсисъ — книга, которая помѣщена въ самомъ концѣ Библіи. Она мудрена и непонятна; и ее нужно читать уже послѣ всего, изучивши и понявши все, что̀ раньше ея написано въ Библіи. Старовѣры же, не зная ни Евангелія, ни Апостола, хватаются прямо за конецъ Библіи — за Апокалипсисъ... и уподобляются дѣтямъ, которыя, не зная еще азбуки, берутъ въ свои ручонки книгу, даже на иностранномъ языкѣ, держатъ ее вверхъ ногами — и читаютъ, читаютъ...

— Дѣйствительно, мы похожи на этихъ дѣтей, — сказалъ Гаврила, — мудрены намъ книги; а все же хочется узнать. Кому же хочется погибнуть?! Мы боимся ереси; мы хочемъ знать православную вѣру.

— Слушай, Гаврила и вы всѣ, почтенные гости! Не узнаешь никогда православной вѣры, если не будешь читать Евангелія; узнаешь неправославную вѣру, если будешь читать книги, въ родѣ Соловецкой челобитной, или Седмитолковаго Апокалипсиса. Надо вѣровать во Евангеліе. Увѣруешь во Евангеліе, увѣруешь и въ Церковь, истинную хранительницу и

толковательницу Евангелія. И какъ станешь на этомъ нерушимомъ камени вѣры Христовой, будешь стоять твердо и непоколебимо, будешь знать, что до вѣка нерушима церковь Христова и нѣтъ такой силы, которая бы могла пошатнуть ее. По слову Христову, не то что Никонъ, или кто другой изъ людей, но и сами врата адовы не одолѣютъ ей. Храня печать Христову, не будешь ты бояться печати антихристовой, да и не можетъ коснуться тебя эта печать.

— А какая это печать Христова? — заинтересовались мои собесѣдники. Они всѣ много слышали отъ старовѣровъ объ антихристовой печати, о Христовой же печати, о «печати дара Духа Святаго» они, должно быть, никогда не слыхали. Рѣчью объ этой печати, налагаемой на христіанина въ таинствѣ св. мγропомазанія, и кончилась моя бесѣда съ ними.

Мы разстались. Гаврила снова на прощаньи подошелъ подъ благословеніе. Благословляя его, я сказалъ ему: «вѣруй во Христа и не бойся никакого антихриста; дорожи печатію Христовою, и не посмѣетъ антихристъ наложить на тебя свою скверную печать; молись Господу, чтобы не отнялъ Онъ у тебя Духа своего Святаго, имже запечатленъ ты въ день крещенія твоего, и живи, какъ подобаетъ жить члену церкви, за которую Христосъ на крестѣ пролилъ свою кровь, еюже очищаемся въ таинствѣ причащенія отъ всякаго грѣха».

И я уѣхалъ... Мнѣ было очень жаль этого человѣка, алчущаго и жаждущаго правды, но имѣвшаго несчастіе подпасть подъ вліяніе раскольниковъ, которые повредили его своими нечестивыми толками о православной церкви.

Я пріѣхалъ уже поздно, часовъ въ 8 вечера, въ Домшино.

VIII.

Въ д. Ларивоновѣ (на Согожѣ).

На другой день я, о. Іаковъ и Василій Николаевичъ поѣхали на Согожъ. Мѣстный священикъ, о. Арсеній Монастыревъ, ожидалъ насъ. Побывъ у него немного, мы поѣхали въ деревню Ларивоново, гдѣ въ волостное правленіе сби-

рался народъ, оповѣщенный, что пріѣхалъ миссіонеръ для бесѣды.

Первый разъ у меня бесѣда происходила въ общественномъ зданіи и въ присутствіи сельскихъ властей (старшины и урядника). Мои опасенія, что присутствіе этихъ лицъ будетъ стѣснительно для старовѣровъ, къ моей радости, оказалось совершенно напрасными.

На столѣ за перегородкой, отдѣляющей присутствіе отъ остальной половины очень обширной избы, разложилъ я свои книги, вынутыя изъ мѣшка. Мы, три священника, сѣли за столъ. Бесѣда началась ровно въ часъ пополудни. Послѣ краткой молитвы я началъ говорить о томъ, что старообрядцы не знаютъ нашей вѣры, и вслѣдствіе этого незнанія чуждаются насъ.

— Они опасаются, говорилъ я, что наша церковь приняла ереси; а какія ереси? — того и сами хорошо не знаютъ, и на наши вопросы объ этихъ мнимыхъ ересяхъ отвѣта разумнаго дать не могутъ., Указываютъ, наприм. въ томъ ересь, что у насъ употребляются на проскомидіи пять просфоръ вмѣсто семи. Но ревниво отстаивая двѣ просфоры, они дошли до того, что не имѣютъ уже ни одной и, что̀ всего ужаснѣе, не имѣютъ даже причащенія святыхъ Христовыхъ таинъ, безъ котораго душа умираетъ, какъ тѣло безъ хлѣба... Есть у нихъ такіе несчастные, которые увѣряютъ, что можно обходиться безъ причащенія. И люди, носящіе имя Христово, но не читающіе во святомъ Евангеліи ученія Христова и не знающіе его, вѣрятъ такимъ учителямъ. Найдутся, вѣрно, такіе, которые и здѣсь будутъ спорить, что и безъ причащенія тѣла и крови Христовой можно получить спасеніе. Правда, прямо они этого не скажутъ, — они знаютъ, что имъ мы напомнимъ Евангельское слово, изреченное самимъ Господомъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ*. Они станутъ говорить, что теперь нѣтъ возможности причащаться, потому что будто бы такое теперь время несчастное, что прекратилась Христова тайная вечеря —

негдѣ будто бы причаститься. Мы скажемъ имъ на это: «Христосъ Спаситель, установивъ таинство причащенія, повелѣлъ совершать оное въ Его воспоминаніе до втораго Его пришествія, и самъ обѣщалъ пребывать всегда съ вѣрующими въ Него: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка;* и аще: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Какъ же вы говорите, что теперь невозможно причащаться»? Въ отвѣтъ на это, они заговорятъ такое, что́ еще больше обвиняетъ ихъ... Станутъ ссылаться и на книги старопечатныя. Но всѣ книги учатъ не тому, чему учатъ старовѣры. Книги проповѣдуютъ вѣчность церкви со всѣми ея таинствами, и съ священствомъ, и съ причащеніемъ. Мы возьмемъ хоть одну книгу, Кириллову, и почитаемъ изъ нея немножко объ этомъ, о чемъ говорили теперь такъ, нап сть

— Слушайте, что́ говоритъ Кириллова книга: «рекутъ еретицы, то уже іерейства и жертвъ въ церкви Христовѣ нѣсть потребы».

— Безпоповцы, правда, не говорятъ, что іерейства и жертвы нѣсть потреба; они говорятъ: потреба хотя и есть, да только все-таки можно обойтись безъ іерейства (и самое имя ихъ: безпоповцы, показываетъ эту ихъ вѣру) и безъ таинственной жертвы Христовой (причастія у нихъ нѣтъ). Но это почти и говорятъ «еретицы».

«Писано бо есть (читаю дальше въ Кирилловой книгѣ): безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется (Евр. зач. 316). Въ первомъ законѣ бысть Ааронъ большій, отъ него же по ряду вси іереи благословеніе пріимаху. Но Мельхиседекъ иного рода, иже бысть іерей Бога вышняго, по образу Христа, той бысть Аарона больше, понеже великій патріархъ Авраамъ даде ему десятины. Ктому Мелхиседекъ уставися по чину во іерействѣ во вѣки пребывати. Ааронъ во своемъ іерействѣ поставленъ на время, и не возмогоша іереи его во вѣки пребывати, смерть Ааронова имъ прекратила. Того ради Христосъ, не по Ааронову временнаго, но по Мелхиседекову вѣчнаго чина, пріиде Архіерей вѣчныхъ благъ. И якоже самъ никогда не умираетъ,

также и іерейство его по чину Мелхиседекову не престаетъ. Якоже пишетъ (псаломъ 109): ты еси іерей во вѣки по чину Мелхиседекову. Престало тогда архіерейство Аароново, яко временное, возстало же Христово вѣчное».

— Если безпоповцы говорятъ: теперь не можетъ быть священства, то они забываютъ, когда они живутъ. Теперь новый завѣтъ и вѣчное священство новаго завѣта. Вотъ, вы слышали, что̀ напечатано въ старинной книгѣ, которую староверы очень любятъ; въ ней прямо сказано: могло статься, что ветхозавѣтное священство прекратилось, потому что и самый первый священникъ, отъ котораго велся корень того священства, Моисеевъ братъ *Ааронъ умеръ*. Но сколько велика разность между Аарономъ и Христомъ, столь же велика разность и между Аароновымъ и Христовымъ священствомъ. Христово священство не можетъ прекратиться: «и якоже самъ (Христосъ) никогда не умираетъ, тако и священство Его по чину Мелхиседекову не престаетъ». На мѣсто прекратившагося временнаго іерейства, «возстало Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ возставъ (читаемъ дальше въ той же книгѣ), Апостоловъ своихъ на се (на священство) освяти хиротоніею, еже есть руковозложеніемъ. И воздвигъ руцѣ свои, и благослови ихъ и вознесеся на небо (Лук. зач. 114). А Апостоли паки епископовъ освятиша, яко же пишетъ (Дѣян. зач. 31): тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, и отпустиша ихъ проповѣдати слово Божіе. А епископи паки поповъ, яко же пишетъ (Дѣян. зач. 35): освящьше имъ попы на вся церкви, помолившеся съ постомъ, предаша ихъ Господеви. И паки индѣ пишетъ (Тит. зач. 300): сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недокончанная исправиши и устроиши во всѣхъ градѣхъ попы, якоже азъ тебѣ повелѣхъ». Вотъ, въ старинной книгѣ описанъ и порядокъ, какимъ дошло до нашихъ дней Христово священство: Христосъ поставилъ Апостоловъ, Апостолы — епископовъ (архіереевъ), епископы — поповъ (священниковъ). Кто видалъ у священниковъ ставленныя грамоты, тотъ знаетъ, что онѣ начинаются такъ: «По благодати, дару и власти всесвятаго и животво-

ращаго Духа, даннѣй намъ отъ самаго великаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа чрезъ святыя и священныя Его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники»... такого-то «по обычаю и чину святыя апостольскія восточныя церкви, благословеніемъ и рукоположеніемъ нашимъ, содѣйствующу томужде животворящему и всесовершающу Святому Духу, посвятили мы его во іерея ко храму» такому-то... Чинъ этотъ отъ самыхъ апостольскихъ временъ строго блюдется въ апостольской церкви до нашихъ дней. Гдѣ теперь не совершается таинства хиротоніи (рукоположенія), тамъ пресѣклось законное священство — апостольство, тамъ церковь больше уже не апостольская церковь, въ которой всегда должны быть апостолы (священство), тамъ безпоповщина, или лжесвященство. Но у безпоповцевъ не одинъ чинъ священства нарушенъ; они бѣдны не однимъ священствомъ; они обнищали и многими другими благодатными дарами Христовыми: у нихъ и жертвы христіанской нѣтъ. И понятно, почему нѣтъ, — некому безъ священниковъ совершать ее.

— По послушаемъ, что̀ дальше въ старинной книгѣ говорится, — тамъ именно отвѣчено на вопросъ: настанетъ ли когда такое время, что не будетъ совершаться великое таинство причащенія?

«Се имаши іерейство Христово, иже не пріиде разорити, но прежній законъ и его іерейство въ новый истинный вѣчный законъ премѣнити, якоже пишетъ (Евр. зач. 19): ибо премѣненія ради священства имать тако же быти и закону премѣненіе, еже есть: вмѣсто по чину Ааронову предастъ намъ своихъ священниковъ по чину Мелхиседекову. Вмѣсто же Аароннихъ жертвъ, овновъ и крови, повелѣ намъ тѣло и кровь свою въ хлѣбѣ и винѣ жертву приносити, глаголя: сіе творите приношеніе жертвы въ память мою. Да яко убо пишетъ: отъемлетъ первое, да второе поставитъ (Евр. зач. 323). И яко же премѣнися первое священство, то и жертва: ибо сіе вкупѣ бываетъ, и ни едино безъ другаго не можетъ быти».

— Безпоповцы говорятъ: это и мы знаемъ, что на мѣсто ветхозавѣтной жертвы Христосъ установилъ свою, да срокъ

ей прошелъ... Но старая книга далѣе увѣряетъ насъ, что Христовы тайны установлены на всѣ вѣка. Слушайте, что̀ говорится далѣе:

«О семъ бо (о перемѣнѣ ветхаго завѣта на новый) Богъ за многа лѣта жидомъ пророкомъ прорекъ глаголя (Малах. 1): нѣсть хотѣніе мое въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы отъ рукъ вашихъ не пріиму. Ибо отъ востокъ солнца до запада славимо будетъ имя мое во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени моему и жертва чистая будетъ, яко славно и велико имя мое во языцѣхъ, глаголетъ Господь».

— Что же означаетъ это пророчество Малахіи пророка, что на всякомъ мѣстѣ будетъ приноситься Господу жертва? Дальше растолковано:

«Яко уже не восхотѣ (Господь) жертвы отъ рукъ скверныхъ жидовскихъ и именова иную жертву, себѣ возлюбленную, треми чинми написавъ, яко имать быти во языцѣхъ и на всякомъ мѣстѣ жертва чистая».

— Вотъ, Богъ еще задолго до Христова рождества устами пророка предсказалъ, что будетъ, на мѣство жидовской, иная жертва, чистая и на всякомъ мѣстѣ приносимая, — не у однихъ жидовъ, а у всѣхъ народовъ. Что же это за жертва? Вотъ что̀ объ ней говорится далѣе:

«И се есть жертва, которую церковь Христіанская, отъ языкъ избранная, приноситъ во всемъ мірѣ Господу Богу *и до скончанія вѣка приносити имать,* — тѣло и кровь Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въ память смерти его»...

— Слышите ли вы, безпоповцы? Вы говорите, что вѣруете точно такъ, какъ велятъ вѣровать старопечатныя книги. Но вотъ старопечатная книга, — или, вѣрнѣе, люди, которые ее писали, — вотъ они какую вѣру проповѣдуютъ: жертва, которую соборная церковь во всемъ мірѣ приноситъ Господу Богу, тѣло и кровь Іисуса Христа, — эта жертва будетъ приноситься церковію до скончанія вѣка! Слышите: до скончанія вѣка причастіе, а не до лѣтъ Никона патріарха!

Ваша вѣра — безвѣріе, невѣріе и Христовымъ словамъ и вотъ этимъ самымъ старымъ книгамъ, какія мы теперь читаемъ. Да и подумайте: могло ли прекратиться то, чему быть до скончанія міра заповѣдано самимъ Христомъ? Какъ же это: Христосъ велѣлъ причащаться, и вдругъ оказывается, что нельзя причащаться! Можетъ ли быть, чтобъ Божіе слово не исполнилось?

— А какъ же Богъ обѣщалъ престолу Давыдову быть до вѣка, а теперь гдѣ престолъ его? — спросилъ кто-то изъ присутствовавшихъ. На картинѣ я видалъ портреты всѣхъ правителей всего міра, а еврейскаго царя не видалъ.

— Не видалъ, говоришь? И однако есть онъ, — царь изъ дома Давидова, непремѣнно есть. Самъ Богъ обѣщалъ престолу Давидову быть до вѣка; поэтому не можетъ быть, чтобы не было и царя изъ дома Давидова. Богъ не можетъ обмануть, не можетъ ошибиться, и не можетъ быть, чтобы у него не достало силъ исполнить свое слово, потому что Онъ Богъ всевѣдущій и всемогущій и преблагой.

— Но гдѣ же онъ, царь еврейскій? — слышу опять.

— Ты, говорю, самъ ежедневно молишься Ему и Господомъ Его называешь. Онъ-то, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и есть сынъ Давидовъ и царь изъ дома Давидова. Вотъ что̀ говорилъ о немъ Архангелъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи: *и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца* (Лук. зач. 3). И какъ сбылось Божіе слово о вѣчности царства Давидова, такъ же оно сбылось о вѣчности жертвъ; только вмѣсто крови овновъ и тельцовъ мы приносимъ Богу жертву иную: тѣло и кровь Его Сына. А что должна была совершиться такая перемѣна, объ этомъ предсказано у Малахіи пророка, — помните? И о пророчествѣ его вотъ что̀ говорится далѣе въ старой книгѣ:

«Сіе пророчество по истинѣ ко увѣренію, понеже сильно и непобѣдимо есть. Ибо тѣхъ рѣчей, въ немъ написанныхъ, ни въ которой иной жертвѣ, кромѣ тоя, не обрящется. Первое не обрящется въ жертвѣ Господни, яко на крестѣ бысть,

ибо не во языцѣхъ, но въ жидовствѣ, и не на всякомъ мѣстѣ, но токмо на единой горѣ Голгоѳѣ, и не всегда, но единою паки. Такоже невозможно приложити къ жертвѣ хваленія и ни ко иной внутренней жертвѣ нашей...»

— Слышно ли вамъ, что̀ читается?... Вотъ безпоповцы говорятъ: мы замѣняемъ причащеніе молитвами (жертвой хваленія), постами, добродѣтелями... А старинная книга завѣряетъ, что никакая другая жертва, ни постъ, ни молитва, ни добродѣтель, не замѣнитъ той жертвы, о которой предсказалъ Малахія пророкъ, — и поясняетъ, почему:

«Ибо никто не обрящется чистъ предъ лицемъ Божіимъ, якоже пишетъ: кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто можетъ чистъ быти отъ грѣховъ. И еще индѣ пишетъ: и небо нѣсть чисто и звѣзды не суть чисты предъ нимъ. Никоимъ бо образомъ тѣхъ словесъ можемъ разумѣти ни о которой иной жертвѣ, кромѣ тоя, яже отъ вознесенія Господня на небеса и донынѣ въ церкви христіанской во всякомъ мѣстѣ приносится чистая жертва тѣла и крове Агньца Божія, иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ его. И ту святую жертву еще отъ Апостолъ церковь Христова ядеіемъ пріимъ дѣйствуетъ. Понеже не токмо еже Апостоли написаша, но еже и предаша, все въ цѣлости пріимъ соблюде...

— Понятно? Этихъ только двухъ листовъ (76—79) въ старой книгѣ довольно, чтобы понять, что нѣтъ вѣры православной у безпоповцевъ. Истинные древлеправославные христіане вѣровали, что и священство и жертва тѣла и крови Христовой до скончанія вѣка будутъ въ церкви; а наши «древлеправославные» эту вѣру потеряли, ибо возвѣстили и жертвѣ и священству христіанскому конецъ уже давно, больше двухъ сотъ лѣтъ назадъ. Значитъ, у нихъ не старая вѣра, а какая-то совсѣмъ неизвѣстная временамъ дониконовскимъ. Всѣ христіане вѣровали и вѣруютъ, что церковь — невѣста Христова на землѣ пребудетъ до тѣхъ поръ, пока пріидетъ паки, уже со славою, ея Женихъ — Христосъ. А по ихъ вѣрѣ, церковь, не дождавшись Жениха, улетѣла сама на

небо, оставивъ своихъ дѣтей здѣсь, на землѣ, безъ священниковъ и безъ таинства причащенія. Но церковь не улетала на небо; она здѣсь, на землѣ, только надо ее разглядѣть...

Во время этого чтенія Кирилловой книги съ моимъ объясненіемъ старшина привелъ поближе къ намъ трехъ крестьянъ и, прерывая меня, сказалъ: «вотъ это у нихъ, у старообрядцевъ, тоже, что у насъ священники: намъ желательно, чтобы вы занялись съ ними». Я предложилъ этимъ старообрядческимъ наставникамъ сѣсть съ нами. Они сѣли и внимательно слушали, что́ я читалъ. Первый прервалъ молчаніе старикъ, по имени Павелъ. Онъ глухой, какъ Домшинскій Северіанъ. У него бываютъ собранія по праздникамъ: онъ читаетъ книги, какія у него есть. Павелъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ задалъ мнѣ такой мудреный вопросъ: «вы, великороссейцы, увѣряете, что ваша церковь ни въ чемъ не отступила отъ правилъ древней церкви; а гдѣ же у васъ, въ вашихъ храмахъ, мѣста для припадающихъ, плачущихъ, для оглашенныхъ? Вѣдь въ древней церкви все это было!...» Вопросъ былъ такъ не къ дѣлу, — толкъ шелъ совсѣмъ о другомъ, — что я рѣшилъ послѣ отвѣтить этому старичку: «подожди, говорю, дѣдушка, дойдетъ и до этого». И послѣ хотѣлъ дѣйствительно отвѣтить ему, но случилось такъ, что увлекшись другими предметами, совсѣмъ забылъ о Павловомъ вопросѣ. Уже послѣ бесѣды вспомнилъ и велѣлъ одному мужичку передать Павлу: «отъ того у насъ ты не видишь мѣста для оглашенныхъ, что нѣтъ у насъ оглашенныхъ; смѣшно спрашивать, почему нѣтъ въ домѣ люльки, когда хорошо знаешь, что и ребенка нѣтъ». Переданъ ли этотъ отвѣтъ Павлу не знаю; но Павелъ, не получивъ на свой вопросъ объ оглашенныхъ отвѣта, должно быть думалъ про себя: значитъ, я правъ, что не хожу въ церковь, — миссіонеръ не могъ отвѣтить мнѣ. Впрочемъ, съ Павломъ, какъ и съ Северіаномъ Домшинскимъ, трудно вести бесѣду: глухи слишкомъ.

Чтеніе изъ Кирилловой книги тянулось долгое время (соб-

ственно чтеніе и немного времени заняло бы, но приходилось дѣлать поясненія, отступленія и сопоставленія съ другими старопечатными книгами). Кончивъ чтеніе, я спросилъ безпоповщинскихъ наставниковъ: правильно ли то, что̀ напечатано въ Кирилловой книгѣ (и другихъ) о вѣчности христіанскаго священноначалія и великаго таинства причащенія тѣла и крови Господней?

Сказать, что въ старопечатной, дониконовской книгѣ напечатано что-нибудь неправильно, имъ, разумѣется, было нельзя. Потому одинъ изъ наставниковъ, Никандръ Онисимовъ, мужичекъ лѣтъ пятидесяти, или около, и отвѣтилъ мнѣ уклончиво:

— Все, что напечатано въ старопечатныхъ книгахъ, правильно, и что читано о церкви, о причастіи и о священствѣ, — то же правильно; мы вѣруемъ, что такъ и должно быть, какъ тутъ написано; да только не знаемъ, гдѣ она — истинная церковь Христова, при множествѣ христіанскихъ сектъ. Объ вашей тоже сомнѣваемся, нѣтъ ли въ ней ересей.

Но мнѣ хотѣлось, чтобы наставники безпоповскіе прямо и публично сознались, что ихъ общества не составляютъ той церкви, которую проповѣдуютъ старопечатныя книги. Я и пытался нѣсколько разъ спрашивать у нихъ: «ваше-то общество можно ли удостоить названія истинной церкви, когда въ немъ нѣтъ ни Христопреданнаго пастырства и священства, ни данныхъ Христомъ благодатныхъ средствъ ко спасенію?» Одако, прямого отвѣта я не могъ добыть на этотъ очень прямой вопросъ, — все уклонялись въ сторону, такъ что я рѣшился перейти къ разбору нашихъ мнимыхъ ересей, т.-е. тѣхъ особенностей нашей церкви, изъ-за которыхъ упрямо держится расколъ.

— Вы сомнѣваетесь, говорю, идти въ нашу церковь потому, что она поетъ теперь (это было во время пятидесятницы): «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова», — а не по вашему, что у насъ печатаютъ *Іисусъ*, а не *Исусъ*, что на ѳоѣднѣ у насъ пять, а не семь просфоръ, и т. д.

И я началъ по порядку объяснять народу, что всѣ эти обвиненія, взводимыя старообрядцами на великороссійскую церковь, совсѣмъ несправедливы.

— Вотъ у насъ, говорю, есть Тріодь цвѣтная патріарха Іова: въ ней по нашему напечатано Христосъ воскресе... Вотъ два древнепечатныхъ Евангелія: въ нихъ есть *Іисусъ...*

Приведя еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, я сказалъ:

— Видите, за что обвиняютъ старовѣры нашу церковь, все это есть въ старинныхъ книгахъ, все это не новшество, а главное — во всемъ этомъ нѣтъ ничего не православнаго, еретическаго, а потому все это хорошо и должно быть принято членами церкви, даже если бы и не втрѣчалось въ старыхъ книгахъ.

О пѣніи святонедѣльнаго тропаря (Христосъ воскресе) мало спорили. Книга очень ясно свидѣтельствовала о немъ (а много смотрѣли сами, какъ напечатано: «смертію смерть поправъ», или «смертію на смерть наступи»?). Особенный интересъ возбудило разночтеніе этого тропаря въ одной и той же Тріоди. Неоднократно напечатано: священникъ глаголетъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»; а братія поютъ: «и сущимъ *вó гробѣ* животъ дарова». Значитъ такъ же, какъ и у насъ; я объяснилъ только, что *вó гробѣ* неправильно, потому что не всѣ же мертвецы заключены въ одномъ гробѣ, — правильнѣе: во гробѣхъ.

Здѣсь же на пасхальномъ молебнѣ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и *гробнымъ животъ дарова*». Но такъ, говорю, не поемъ теперь ни мы, ни вы.

Далѣе — отпустъ на молебнѣ священникъ глаголетъ сице: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, *смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова,* истинный Богъ нашъ, *молитвами* пречистыя Его Матере ..» Опять, говорю, по нашему. И еще смотрите: «*Молитвами*» пречистыя Его Матери. Вѣдь такъ по старовѣрчески нельзя; вы увѣряете, что надо: *за молитвъ...*

Отпустъ на обѣднѣ: іерей «держай крестъ», вмѣсто «слава тебѣ Боже, упованіе наше» (говоритъ): «Христосъ воскресе

изъ мертвыхъ, смертію *на смѐртъ* наступи; мы же (т.-е людіе, братія) глаголемъ: и сущимъ во̀ гробѣхъ животъ дарова». И здѣсь опять ни по вашему, ни по нашему. Замѣтьте еще: здѣсь «во̀ гробѣхъ», а въ другихъ мѣстахъ «во гробѣ̀хъ».

Эта разность въ постановкѣ ударенія то на предлогѣ, то на существительномъ тоже вызвала вниманіе у моихъ собесѣдниковъ, равно какъ въ выраженіи «смертію *на смерть*», а не «*на̀ смерть*», какъ непремѣнно требуютъ старовѣры...

Изъ бесѣды о другихъ предметахъ особенно интереснаго ничего не было. Никандръ Онисимовъ дѣлалъ обычныя замѣчанія о неправильности будтобы нашихъ особенностей сравнительно со старообрядцами. Его молчаливо поддерживало большинство бывшихъ на бесѣдѣ старообрядцевъ. Изъ православныхъ мнѣ запомнился хорошо Сергѣй, изъ деревни Воронцова, — мужчина лѣтъ 50, не женатый, богатый; я слышалъ, что его старовѣры сбивали съ толку, и я радъ былъ видѣть, что онъ хорошо понималъ все, что говорилось. Необыкновенно тоскливо чувствуешь себя, когда, обратившись къ толпѣ слушателей съ вопросомъ, поняли ли что-нибудь изъ говореннаго, не слышишь ничего въ отвѣтъ, — молчатъ. Сергѣй доставлялъ мнѣ отрадное чувство, потому что онъ часто повторялъ мои объясненія чуть не буквально.

Когда говорили объ имени Іисусъ, Никандръ Онисимовъ приводилъ противъ него обычныя у старообрядцевъ возраженія, но безуспѣшно. На выручку отцу вышелъ изъ толпы сынъ, молодой парень, лѣтъ 19, а впрочемъ женатый и видавшій виды. Пытаясь растолковать, что никакъ нельзя читать *Іисусъ* (а непремѣнно нужно читать *Ісусъ)*, Никандръ разгорячился и нѣсколько разъ уходилъ съ бесѣды, но опять возвращался и снова начиналъ свое. Сынъ оказался толковѣе отца, и я съ нимъ побесѣдовалъ бы. Объ имени Іисусъ онъ сознался, что тутъ (т.-е. въ показанныхъ ему старопечатныхъ книгахъ) дѣйствительно два *и*, но сначала все пытался объяснить одно, какъ прилогъ, а потомъ сказалъ, что «нынѣ мы не можемъ объ этомъ разговаривать: не подго-

товились». Перешли поэтому къ другимъ предметамъ. Но вернулся, — уже въ который разъ, не помню, — Никандръ и, дернувши сына за рукавъ, сказалъ: «пойдемъ, Алексѣй Никандровичъ!» — и увелъ-таки отъ меня парня, уже начинавшаго кое-что уразумѣвать. Конечно, я приглашалъ Никандра Онисимовича продолжить бесѣду; но онъ отказался, извиняясь тѣмъ, что ему некогда: пора стоитъ рабочая. Онъ высказалъ, между прочимъ, нѣчто въ родѣ объясненія, почему имъ трудно бесѣдовать: «народъ мы рабочій; дѣло наше — не за книгами, а за сохой, да бороной; если бъ мы подготовились, тогда бы разговоръ вышелъ другой. А то мы только вчера узнали, что вы пріѣдете».

— Очень жаль, отвѣтилъ я ему, что только вчера вы узнали. Я за десять дней письмомъ увѣдомлялъ васъ (черезъ священника), что я пріѣду на нынѣшній день. А что ты говоришь о подготовкѣ, такъ я могу только радоваться этому. Вѣдь, какъ только ты, Никандръ Онисимовичъ, или кто другой изъ старообрядцевъ, подготовитесь, почитаете побольше старопечатныхъ книгъ, такъ мнѣ съ вами гораздо легче будетъ разговаривать; ты видишь, что я тоже говорю отъ старопечатныхъ книгъ... Вотъ у тебя братъ есть, Аввакумъ Онисимовъ; съ нимъ должно быть, легче разговаривать, потому что онъ начитанный человѣкъ. Я читалъ бесѣды съ нимъ крестьянина Ивана Александрова (изданіе Братства св. Петра митрополита): изъ этой бесѣды видно, что братъ твой не такъ, какъ ты, понимаетъ объ нашей церкви...»

Никандръ Онисимовъ сказалъ, что «бесѣды печатаются не такъ, какъ ведутся, и на брата много наврано». — И затѣмъ ушелъ, не смотря и на мои просьбы остаться, и на просьбы другихъ.

Отзывъ Никандра Онисимова о печатныхъ бесѣдахъ заинтересовалъ меня. Я и прежде слышалъ отъ старовѣровъ, что въ печати будто намѣренно неточно передаются ихъ рѣчи, высказываемыя ими на собесѣдованіяхъ съ нашими миссіонерами. Возстановляя теперь мою Ларивоновскую бесѣду, я старался о правдивости моего изложенія, хотя, чтобы не

повторяться, многое долженъ былъ опустить. Если моя эта бесѣда въ печатномъ видѣ попадетъ къ Никандру (а я постараюсь доставить), то мнѣ очень любопытно будетъ знать его отзывъ объ ней. Если онъ скажетъ, что и тутъ извращены его рѣчи, то я пойму, что̀ у нихъ значитъ «невѣрно напечатать бесѣду».

Алексѣю Никандрычу, кажется, не очень хотѣлось оставить бесѣду; но его утянулъ за рукавъ отецъ. У насъ съ нимъ было завязалась любопытный разговоръ о 1666 лѣтѣ, о которомъ говорится въ 30 главѣ Книги о вѣрѣ. Въ этой главѣ толкуется объ антихристѣ, а ни о чемъ такъ охотно не бесѣдуютъ староверы, какъ объ антихристѣ, и въ словахъ Книги о вѣрѣ они видятъ прямое оправданіе своему положенію. «Мы, говорятъ они, окончательно отстали отъ васъ послѣ 1666 года, когда вашъ соборъ укрѣпилъ никоновы нововводства и предалъ анаѳемѣ древнія преданія. О таковомъ вашемъ отступленіи предсказано въ Книгѣ о вѣрѣ, въ главѣ 30-й». Эту самую мысль высказалъ и Алексѣй Никандровъ. Я ему отвѣтилъ, когда прочитаны были указываемыя староверами мѣста изъ этой главы:

— Здѣсь нѣтъ рѣшительнаго яснаго пророчества объ отступленіи. Здѣсь только высказано предостереженіе, какъ бы по 1666 г. не случилось третіе отступленіе, или оторваніе отъ православной церкви. Здѣсь и мысли нѣтъ о паденіи всего христіанства, какое проповѣдуете вы, безпоповцы. Что Богомъ установленная церковь до вѣка будетъ несокрушимо стоять, — это вездѣ проповѣдуется, во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ, и въ этой, — въ Книгѣ о вѣрѣ (читай особенно 2 главу о св. церкви). И даже въ этой, 30-й главѣ, прямо сказано, что надо во всемъ быть покорными и послушными церкви: *тѣмже нѣсть намъ что къ пользѣ, еже прекословити съ церковію...* (л. 272 об.). Не говорите на старопечатную книгу, будто она оправдываетъ васъ въ вашемъ безпоповствѣ; она рѣшительно въ каждой главѣ васъ осуждаетъ: читайте подрядъ ее съ первой главы до послѣдней, — нигдѣ и помину не найдете, что можно жить безъ брака (какъ вы

живете), безъ покаянія (какъ вы живете), безъ животворящихъ таинъ тѣла и крови Господней (какъ вы живете), безъ елеосвященія (какъ вы живете); словомъ, нигдѣ не проповѣдуется ваша безпоповская вѣра, что церкви теперь нѣтъ на землѣ. — А если ты настаиваешь, что тутъ точно предсказано отступленіе, то, къ несчастію твоему, предсказаніе писателя Книги о вѣрѣ сбылось, только поранѣе 1666 г. Явились люди, которые стали проповѣдывать, что безъ сложенія двухъ перстовъ на крестное знаменіе невозможно спастись, а церковь до того времени учила и до скончанія вѣка будетъ проповѣдывать, что невозможно спастись не безъ сложенія двухъ перстовъ, а безъ спасительной чаши Христовой, о нейже Христосъ сказалъ: *пійте отъ нея вси*... Эти люди, которые обходятся безъ Христовыхъ таинствъ, которые утратили вѣру въ Евангеліе, которые говорятъ, что Христосъ создалъ церковь существовать только до лѣтъ Никона патріарха, а при этомъ патріархѣ церковь разорилась... такіе люди дѣйствительно отступили отъ православной вѣры и отъ православной церкви. На горе безпоповцамъ и вообще старовѣрамъ, писатель Книги о вѣрѣ почти правильно указалъ и годъ ихъ отступленія... На свою голову ты, Алексѣй Никандровичъ, заговорилъ о лѣтѣ 1666...

Мало опровергалъ онъ такое толкованіе указаннаго имъ мѣста изъ Книги о вѣрѣ: отецъ увелъ его...

По уходѣ Никандра съ сыномъ мы еще побесѣдовали недолго. Часовъ въ 7 вечера я отпустилъ народъ.

IX.

Въ д. Красномъ.

На другой день, часовъ въ 10 утра, я и о. Арсеній пріѣхали въ д. Красное, въ домъ деревенскаго старосты. Немного спустя послѣ нашего пріѣзда, стали въ домѣ обѣдать; хозяинъ пригласилъ и насъ обѣдать. Я не отказался и сѣлъ за столъ. А между тѣмъ было оповѣщено по деревнѣ, что пріѣхалъ миссіонеръ и чтобы желающіе шли на бесѣду къ ста-

ростѣ. Уже во время обѣда сошлось порядочно народа. Гляжу я: все мужики, — бабы ни одной, кромѣ хозяйскихъ.

— А что же, спрашиваю, бабъ нѣтъ?

— А на что же онѣ? Что имъ тутъ дѣлать? Развѣ онѣ что̀ понимаютъ?!

Однако я велѣлъ и за бабами послать, разъяснивъ мужикамъ, что понимать слово Божіе не есть обязанность и преимущество однихъ мужиковъ. Пришли и бабы. Всего нашло народу полная изба, такъ что сдѣлалось душно и была растворена дверь. Буду описывать только то, чѣмъ запомнилось Красное, т.-е. что̀ было особеннаго на бесѣдѣ въ этой деревнѣ.

Сличали и здѣсь новопечатное Евангеліе съ старопечатнымъ (съ юсовымъ). Къ ужасу бывшихъ тутъ старообрядцевъ (ихъ очень немного въ въ этой деревнѣ), оказывается, что напечатано іс҃ хв҃л (Іисусъ Христова). Читалъ мужикъ Миронъ. Онъ покрещеванъ, — два раза крещенный. Послѣ слабой попытки объяснить одно *и*, какъ прилогъ, онъ согласился, что здѣсь дѣйствительно два *и*, — что *Іисусъ* напечатано въ старинной книгѣ. Я обращаюсь къ народу и дѣлаю такое замѣчаніе:

— Вотъ самъ Миронъ сознался, что въ старопечатной книгѣ имя Христа Спасителя читается не такъ, какъ требуютъ читать старообрядцы, не *Ісусъ*, а *Іисусъ*. А изъ-за этой одной буквы спорятъ много, изъ-за нея, между прочимъ, не идутъ къ намъ въ церковь. Значитъ, не право они толкуютъ вамъ, что нельзя говорить *Іисусъ*. Можно! Въ старопечатной книгѣ такъ напечатано.

— Тамъ этого нѣтъ! — вдругъ услышали мы.

Мы съ о. Арсеніемъ сидѣли за столомъ (на столѣ разложены были книги); народъ стоялъ напротивъ насъ въ избѣ; кое-кто сидѣлъ на лавкахъ. Влѣво отъ насъ, у окна сидѣлъ мужчина съ большой бородой, солидный такой, красивый.

— Тамъ этого нѣтъ, чтобы написано было *Іи̇сусъ!* — повторилъ онъ.

— Подойди, да посмотри, — говорю ему.

— Нечего и смотрѣть! Достаточно мы поначитаны въ старопечатныхъ книгахъ: нигдѣ нѣтъ *Іисусъ*, вездѣ *Ісусъ*. Нечего смотрѣть!

И говоритъ такимъ наставительнымъ тономъ, что возражать ему страшно. Миронъ обернулся къ нему и говоритъ: «напечатано Іисусъ... два *и*»... Я попробовалъ-было еще подозвать его, чтобы самъ прочелъ, но Дмитрій Ананьевъ (такъ его зовутъ) не пошелъ.

— Нечего смотрѣть! — говоритъ. Ну и что жъ, что напечатано? Можетъ опечатка? — развѣ не бываетъ! Да и велико дѣло, если въ двухъ-трехъ книгахъ напечатано *Іисусъ!* За то вездѣ въ остальныхъ правильно *Ісусъ*... Это по ошибкѣ здѣсь два *и;* надо одно.

И говоритъ все это рѣшительнымъ тономъ непогрѣшимаго авторитета!...

Я сталъ разъяснять, въ чемъ дѣло. Миронъ и другіе, кажется, поняли, что можно печатать и выговаривать имя Спасителя такъ, какъ мы выговариваемъ.

Зашла потомъ неизбѣжная рѣчь о перстосложеніи. Я сталъ говорить, что не порицаю двуперстія, а только удивляюсь, что наши старовѣры боятся троеперстія, между тѣмъ какъ и о немъ, все равно какъ о двуперстіи, достаточно говорится въ старопечатныхъ книгахъ.

— Нигдѣ о вашей щепоти не говорится! — возразилъ опять Дмитрій Ананьевъ.

Я сталъ говорить: двуперстно креститься, какъ вы креститесь, повелѣваетъ Кириллова книга...

— Въ Кирилловой нѣтъ этого; о крестномъ знаменіи есть во Псалтыри, а не въ Кирилловой! — опять авторитетно возражаетъ Дмитрій Ананьевъ.

— Въ Кирилловой, говорю, слово-въ-слово согласно съ Псалтырью пишется о перстосложеніи. И я раскрылъ Кириллову и Псалтырь, чтобы сличать.

Дмитрій Ананьевъ, увидѣвъ это, сталъ говорить, что «хоть и есть дѣйствительно о перстосложеніи въ Кирилловой, но только въ ней кратко говорится, а подробно въ Псалтыри».

Я сталъ читать и въ той и другой книгѣ о перстосложеніи: оказалось, разумѣется, слово-въ-слово. Послѣ этого сказалъ Дмитрію: «не смѣй больше говорить! потому что ты обманщикъ: ты увѣрялъ, что нѣтъ слова *Іисусъ* въ старопечатной книгѣ, а оно есть; ты увѣрялъ тоже, что въ Кирилловой нѣтъ о перстосложеніи, а тамъ есть. Не смѣй больше говорить!...» Но каково же было мое изумленіе и негодованіе, когда мнѣ сообщили, что этотъ Дмитрій Ананьевъ совсѣмъ безграмотный...

Помню еще Палагею, жену этого Дмитрія Ананьева. Когда была показана разность перстосложеній, указываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ старопечатныхъ книгъ, она сказала:

— Никакъ нельзя иначе складывать персты противъ того, какъ мы складываемъ!

— Однако жъ, — говорю ей, — Максимъ грекъ велитъ протянуть два перста, а Большой Катихизисъ велитъ наклонить ихъ!

— Не хочу я, — говоритъ, — никого слушать, и даже Максима грека, если онъ дѣйствительно не по моему велитъ складывать персты!

Однако, сказавши это, она и сама какъ-будто смутилась, — сама стала читать и сличать разныя статьи о перстосложеніи, и прямо объявила, что дѣйствительно старыя книги по разному велятъ складывать персты, но что она будетъ складывать такъ, какъ складывала.

Была еще рѣчь о молитвѣ Іисусовой. И тутъ особенное участіе въ бесѣдѣ принималъ тотъ же Миронъ, который, не смотря на свое филиппонство, оказался такимъ уступчивымъ по вопросу объ имени Іисусъ, что даже помогалъ мнѣ обличать бредни Дмитрія (а Дмитрій числится православнымъ и даже, слышалъ, въ церковь иногда заглядываетъ). Я разъяснилъ, что оба вида молитвы: и «Господи Іисусе Христе *Сыне Божій* помилуй насъ» и «Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ» — согласны съ сумволомъ вѣры; какъ наша церковь вѣруетъ, что Христосъ есть *Сынъ Божій*, такъ и старообрядцы вѣруютъ, что Христосъ есть *Богъ нашъ*,

и, значитъ, они не должны бояться молитвы: Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, какъ мы не боимся молиться: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій* помилуй насъ [1]). Миронъ все это, какъ-будто, понялъ; однако же никакъ не рѣшался произнести молитву съ словами «Боже нашъ», потому что, говоритъ, въ старопечатныхъ книгахъ ея нѣтъ. Я открылъ Кириллову книгу на листѣ 552 и заставилъ его читать. Читаетъ: «Истолковано: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій* помилуй насъ, аминь». А между тѣмъ въ книгѣ напечатано: «Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, аминь». Такова привычка! Онъ и не замѣтилъ, что иначе напечатано, чѣмъ какъ онъ читаетъ. Однако потомъ, по моему указанію, прочиталъ, какъ надо. Послѣ этого и Миронъ долженъ былъ признаться, что въ старыхъ книгахъ есть эта молитва, и, значитъ, въ старину она такъ читалась же; «но, прибавилъ онъ, должно быть читалась въ какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно-то читалось такъ, какъ мы требуемъ читать».

— Въ какихъ же это случаяхъ? — спросилъ я.

Миронъ не сказалъ въ какихъ.

— Ну, прочитай же ты, — говорю ему, — молитву Іисусову такъ, какъ она здѣсь, въ старинной книгѣ, напечатана.

Прочитать такъ наизусть онъ боялся, хотя въ книгѣ читалъ. Я удивился такой странности и началъ снова объяснять, что молитва эта православная...

Во время этихъ толковъ о молитвѣ Іисусовой протѣснилась къ столу женщина, — Настасья по имени. Когда Миронъ отказывался прочитать наизусть молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», Настасья приступила къ нему:

— Что же ты боишься такъ прочитать? — вѣдь въ Кирилловой же напечатано!

---

[1]) Верстахъ въ 15 отъ Вологды есть Заоникіева пустынь. Въ ней надъ дверьми нѣкоторыхъ келій я видѣлъ надпись: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь...“ А старовѣры, по невѣдѣнію, все кричатъ, что мы этой молитвы не употребляемъ.

Я говорю: ну-ка сама прочитай!

И она прочитала, крестясь, эту молитву.

— А ты чего жъ боишься, Миронъ? — читай!

Но Миронъ все боялся; Настасья тоже не унималась:

— Прежде ты говорилъ, что нѣтъ въ старинныхъ книгахъ этой молитвы, а она вотъ есть! Все равно, какъ говорилъ: нѣтъ *Іисуса;* а вотъ самъ читалъ: есть!

Вообще Мирону-таки досталось отъ нея...

Эта Настасья пошла въ «вѣру», чтобы мужъ не пилъ... Лѣтъ около десяти простаровѣрничала. Мужъ умеръ отъ пьянства, — и она ушла изъ раскола. Окончательно присоединилась къ церкви при теперешнемъ священникѣ.

Она же, послѣ толковъ съ Мирономъ, обратилась ко мнѣ съ такими рѣчами:

— Батюшка! растолкуй ты намъ глупымъ о печати антихристовой! Мы ея больше всего боимся; да и эти (старовѣры) все намъ объ ней толкуютъ. Мы бросили работу и нарочно пришли прямо съ пашни, чтобы разспросить тебя объ этомъ.

Другія подтвердили ея желаніе. И я сталъ разбирать безпоповщинскіе толки о троеперстіи, что якобы оно есть печать антихриста (подобно какъ въ Сухоломѣ). Этимъ и закончилъ бесѣду.

Народъ разошелся. Хозяинъ угостилъ насъ чаемъ и трапезой. Поблагодаривъ его, мы уѣхали въ село, къ о. Арсенію, и оттуда я отправился въ Домшино.

X.

Опять въ Домшинѣ.

29 апрѣля я предполагалъ быть за обѣдней въ селѣ Бесѣдномъ и *говорить*, по обычаю, *проповѣдь*, а равно и передъ обѣдней побесѣдовать; послѣ обѣдни же устроить настоящее собесѣдованіе. Но меня просили и староста домшинскій и священникъ побыть за обѣдней у нихъ. Я остался и говорилъ проповѣдь.

Была недѣля о «женѣ самарянынѣ». Изъ Евангелія этого дня я и заимствовалъ предметъ для проповѣди. Я говорилъ:

Удивилась самарянка, что еврей просилъ пить у нея, самарянки: до того дошла ненависть изъ-за вѣры между евреями и самарянами, что даже не просили и пить одни у другихъ. Такъ и намъ въ иныхъ мѣстахъ старовѣры не даютъ пить у себя изъ-за различія въ вѣрѣ; въ другихъ же мѣстахъ хотя и даютъ, но изъ особой посуды, изъ «мірской», изъ которой сами никогда и ни за что не согласятся пить.

Христосъ зналъ, что евреи грѣхомъ считали попросить напиться у самарянъ, и все-таки проситъ пить у самарянки: значитъ, Онъ не велитъ намъ считать за грѣхъ напиться изъ посуды иновѣрца, а тѣмъ больше самому напоить жаждущаго иновѣрца изъ своей «чаши съ студеной водой».

Христосъ не для того пришелъ, чтобы завелось множество вѣръ, а для того, чтобы собрать заблуждающихся и разбѣгающихся въ разныя стороны людей во едино стадо — свою Церковь. Значитъ Ему не угодно это многовѣріе, которое есть у старовѣровъ: филиппане, ѳедосіяне, поморяне, спасовцы и проч. Нужно, что бъ они соединились съ нами, а мы съ ними.

Вѣра, которую принесъ съ неба на землю Господь Іисусъ Христосъ, должна соединить насъ. Ученіе Господа и есть «вода живая». Евангеліе есть величавая рѣка этой, чистой какъ хрусталь, «животворной воды» — ученія Христова. И церковь поитъ своихъ чадъ этой живой водой. — Старовѣры, даже странники, знаютъ о Евангеліи, но мало читаютъ его. Они больше пробавляются «цвѣтниками» собственнаго составленія. И, Боже, какую мутную, негодную воду пьютъ они изъ этихъ цвѣтниковъ! Она до такой степени ядовита, что человѣкъ, напившись ея, готовъ спорить, и дѣйствительно споритъ, даже съ Евангеліемъ, т.-е. съ самимъ Христомъ. Въ заключеніе я приглашалъ всѣхъ вѣровать Евангелію: оно есть та живая вода, которая напояетъ души наши, утоляетъ нашу духовную жажду.

Въ часъ я хотѣлъ ѣхать въ Бесѣдное. Но, когда уже уносили мои вещи въ повозку, пришелъ Василій Яковлевъ изъ д. Курьякова, Мешехонскаго прихода, съ которымъ я

уже два раза бесѣдовалъ: постомъ — на Горѣ, и 25 апрѣля, на преполовеніе, — въ Курьяковѣ. Онъ привезъ въ Домшинскую земскую больницу брата своего Эраста, сильно побитаго въ дракѣ. У меня спрашивали: «что грѣшнѣе — табакъ курить, или водку пить?» Подобные вопросы очень часто приходится слышать. Я отвѣтилъ вопросомъ: «Эраста поколотили чуть не до смерти, накурившись табаку, или напившись водки?» Положивъ брата въ больницу, Василій и зашелъ ко мнѣ. За нимъ пришло еще нѣсколько человѣкъ. Завязалась бесѣда.

Василій все переспрашивалъ о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ шла рѣчь прежде, въ его деревнѣ. Трудно ему разстаться съ безпоповщинскими понятіями и туго воспринимаетъ онъ новыя для него мысли (за то, можетъ быть, онѣ прочнѣе залягутъ въ его головѣ). А онъ, сравнительно, еще развитой мужикъ; что же сказать объ остальныхъ? — Я далъ ему почитать «Увѣщаніе» митрополита Платона. Онъ разспросилъ у меня, гдѣ я квартирую въ городѣ, и сказалъ, что непремѣнно по осени постарается побывать у меня. Онъ понимаетъ, что домашняя бесѣда гораздо лучше общественной, публичной: здѣсь, дома, мы съ нимъ вдвоемъ, насъ никто не слышитъ и не видитъ; здѣсь ему не стыдно разъ десять перечитать, или переспросить одно и то же; здѣсь, наединѣ, меньше раздражается чувство гордости, нежели на народѣ, — легче признаться, что «я этого на зналъ», или «не понялъ», и, наконецъ, здѣсь нѣтъ товарищей, всегда и во всемъ сбивающихъ съ толку.

Бесѣда съ нимъ затянулась надолго, и я едва могъ въ четвертомъ часу выбраться изъ Домшина, хоть и обѣщалъ къ тремъ уже быть въ Бесѣдномъ.

XI.

Въ д. Вахрушевѣ.

Я пріѣхалъ къ о. Іоанну Малевинскому; черезъ полчаса мы были въ д. Вахрушевѣ, — самой обильной старовѣрами въ Бесѣдниинскомъ приходѣ. Очень расторопный старшина

Никаноръ Степановъ еще раньше оповѣстилъ народъ, — такъ что, когда я пріѣхалъ, насъ уже ждали. Набралась полная изба народу. Въ 5 часовъ начали бесѣдовать и бесѣдовали до десяти.

Изъ пришедшихъ на бесѣду старообрядцевъ больше другихъ говорилъ Гаврила Өедуловъ; изъ православныхъ же мнѣ помогалъ читать Александръ Васильевъ, хорошо грамотный мужикъ. Священникъ говорилъ про него, что онъ умѣетъ давать отпоръ старовѣрамъ.

Началась бесѣда съ чтенія «Христосъ воскресе» по Іовлевской Тріоди. Были показаны и разночтенія (какъ и въ Красномъ). Было показано «Вѣрую» по старопечатнымъ книгамъ безъ слова «истиннаго» въ 8 членѣ. — Все это показывалось рѣшительно всѣмъ грамотнымъ, чтобы убѣдились собственными глазами, что и въ старопечатныхъ книгахъ есть то самое, изъ-за чего отдѣляются отъ насъ старовѣры. Съ рѣчи о числѣ просфоръ мы перешли къ разсужденію о таинствѣ причащенія и о вѣчности церкви. И здѣсь повторилось обычное явленіе: съ большой неохотой говорили объ этихъ предметахъ, — все хотѣлось повернуть разговоръ на перстосложеніе. Но я не хотѣлъ оставить главнаго для менѣе важнаго, и не давалъ своимъ собесѣдникамъ слишкомъ сбиваться въ сторону. За это меня не замедлили обличить въ томъ, что будто я не даю имъ говорить. Но я отвѣчалъ: «дойдетъ очередь и до перстосложенія: успѣемъ, — времени много». И они ворочались къ нелюбимому предмету бесѣды. Медомъ ихъ не корми, дай о перстахъ потолковать; но я не люблю о перстахъ толковать, потому что эти персты — самое больное мѣсто во всемъ старовѣрьѣ. Я всегда стараюсь оставить рѣчь о перстосложеніи подъ конецъ бесѣды, потому что тогда слушатели, убѣжденные уже въ неправильности мнѣній старовѣровъ относительно другихъ предметовъ, способнѣе понять и запутанное дѣло о перстосложеніи... Въ Вахрушевѣ, однако, рѣчь не дошла до перстовъ, потому что собесѣдники мои, не желая разговаривать о церкви и таинствахъ, ушли, напередъ переморгнувшись другъ съ другомъ.

Интереснаго запомнилось мнѣ вотъ что. Когда шла рѣчь о вѣчности церкви, читалось по Благовѣстному Евангелію толкованіе на 67 зач. отъ Матѳея и мнѣ пришлось объяснить изреченіе: «есть же и кождо насъ церковь, храмъ Божій бывая» (л. 129). При этомъ одинъ старикъ, именно упомянутый Гаврила, обратившись къ своимъ, сказалъ: «а мнѣ говорили, что онъ (т.-е. я, миссіонеръ) не признаетъ, что человѣкъ есть церковь; а онъ, слышишь, прямо говоритъ, что каждый отдѣльный человѣкъ есть церковь Божія». Я, услышавъ, что они между собой разговариваютъ обо мнѣ, сказалъ: «Гаврила! не вѣрь, будто я говорю, что человѣкъ не есть церковь Божія».

— Теперь-то я и самъ слышу, что̀ ты говоришь; а то мнѣ сказывали, будто ты опровергаешь это слово, что человѣкъ есть церковь Божія.

— Какъ же бы я сталъ отвергать это слово, когда вотъ въ Благовѣстномъ Евангеліи прямо сказано: «есть же и каждый изъ насъ церковь Божія, храмъ Божій бывая»? Не иду я противъ слова, сказаннаго святыми отцами.

— Да и Апостолъ говоритъ: *вы* (т.-е. христіане) *есте церковъ Бога жива,* — прибавилъ Гаврила.

— Да, — говорю; но надобно знать, какъ и черезъ что человѣкъ становится храмомъ Божіимъ. Онъ не самъ по себѣ храмъ Божій; самъ по себѣ онъ просто храмина. Когда же въ него вселяется Богъ, тогда, и только тогда, онъ становится храмомъ Божіимъ. Послѣ таинства крещенія, христіанинъ, сочетавшись съ Христомъ и получивъ оставленіе грѣховъ, запечатлѣвается печатію дара Духа Святаго: «печать дара Духа Святаго» говоритъ священникъ, помазуя новокрещеннаго святымъ муромъ. Въ человѣка вселяется Духъ Святый, котораго отъ Отца послалъ своей апостольской церкви Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и становится человѣкъ храмомъ Божіимъ. Но вотъ въ чемъ горе наше, — часто мы этотъ храмъ Духа Святаго повреждаемъ своими грѣхами. Случается часто, — и съ кѣмъ не случается? — что этотъ нашъ храмъ тѣлесный становится «весь осквер-

ненъ», — какъ поется въ церкви. Богъ Отецъ, по заслугамъ Сына своего, воплотившагося ради нашего спасенія, далъ намъ Духа своего Святаго; но за нашу нечистую жизнь Онъ можетъ отнять Его отъ насъ. Надо молиться: «Господи, иже пресвятаго твоего Духа въ третій часъ Апостоламъ твоимъ низпославый, того, благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися». Слышите: «не отыми»!... Отыметъ, — и станетъ человѣкъ не храмъ Божій, а просто храмина, либо еще хуже — храмъ духа злаго.

Еще становится человѣкъ храмомъ Божіимъ, когда принимаетъ въ себя самого Христа — Его честное и пресвятое тѣло и животворящую кровь — въ таинствѣ святаго причащенія. Самъ Господь сказалъ: *ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ.* Самъ Христосъ въ тебѣ когда ты пріимешь Его въ домъ души твоей: значитъ, ты становишься Его храмомъ.

Рече Господь: *аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. зач. 48, гл. 14). Вотъ, по слову Христову, кто еще удостоивается стать обителію Божіей, — тотъ, кто соблюдаетъ слово Христово...

Дай Господи и намъ и вамъ быть храмами Божіими; дай Господи, чтобы и мы и вы соблюдали слово Христово, чтобы принимали Его самого въ причащеніи и хранили нерушимо печать Духа Святаго, данную намъ въ таинствѣ мѵропомазанія! Но кто же такъ святъ, что скажетъ: я соблюдаю всегда слово Христово, и Отецъ и Сынъ сотворили во мнѣ свою обитель, и печать Духа Святаго храню ненарушимо? Намъ, грѣшнымъ, одна надежда на Божіе милосердіе и на Его благодать. Когда Онъ самъ повелѣваетъ намъ отверсть двери нашего храма, да внидетъ въ него, мы должны со страхомъ и трепетомъ, но и съ любовію принять Его, а не бѣжать отъ причастія тѣла и крови Христовой, какъ дѣлаетъ поголовно вся несчастная безпоповщина, какъ дѣлаешь и ты, дѣдушка Гаврила!...

Дѣдушка Гаврила не ждалъ, должно быть, такого поворота

рѣчи прямо къ нему и съ минуту не зналъ, что̀ сказать. Потомъ высказалъ обычное у безпоповцевъ сѣтованіе на нынѣшнее горькоплачевное время, когда не можетъ быть на землѣ причастія. Но я вернулся къ его положенію, что церковь — человѣкъ.

— Вы часто говорите, что «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ», т.-е., что не деревянная моленная (храмъ) — церковь, а люди — церковь. Такъ что ли?

Дѣдъ обрадовался, что напалъ на знакомыя слова.

— Разумѣется, говоритъ, не въ бревнахъ, а въ ребрахъ... Церковь — не стѣны и покровъ...

— Слушай: въ Домшинѣ стояла церковь деревянная, — были эти бревна, да сгорѣли — и нѣту этой церкви...

— То и мы говоримъ, что церковь — не въ бревнахъ!

— А вотъ жилъ человѣкъ и умеръ... И ребра были, да потомъ истлѣли, какъ были бревна, да сгорѣли. Куда же церковь твоя дѣлась?

Нужно было видѣть лицо дѣда Гаврилы: эти очень простыя слова произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ заметался и не зналъ, что̀ сказать. А я продолжалъ:

— Не говори же ты, дѣдушка, что церковь въ ребрахъ. Подумай: какъ можетъ случиться, чтобы ты, одинъ человѣкъ, конечно, грѣшный, составлялъ собою святую соборную церковь? Да такихъ, какъ ты и я, много насъ; а Церковь — единая. Это вѣрно, что Церковь, въ которую вѣруемъ, не состоитъ въ бревнахъ; она въ людяхъ, — только не во всякихъ, а въ вѣрующихъ всему Христову Евангелію. Церковь-то, дѣдушка, не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе, не стѣны церковныя, но законы церковные.

— Да вѣдь это же и мы говоримъ!... Удивился мой старикъ, опять услышавъ отъ меня давно имъ заученныя рѣчи.

— Я знаю, что вы давно это говорите... Но вотъ этихъ самыхъ законовъ церковныхъ у васъ и не оказывается; этой самой вѣры, на которой стоитъ, и стояла, и будетъ во вѣки стоять церковь, у васъ и нѣтъ почти. А о стѣнахъ пожалуйста не говорите, — стѣны есть и у насъ, въ нашей молен-

ной, законно освященной и именуемой храмомъ Божіимъ, есть онѣ и у васъ, въ вашей моленной. Какъ дому быть безъ стѣнъ? Наша моленная, или храмъ, называется и церковію; только не думайте, что мы въ этотъ храмъ, въ эту церковь вѣруемъ. Этихъ храмовъ много, — въ каждомъ приходѣ по храму; а Церковь, въ которую вѣруемъ, едина во всемъ свѣтѣ. Одна Церковь, какъ одинъ Христосъ. Христосъ — женихъ, а она — Его невѣста. Соединяется церковь со Христомъ, когда каждая душа человѣческая «сочетавается со Христомъ» въ крещеніи и когда Христосъ входитъ въ наше тѣло, какъ въ храмъ, въ таинствѣ святаго пріобщенія. Вотъ она гдѣ — церковь; тутъ и ищи ее, дѣдушка: въ крещеніи и въ причащеніи. Увидишь ее и въ другихъ таинствахъ и молитвахъ; но въ этихъ таинствахъ она виднѣе всего...

— Вотъ ты давеча сказалъ, что церковь стоитъ на вѣрѣ. И мы на вѣрѣ утверждаемся, — замѣтилъ Гаврила. У насъ Петрова, Апостола Петра, вѣра.

— Стоите ли вы на Петровой вѣрѣ, — въ этомъ я немножко сомнѣваюсь.

— Мы какъ Апостолъ Петръ вѣруемъ и на сей вѣрѣ стоимъ!

— Почитаемъ, говорю, Евангеліе «о Петровой вѣрѣ». Однажды Господь Іисусъ Христосъ спрашивалъ у Апостоловъ, за кого Его народъ почитаетъ. Апостолы отвѣтили: разно Тебя почитаютъ, — одни за пророка Илію, другіе — за Іеремію, третьи — за Іоанна Крестителя... А вы, спрашиваетъ, за кого меня почитаете? — *вы же кого мя глаголете быти, Сына человѣческаго?* За всѣхъ Апостоловъ далъ отвѣтъ Петръ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Вотъ это и есть Петрово исповѣданіе, — вѣра Петрова, что Христовъ, Сынъ человѣческій, есть не просто сынъ человѣческій, но и Сынъ Божій. И дѣйствительно, на этой вѣрѣ стоитъ церковь. *И отвѣщавъ Іисусъ рече ему: блаженъ еси Симоне, варъ Іона* (блаженъ ты Симонъ, сынъ Іоны). Чѣмъ же блаженъ Петръ? Спаситель объясняетъ: *яко плоть и кровь не яви тебѣ...* — ибо не люди явили тебѣ, что я Сынъ Бога живаго.

Этой вѣрѣ, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Бога живаго, не отъ людей, плоти и крови, научился Петръ: никто изъ людей не говорилъ Петру, что Іисусъ изъ города Назарета есть Божій Сынъ. Эта тайна вѣры нашей была сокрыта отъ людей, и не люди сдѣлали эту скрытую тайну явной для Петра; не они явили, что Христосъ есть Сынъ Божій. Кто же? *Плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ.* Вотъ кто: Отецъ небесный открылъ Апостолу Петру, что Христосъ есть Его Сынъ. Значитъ, это Бога Отца откровеніе, что Іисусъ есть Его Сынъ. Вѣрно, что Іисусъ Христосъ есть Божій Сынъ? Вѣрно, потому что объ этомъ Петръ Апостолъ узналъ не отъ людей, а отъ самого небеснаго Отца. Тѣмъ-то и блаженъ Петръ, что удостоился такого великаго откровенія.

Читаемъ дальше: *и Азъ же тебѣ глаголю* — и Я же тебѣ говорю. Христосъ какъ бы такъ говоритъ: «что Я — Сынъ Бога живаго, это тебѣ сказалъ мой Отецъ; а теперь слушай, что̀ Я тебѣ скажу. Первое откровеніе получилъ; теперь готовься выслушать второе: и Я тебѣ говорю: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей!* Удостоился Петръ Апостолъ слышать и это великое откровеніе Бога-Сына, что создаетъ Онъ свою церковь, которую не одолѣютъ врата адова. Это хорошенько запомните, что здѣсь, на этой одной страницѣ Евангелія, записаны подъ рядъ два откровенія: первое, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Бога живаго; второе, что на Петрѣ (на его вѣрѣ, толкуютъ св. отцы) создастъ Онъ свою церковь, неодолимую даже адскими вратами. Если бы между христіанами нашелся такой, который сомнѣвался бы, Сынъ ли Божій Христосъ, такой христіанинъ плохо бы вѣровалъ въ откровеніе Бога Отца, которымъ Онъ удостоилъ Апостола Петра, — откровеніе, что Христосъ есть именно Сынъ Божій. Если бы какой христіанинъ сомнѣвался, вѣчна ли, неодолима ли церковь Христова, тотъ показалъ бы, что онъ плохо вѣритъ самому Христу, который удостоилъ Петра, а черезъ Петра и насъ, своего свидѣтельства, что неразрушима и неодолима Его церковь.

Какъ вѣрно, что Христосъ есть Божій Сынъ, также вѣрно, что неразрушима, неодолима Его церковь. Поняли ли вы, что нельзя быть христіаниномъ, не вѣруя въ вѣчность Христовой церкви, потому что эта наша вѣра точно также, какъ и вѣра, что Христосъ — Сынъ Божій, не отъ людей, не отъ «плоти и крови», но отъ самого Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія. — Мы вѣруемъ, что есть эта церковь, которую Христотъ создалъ на Петровой вѣрѣ. Не можетъ быть, что бъ ея не было! Есть она, стоитъ этотъ «столбъ и утвержденіе истины», и нѣтъ такой вражеской силы, чтобы могла сокрушить эту Христову крѣпость... Ты пойми, что Христосъ предвидѣлъ, что у церкви будетъ борьба съ вратами адовыми; но Онъ предсказалъ, что не одолѣютъ они ее. И мы спокойны: никто не можетъ сокрушить церковь, — она неодолима даже отъ вратъ адовыхъ.

Было прочитано по Благовѣстному Евангелію толкованіе на это мѣсто (Мѳ. зач. 67).

Случилось на бесѣдѣ, между прочимъ, и вотъ что. Читалось Евангеліе, кажется о причащеніи. Одинъ мужичекъ надѣлъ вдругъ картузъ (а весь народъ въ комнатѣ безъ картузовъ) и сталъ выходить, и на ходу крикнулъ: «ври больше!...» Старшина-было кинулся за нимъ; но я остановилъ его. Послѣ Дмитрія Ананьева можно было и это перенести. Тоже христіанинъ, а такія рѣчи говоритъ!..

Семенъ Анреевъ, который въ Губинѣ на Георгіевъ день разговаривалъ со мной, достоялъ молча всю бесѣду до конца.

Когда она кончилась, нѣкоторыя женщины пожелали поцѣловать Евангелія, бывшія у меня для бесѣды. Я, разумѣется, охотно далъ имъ приложиться къ святой книгѣ, которой, къ сожалѣнію, не вполнѣ вѣрятъ старовѣры.

На другой день я уѣхалъ въ Вологду. Домшинскій церковный староста и отвезъ меня. Благодарю его.

Третья миссіонерская поѣздка въ епархію.

I.

Опять въ Домшинѣ.

Церковный староста села Домшина В. Н. Зайцевъ просилъ преосвященнаго Израиля, во время обозрѣнія церквей Вологодскаго уѣзда, отслужить обѣдню въ ихъ Домшинской церкви. Преосвященный сказалъ ему, что эта просьба удобоисполнима. Староста разсчитывалъ, что архіерейская служба въ селѣ, приходъ и окрестности котораго изобилуютъ раскольниками, не будетъ безъ благотворнаго воздѣйствія на религіозное состояніе народа. И мнѣ преосвященный велѣлъ пріѣхать въ Домшино ко дню его служенія тамъ, которое назначено было на 8-е іюля, чтобы за обѣдней сказать проповѣдь.

8-е іюля пришлось въ воскресенье, — значитъ были два праздника. Наканунѣ была отслужена всенощная. Народу, не смотря на необычность этой службы для сельской церкви, собралось не очень много, потому что на лугахъ кипѣла работа (стояла же прекрасная погода). Гораздо больше собралось народу къ обѣднѣ въ самый день архіерейскаго служенія.

Я воспользовался этимъ стеченіемъ народа, и, до встрѣчи владыки, минутъ 20 бесѣдовалъ съ собравшимися, объясняя имъ, что Божественная литургія одинакова, служится ли на семи просфорахъ, или на пяти, т.-е. старался оправдать церковь противъ обвиненія ея старообрядцами въ неправославіи изъ-за перемѣны ею семипросфорія на пятипросфоріе.

Служили съ преосвященнымъ восемь священниковъ и шесть діаконовъ. Я былъ очень радъ, что въ Домшинѣ владыка устроилъ такое торжественное служеніе. Въ обычное время, принявъ благословеніе, я вышелъ говорить проповѣдь, — и это впервые за архіерейской службой, при такомъ многолюдствѣ. Приблизительно вотъ что говорилъ я:

«Когда послы великаго князя Владиміра пришли въ Царьградъ для осмотра греческой вѣры, то ихъ повели тамъ въ соборный храмъ, гдѣ патріархъ служилъ обѣдню. Нашимъ посламъ (они были тогда еще язычниками) такъ понравилась эта служба, что послѣ, когда возвратились они ко Владиміру, говорили объ ней: «мы не знали, гдѣ стояли, — на небѣ, или на землѣ». Такъ хороша показалась имъ православная архіерейская служба!

«Здѣсь — не соборный столичный храмъ; этотъ деревянный храмъ, ничѣмъ, кромѣ иконостаса, не украшенный, нельзя и сравнивать съ Софійскимъ соборомъ, гдѣ стояли службу Владиміровы послы, и служба тамъ была, разумѣется, несравненно торжественнѣе, чѣмъ здѣсь; но все же, какъ великолѣпна и благолѣпна эта служба, которая идетъ сейчасъ въ этомъ бѣдномъ сельскомъ храмѣ! И какъ вобще хороша архіерейская служба! Царскія двери, кромѣ вотъ этого времени, когда священнодѣйствующіе причащаются, всю-то службу остаются отверстыми и всему народу видѣнъ алтарь — наше земное небо, видны всѣ дѣйствія священнослужителей: ихъ колѣнопреклоненія, воздѣянія рукъ, благословенія, перенесеніе святыхъ даровъ съ жертвенника на престолъ, ихъ поставленіе здѣсь, кажденіе, благословеніе хлѣба и вина, послѣ чего хлѣбъ уже не хлѣбъ, а тѣло Христово, и вино уже не вино, а животворящая кровь Христова! Отрадно видѣть, какъ всѣ священники, послѣ словъ протодіакона: «возлюбимъ другъ друга», подходятъ къ архіерею дать лобзаніе мира и любви, и потомъ всѣ лобзаются другъ съ другомъ въ знакъ той же любви, которую имѣть между собою заповѣдалъ намъ Христосъ. Особенно трогательна та минута, когда архіерей выходитъ изъ царскихъ вратъ на амвонъ, во время пѣнія: «Святый Боже». Въ одной рукѣ у него крестъ, въ другой — двусвѣщникъ, и крестообразно осѣняя ими народъ, онъ молится: призри съ небесе, Боже, и посѣти виноградъ сей, и утверди этотъ виноградъ, который насадила десница Твоя! Виноградъ, садъ виноградный, — это церковь; насажденный Божіей десницей, растетъ и цвѣтетъ этотъ

виноградный садъ, этотъ рай земной — церковь Божія. Всѣ мы, и я, и ты, деревца въ этомъ саду. Крещеніемъ насъ посадили, какъ деревцо, въ этомъ саду; муропомазаніемъ — привили, дали нашей душѣ благодатныя силы, чтобы мы могли жить по нашей вѣрѣ; затѣмъ Христосъ, господинъ и хозяинъ этого сада, ждетъ отъ насъ плодовъ, дѣлъ добрыхъ... Священники — это работники Божіи, садовники въ его саду: ихъ руками самъ Богъ тебя посадилъ въ своемъ виноградникѣ — въ церкви. Потому-то архіерей и молится: «посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя», Господи! Да, очень трогательна эта минута благословенія и эта молитва архіерейская! И вся вообще архіерейская служба какъ торжественна и хороша! Не правдали? — вѣдь хороша»?

— Хороша! — дружно, въ одинъ разъ, послышалось нѣсколько голосовъ изъ народа.

«Хороша и торжественна наша православная, особенно архіерейская служба, — продолжалъ я, — и вамъ нужно радоваться, что владыка соизволилъ нынѣ служить литургію въ вашемъ храмѣ. Теперь подумайте: возможно ли что-либо подобное у безпоповцевъ, которыхъ здѣсь и въ окружности такъ много? Напрасно пошли бы мы и въ Середнее и въ Дьяконицу [1]), если бы вздумали посмотрѣть тамъ такого величія. И если бы послы великаго князя Владиміра пришли, — я говорю примѣрно, — въ моленную къ нашимъ безпоповцамъ, наврядъ ли бы они сказали, возвратившись къ Владиміру: «не знаемъ, гдѣ были, на землѣ, или на небѣ»! Не такова тамъ служба, чтобы можно было приходить въ умиленіе. Я въ безпоповскихъ моленныхъ бывалъ, бывалъ даже на Святой недѣлѣ, въ самое праздничное, въ самое радостное время; но — Боже мой! — что̀ тамъ за грустная служба! Напѣвъ въ родѣ похороннаго, и слова не по-русски выговариваютъ (Христэ, тебэ...). Вмѣсто священника, облаченнаго въ церковныя свѣтлыя ризы, я видѣлъ тамъ мужика, по-мужицки

---

[1]) Деревни Домшинскаго прихода, гдѣ есть безпоповщинскія моленныя.

остриженнаго и по-мужицки же одѣтаго. Но бываетъ и еще неприличнѣе, еще незаконнѣе, — въ иныхъ моленныхъ даже настоятельствуютъ женщины... Гдѣ есть такое узаконеніе? — нигдѣ! Это выдумка старовѣровъ, чтобы за службой настоятельствовали мужики и бабы вмѣсто священниковъ. И какъ же совершаютъ божественную службу эти безпоповскіе настоятели? Никакихъ прошеній (эктеній), никакихъ моленій *о мирѣ всего міра, о царствующихъ градѣхъ, о царѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ*, никто у нихъ не говоритъ. Я ни разу не слышалъ, чтобы тамъ возглашали: *Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*... Не слыхалъ и этихъ словъ: *Слава Святѣй, единосущнѣй, животворящѣй и нераздѣльнѣй Троицѣ*... Даже и этихъ словъ: *Благословенъ Богъ нашъ* никогда у нихъ не слыхалъ. И выходитъ, что даже перваго шага по уставу они, великіе уставщики и законники, не могутъ и не умѣютъ ступить. Стоитъ посмотрѣть, какъ они, напримѣръ, крестятъ. Благословенія воды и младенца не бываетъ, молитвъ больше половины не читаютъ; вокругъ купели не ходятъ, мvромъ святымъ не помазуютъ... Да и не перечислить всѣхъ убавленій, какія допустили у себя безпоповцы противъ устава свв. отецъ. Однако же, по удивительной слѣпотѣ, они не замѣчаютъ всей скудости своего богослуженія, всей незаконности своей въ совершеніи таинствъ... Они, прежде чѣмъ обратиться на себя, указываютъ пальцами на насъ и кричатъ, что будто бы у насъ все не такъ, какъ бы должно быть.

«Не смысля, въ чемъ дѣло, они укоряютъ насъ, какъ мы смѣли оставить двѣ проскомидійныхъ просфоры. Я говорилъ вамъ передъ обѣдней, что литургія совершается не на семи и не на пяти, но на одной просфорѣ, потому что, — пишетъ Апостолъ, — «вси мы отъ *единаго* хлѣба причащаемся»; хлѣбъ этотъ — Христово тѣло; тѣло же у Христа одно, и потому на таинство причащенія идетъ одна просфора, — ни больше, ни меньше. Значитъ вся сущность, вся сила въ этой таинственной просфорѣ. Число же остальныхъ просфоръ опредѣляется въ разныхъ уставахъ различно: есть и шесть, и че-

тыре, и даже двѣ. Но, положимъ, что мы двѣ просфоры убавили: было семь, двѣ убавили, осталось пять. Тутъ дѣло ясное; а пусть старовѣры растолкуютъ намъ, какъ это случилось, что они, по ихъ словамъ, ничего не прибавили, ничего не убавили въ чинахъ и уставахъ, и однако не осталось у нихъ не только пяти, какъ у насъ, но даже и одной просфоры. Было семь; ни одной не прибавили, ни одной не убавили: куда же дѣвались эти семь? почему ни одной не осталось? или и въ старину ни одной просфоры не было, какъ сейчасъ у нихъ? Но еще горшая бѣда ихъ не въ томъ, что они лишились семи просфоръ. Въ Евангеліи Господь говоритъ о нѣкоторыхъ людяхъ, что они пожираютъ верблюдовъ, а комаровъ отцѣживаютъ. Безпоповцы походятъ на этихъ людей. Отцѣживая комаровъ, толкуя о томъ, что невозможно убавить ни единой отъ семи просфоръ, они лишились даже тѣла и крови Христовой. Толкуя о томъ, что въ богослуженіи нужно хранить все въ томъ видѣ, какъ было при патріархѣ Іосифѣ, и считая насъ преступниками даже за то, что мы аллилуіа лишній разъ противъ нихъ поемъ, они, несчастные, не замѣтили, что у самихъ нѣтъ и Божественной литургіи! Есть у нихъ другія службы, но нѣтъ литургіи. А это все равно, что есть руки и ноги, а нѣтъ головы. Литургія есть самая главная церковная служба. Она всѣмъ службамъ служба. Вечерня, утреня, часы и всѣ прочія службы только приготовленіе къ обѣднѣ, какъ бы лѣстница, по которой мы восходимъ въ Сіонскую горницу, гдѣ совершается тайная вечеря. Именно «тайная вечеря»: приступая къ причащенію, я и ты, и всякій православный говоритъ: «вечери твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими»... Все одна и та же тайная вечеря, — и тогда, когда Господь, наканунѣ своей смерти, въ великій четвергъ, впервые причастилъ Самъ своихъ Апостоловъ, и теперь, — тогда она только началась, а теперь продолжается. И теперь, когда мы причащаемся, Самъ же Господь, только уже невидимо, рукою своего служителя — священника, причащаетъ насъ. И Онъ удостоиваетъ насъ вкушать именно Его тѣло и кровь, которыя на первой тайной вечери преподалъ

Апостоламъ. Нѣтъ разности между тою «тайною вечерію» и этой нашей «обѣдней», потому что Христосъ «вчера и днесь тойже и во вѣки». Онъ не мѣняется. Обѣдня — Его тайная вечеря, а мы, священники, только Его *служители, строители Его таинъ,* какъ Апостолъ говоритъ о насъ. Я знаю: есть несчастные люди, которые не идутъ на эту вечерю, на эту трапезу Христову, потому, что мы, слуги и рабы Христовы, плохи... Но развѣ Христосъ измѣнился отъ того, что я плохъ? Развѣ можно уходить съ царскаго обѣда изъ-за того, что тебѣ не нравится царскій слуга, разносящій угощенія?! А старовѣры уходятъ съ трапезы Царя небеснаго и говорятъ, что изъ-за дурныхъ священниковъ не будутъ принимать ни тѣла, ни крови Христовой!

«Своей же обѣдни, вечери тайной, нѣтъ у нихъ. И не будетъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ оставаться въ своемъ безпоповствѣ. У нихъ нѣтъ священства, а безъ священства они то же, что стадо безъ пастыря, — оно разобьется на отдѣльныя кучки, разбредется все врозь, и легко волку унести овцу изъ такого стада. Не видно ли вамъ, какъ наши старовѣры раздробились на множество вѣръ? какъ они, забывши настоящій «дворъ овчій», т.-е. истинную православную церковь, понадѣлали себѣ чуть ли не въ каждомъ домѣ по нѣскольку отдѣльныхъ церквей? — и жена не одной вѣры съ мужемъ, и сестра не одной вѣры съ братомъ, и невѣстка не одной вѣры со свекровью, — всѣ разныхъ вѣръ, вмѣстѣ другъ съ другомъ не молятся, даже не ѣдятъ изъ одной чашки... Есть въ правилахъ святыхъ соборовъ такое грозное слово: если какіе люди, помимо церкви, сами по себѣ начнутъ собираться и, не хотя знать церкви, захотятъ церковныя дѣла творить, а нѣтъ съ ними священника, покорнаго и послушнаго волѣ епископа, таковые да будутъ подъ клятвою![1]) Не сбывается ли на безпоповцахъ этотъ приговоръ и не видно ли въ судьбѣ ихъ Божія надъ ними суда? Они раздробились на множество «старыхъ» вѣръ, одна другую проклинающихъ

---

[1]) Таковъ именно смыслъ 6-го правила Гангр. собора.

и одна другой враждебныхъ. Это ли православная вѣра? Нѣтъ, не такова она, старая дѣйствительно, Христова вѣра. Она требуетъ: «возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную». Вотъ наша вѣра: единомысліе, а не разногласіе, единовѣріе, а не разновѣріе. Они говорятъ, будто на «Горѣ» другая вѣра, чѣмъ здѣсь, въ селѣ. Неправду они говорятъ, не понимая въ чемъ дѣло. Пусть они подумаютъ: если бы дѣйствитвительно единовѣрцы не были съ нами одной вѣры, пригласилъ ли бы нашъ архіерей единовѣрческаго священника, о. Максима, служить съ собой обѣдню? Но мы всѣ видимъ, что о. Максимъ наравнѣ со всѣми другими священниками служитъ сейчасъ литургію съ нашимъ архіереемъ. И въ это время архіерей причащаетъ его изъ своихъ рукъ, какъ и всѣхъ другихъ священниковъ и діаконовъ, — подобно тому, какъ на первой тайной вечери, за первой литургіей, Великій Архіерей Господь нашъ Іисусъ Христосъ причастилъ первыхъ священниковъ нашей вѣры — Апостоловъ. И тѣмъ еще хороша архіерейская служба, что въ ней очень ясно виденъ весь строй и порядокъ церковной жизни: здѣсь архіерей, — по образу Великаго Архіерея Христа Спасителя; съ нимъ священники и діаконы, отъ него принявшіе рукоположеніе на строеніе таинъ; за ними народъ, стадо Христовыхъ овецъ, которыхъ они, пастыри, учатъ евангельскому ученію, для которыхъ совершаютъ святую службу и которымъ преподаютъ благодатныя силы въ таинствахъ.

«Такой чинъ и порядокъ свято блюдется въ Христовой церкви отъ самыхъ апостольскихъ временъ. И онъ подробно описанъ во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ. Наши старовѣры не сохранили его, и старыя книги осуждаютъ ихъ. Церковь, описанная въ этихъ книгахъ, есть та самая, которая была до лѣтъ Никона патріарха, нынѣ пребываетъ и всегда пребудетъ, потому что Самъ Христосъ хранитъ ее, и нѣтъ такой силы, которая бы могла одолѣть ее. Онъ самъ сказалъ: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Неизмѣнно и твердо слово Господа. Небо и земля мимо идутъ, а слово

Его не идетъ мимо. И мы вѣруемъ Христу, Богу нашему, что есть Его церковь и до скончанія вѣка пребудетъ во всемъ богатствѣ и красотѣ, которыми удобрилъ ее, невѣсту свою, небесный женихъ,— со всѣми дарами Его благодати: и съ причащеніемъ святыхъ таинъ, и съ разрѣшеніемъ грѣховъ въ покаяніи, и съ бракомъ, и съ соборованіемъ, и съ священствомъ — со всѣмъ тѣмъ, чего нѣтъ у нашихъ несчастныхъ безпоповцевъ, но что́ есть и должно быть у православныхъ христіанъ, составляющихъ собою святую соборную и апостольскую церковь».

Я не буквально такъ говорилъ, какъ сейчасъ написалъ. Говорилъ я безъ тетрадки, наизусть, и очень долго, — около получаса. Теперь я воспроизвелъ только главныя мысли тогдашней проповѣди. Въ ней были и отступленія, иногда неожиданныя даже для меня, въ родѣ слѣдующаго.

Когда я говорилъ о томъ, что священники учатъ народъ православной вѣрѣ, слышу голосъ: «плохо учатъ! въ городахъ постами почти сплошь мясо ѣдятъ, а священники видятъ и молчатъ»! Говорилъ это мой знакомый Онисимъ кузнецъ, старовѣръ. Я отвѣтилъ: «Священники проповѣдуютъ постъ и воздержаніе, и нигдѣ я не слыхахъ, чтобы священники учили презирать постъ. А если не всѣ изъ насъ смѣло обличаютъ нарушающихъ посты, то ты долженъ знать, что не всѣ мы Златоусты. Много священниковъ и епископовъ было при Златоустѣ, но не всѣ же они обличали нечестивую царицу. А если ты не слыхалъ, чтобы какой-нибудь священникъ обличалъ нарушающихъ церковный уставъ о постахъ, такъ послушай меня — священника». И я сталъ говорить противъ раззоряющихъ постъ, что они являются вдвойнѣ виновными: и противъ своей совѣсти, и противъ совѣсти этихъ Онисимовъ и Ивановъ, которые за ихъ слабость осуждаютъ всю нашу церковь.

Послѣ обѣдни я искалъ Онисима, — хотѣлъ сказать ему, что чужими грѣхами онъ не оправдается. Грѣхи, подобные тѣмъ, какіе указываетъ онъ за членами нашей церкви, бывали всегда, и даже этотъ самый грѣхъ нарушенія

постовъ бывалъ у насъ и въ старину, до Никона патріарха (См. Книгу о вѣрѣ, гл. 15, л. 130).

Такія неожиданныя отступленія всегда возможны, когда слушатели внимательны къ тому, что̀ имъ говорятъ, и я люблю эти ихъ вопросы во время проповѣди. Значитъ, не дремлетъ человѣкъ, значитъ, слушаетъ и проповѣдь шевелитъ его мысли и, вѣроятно, чувства...

Въ тотъ же день я часа два-три бесѣдовалъ на улицѣ возлѣ дома церковнаго старосты. Слушателей была большая толпа. Вопросы задавалъ преимущественно одинъ старенькій, сѣденькій старичокъ. Въ его вопросахъ собственно ничего интереснаго не было: все обычныя рѣчи, вызванныя безпоповщинскими толками объ антихристѣ, его печати, и о прекращеніи на землѣ церкви Божіей; кажется, небыло ни одного предмета, о которомъ бы не имѣлъ недоумѣній и сомнѣній этотъ старичокъ. И вдругъ ему говоритъ одинъ изъ слушателей, не мужикъ: «перестань, старичекъ, спрашивать; успокойся и вѣруй, какъ дитя малое вѣруетъ своему родителю».

Положимъ, говорится: «что старый, что малый — все равно»; но я былъ очень удивленъ этимъ совѣтомъ старику — вѣровать, какъ дитя. У человѣка подъ вліяніемъ сосѣдства и бесѣдъ съ безпоповцами поколеблено все, во что̀ онъ вѣровалъ, обо всемъ онъ сомнѣвается; а ему говорятъ: успокойся! Онъ желаетъ успокоиться, ему вопросы покоя не даютъ, они гонятъ его, старика стараго, изъ деревни въ село на бесѣду; онъ ищетъ разъясненія своихъ недоумѣній, чтобы успокоиться, а ему совѣтуютъ, чтобы онъ, еще не рѣшивъ сомнѣній, сталъ спокойнымъ, какъ дитя! Въ Евангеліи, правда, есть слово: *аще не обратитеся, и не будете, яко дѣти, не внидете въ царство небесное.* Но кому же не извѣстно, что дѣти поставлены здѣсь не въ примѣръ легковѣрія, или маловѣдѣнія, а въ примѣръ незлобія и чистосердечія? И Апостолъ наставляетъ: «не бывайте умомъ младенцы; злобою бывайте младенцы».

Прощаясь съ народомъ, я получилъ приглашеніе пріѣзжать

въ Домшино къ Ильину дню на праздникъ, когда народъ свободенъ отъ работы.

II.

Въ Бесѣдническомъ приходѣ.

14-го іюля я пріѣхалъ въ с. Бесѣдное. 15-го здѣсь праздникъ въ честь святыхъ мучениковъ Кирика и Улитты.

Передъ обѣдней я показывалъ народу старопечатныя книги, изъ которыхъ они могли видѣть, что старовѣры много говорятъ неправды на нашу церковь по невѣдѣнію старопечатныхъ книгъ.

Обѣдню служилъ я съ приходскимъ священникомъ и діакономъ изъ села Ломтева, который приглашенъ былъ для болѣе торжественной праздничной службы. Въ обычное время я говорилъ проповѣдь о томъ, въ чемъ состоитъ наша православная вѣра. Я думаю, что проповѣдь объ этомъ надо чаще говорить, потому что народъ почти не знаетъ своей вѣры. Иные идутъ въ старовѣрье потому, что тамъ имъ хоть что-нибудь да уяснится.

Народу за обѣдней было довольно, во-первыхъ потому, что въ день Кирика и Улитты въ Бесѣдномъ бываетъ крестный ходъ на воду, а во-вторыхъ потому, что старшина въ Вахрушево, деревню очень большую, посылалъ приказъ явиться всѣмъ домохозяевамъ къ обѣднѣ, подъ страхомъ штрафа по закону[1]). Послѣ обѣдни мы ходили съ крестнымъ ходомъ на колодезь. Возвращаемся оттуда, — а намъ на встрѣчу идетъ въ село сѣдовласый старецъ, безъ шапки, босикомъ, въ одной рубахѣ и несетъ четвертную бутыль съ виномъ. Это на встрѣчу священникамъ съ крестомъ и святой водой! «Вахрушанинъ, — объяснили мнѣ послѣ, — и раскольникъ!»

На другой день, 16-го іюля, я поѣхалъ въ д. Вахрушево

[1]) Есть законъ въ крестьянскомъ положеніи, чтобы въ престольные праздники всѣ домохозяева бывали непремѣнно въ церкви, — такъ объяснилъ мнѣ старшина строгость своего приказа.

со старшиной часовъ около 10-ти утра. Пріѣхали прямо къ крыльцу хорошей избы, гдѣ живетъ кума старшины Ефросинія. На крыльцѣ сидятъ двѣ дѣвочки. Мать дома? — спросилъ старшина. «Нѣтъ». — А гдѣ же она? — «Въ гостяхъ».

— Ну, бѣги за ней!

Пришла хозяйка, очень ласковая и расторопная женщина. Черезъ 10 минутъ уже готовъ былъ самоваръ, и мы сѣли за столъ. Хозяйка богатая женщина — вдова. По завѣщанію покойнаго мужа, она раздала странникамъ 20 пятидесятирублевыхъ серій на поминъ души его. И сама держится страннических бредней о царствѣ антихриста.

За чаемъ разговорились о вѣрѣ. Кое-кто пришелъ послушать, въ томъ числѣ бывшій въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на бесѣдѣ въ Губинѣ и въ своемъ Вахрушевѣ Семенъ Андреевъ. Повѣстки на всю деревню не давали, потому что народъ гулялъ. Мы хотѣли сдѣлать бесѣду съ нѣкоторыми избранными, и потому просили хозяйку сходить за дѣдушкой Евсевіемъ, главнымъ вахрушевскимъ наставникомъ. Она пошла, но воротилась одна: не пошелъ дѣдушка Евсей, — отговорился тѣмъ, что «мы-де люди малограмотные, гдѣ же намъ сговорить съ ученымъ миссіонеромъ»! Послали хозяйку вторично, — велѣли уговорить дѣдушку Евсея, чтобы ничего не боялся, смѣло шелъ бы, потому что мы бесѣдуемъ отъ старыхъ книгъ, ему знакомыхъ. Пошла; но опять не привела дѣдушки Евсея. Тогда, уже въ третій разъ, посломъ отъ всѣхъ насъ отправился самъ старшина. Онъ убѣдилъ старика придти. Маленькій, худенькій старичекъ, однако еще бодрый. Помолясь, онъ обратился къ нашей чайной компаніи съ низкимъ поклономъ и словами: «простите, Христа ради»! Говорили мнѣ, что это обычное привѣтствіе у странниковъ, по которому можно ихъ отличить отъ другихъ сектантовъ.

— Садись, дѣдушка. Не бойся; мы бесѣдуемъ по старымъ книгамъ.

Старикъ сѣлъ. Такъ какъ онъ не подоспѣлъ къ началу бесѣды, то пришлось объяснять ему, о чемъ идетъ у насъ рѣчь.

— Вотъ, дѣдушка, — говорю ему, — мы толкуемъ съ Семеномъ Андреичемъ о томъ, какъ разпознать истиннаго проповѣдника, истиннаго миссіонера, отъ неистиннаго.

— Какъ же?

— До тебя я говорилъ Семену: если бы я пришелъ къ вамъ въ Вахрушево вотъ съ этимъ старопечатнымъ Евангеліемъ и, разогнувши книгу, заставилъ бы тебя читать вотъ эти слова.

— Ну, прочитай, — говорю Семену Андрееву, — еще разъ что̀ я заставлялъ тебя читать.

Семенъ Андреевъ читаетъ: *Рече Іс: аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете, крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. зач. 23).

— Такъ вотъ, если бы я пришелъ къ вамъ и заставилъ бы прочесть изъ старпннаго Евангелія эти самыя слова, а потомъ сталъ бы говорить: закрой, закрой эту книгу! Хоть тутъ и написано, что надо причащаться, но можно обойтись и безъ причащенія! Хотя Господь І. Христосъ и два раза сказалъ: «аминь», дважды своимъ Божескимъ словомъ завѣрилъ, что для спасенія необходимо принятіе Его пречистыхъ и животворящихъ таинъ, но я тебѣ говорю, что все-таки можно и безъ нихъ, безъ причастія святыхъ таинъ, прожить и быть спасену... Что̀ же, Семенъ Андреичъ, ты отвѣтилъ бы мнѣ на такія мои рѣчи? призналъ ли бы меня истиннымъ проповѣдникомъ?

Семенъ Андреевъ молчитъ, — очевидно, не понялъ меня. Но старикъ Евсевій понялъ, въ чемъ дѣло, — понялъ, что я говорю именно такъ, какъ безпоповцы учатъ о причащеніи. Онъ вдругъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Батюшка! Вѣдь мы такъ не проповѣдуемъ, какъ ты объ насъ говоришь! Мы учимъ, что причащеніе нужно, вотъ какъ нужно (онъ показалъ рукой на горло)! — да негдѣ намъ его нынѣ взять... Мы рады бы душою причаститься, да негдѣ, нѣтъ на свѣтѣ «причастія»...

— Какъ нѣтъ? Вѣдь Христосъ же обѣщалъ, что «слово Его не прейдетъ»; а вдругъ оказывается, что причастія нѣтъ...

Какъ же могло случиться, что слово Христа Спасителя не сбылось? Онъ далъ намъ заповѣдь — *сіе* (т. е. таинство причащенія) *творить въ Его воспоминаніе;* сказалъ, что Онъ будетъ съ нами *во вся дни до скончанія вѣка.* Если царь дастъ слово, то каждый знаетъ, что оно будетъ исполнено. Царь ли небесный не исполнитъ своего обѣщанія? Развѣ можетъ это быть? Подумай, старикъ! Вѣренъ Господь, и не можетъ отречься отъ своихъ словъ! Мы такъ и вѣруемъ, что всякое слово Христа Спасителя истинно, сбылось и сбывается; а вы говорите: негдѣ теперь стало причаститься!...

— Ахъ ты, Господи! — воскликнулъ Евсевій. Кто же подумаетъ, что Христосъ обманулъ, — обѣщалъ, и не исполнилъ своего обѣщанія? Все, чтó писано во св. Евангеліи, Онъ исполнилъ. Онъ-то вѣренъ своему обѣщанію; да мы невѣрны Ему, и Онъ за грѣхи, видно, наши отнялъ у насъ и церковь и святыя тайны...

— Такъ не говорите же вы, что Господь не сохранилъ своей церкви, а молитесь, чтобы отпустилъ вамъ грѣхи, за которые вы лишились церкви. И не смѣйте увѣрять, что стоите въ православной вѣрѣ, а такъ и исповѣдуйте передъ каждымъ, что за грѣхи ваши отнялъ у васъ Господь то, чтó обѣщалъ дать и далъ своей истинной церкви...

Старикъ слушалъ и народъ молча слушалъ.

— Ты знаешь, дѣдушка Евсевій, — продолжалъ я, — какъ къ нашему князю Владиміру отъ разныхъ вѣръ приходили провѣдники и каждый звалъ его со всѣмъ народомъ въ свою вѣру?

— Знаю.

— Пришли евреи, и стали хвалить свою вѣру. Они разсказали, какъ Богъ на Синаѣ самъ далъ заповѣди народу своему, какіе законы установилъ Моисей, пророкъ Божій, какой великолѣпный храмъ Іеговѣ построилъ Соломонъ, сынъ Давида, и какъ въ этомъ храмѣ съ утра до ночи приносились жертвы Богу. «А покажете вы мнѣ свою вѣру, — храмъ вашъ, священниковъ вашихъ и жертвы ваши»? — спросилъ ихъ князь Владиміръ. Вздохнули послы еврейскіе, — нечего имъ было

показать: нигдѣ на всемъ свѣтѣ не было ни храма еврейскаго, ни священника, ни жертвы. «За грѣхи наши отнялъ у насъ Господь все, что̀ далъ намъ», — сказали они князю. И прогналъ ихъ князь Владиміръ. Такъ и слѣдовало: они хотѣли наградить насъ тѣми дарами, какіе у нихъ у самихъ были отняты за ихъ грѣхи.

— Да, это такъ! — подтвердилъ старикъ.

— Слушай же ты, дѣдушка, дальше. Читалъ я разъ въ книгѣ, какъ одинъ миссіонеръ (проповѣдникъ) пришелъ къ дикарямъ, которые ѣли даже людей... Онъ ихъ просвѣтилъ Христовой вѣрой, и они измѣнились, оставили свои дикіе обычаи... Подумай, — что̀ если бы тебѣ привелъ Богъ быть на мѣстѣ того проповѣдника? Сталъ бы ты проповѣдывать этимъ несчастнымъ дикарямъ Евангеліе, началъ бы имъ благовѣствовать о Сынѣ Божіемъ, о нашелъ Спасителѣ, разсказалъ бы имъ всю Его жизнь, разсказалъ бы, чему Онъ училъ насъ, разсказалъ бы, какъ Онъ изволилъ за всѣхъ насъ на крестѣ претерпѣть мученія и самую смерть, и о воскресеніи и о вознесеніи Его разсказалъ бы, и о тайной вечери и о сошествіи Св. Духа... И потомъ кончилъ бы свою проповѣдь примѣрно такъ: «Вѣруйте же въ Него, Сына Божія; креститеся во имя Его и примите даръ Святаго Духа, который Онъ каждому даетъ въ таинствѣ св. мѵропомазанія, какъ свою Божескую печать на обновленнаго крещеніемъ человѣка, и живите по нашей вѣрѣ, — не убивайте, не злобствуйте, любите всѣхъ, какъ Онъ насъ всѣхъ возлюбилъ, положивъ за насъ душу свою, предавъ себя на крестную смерть за насъ. Помните, что не будь этой крестной смерти Христа Спасителя, погибъ бы во грѣхахъ весь человѣческій родъ. Знайте, что кровь І. Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. Для нашего спасенія Онъ установилъ во своей церкви великое таинство причащенія: *пріимите,* говоритъ, *ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* И такое далъ Онъ наставленіе намъ: *сіе творите*

въ мое воспоминаніе, то-есть не забывайте меня, помните, что я за васъ пролилъ кровь свою на крестѣ, и *пійте отъ нея вси...* всѣ, какъ есть, потому что за всѣхъ васъ Я пролилъ ее на крестѣ». И расплакались бы эти дикари,— не отъ твоихъ словъ, а отъ сознанія своихъ грѣховъ и отъ умиленія, отъ радости, что есть у нихъ Спаситель... И стали бы просить тебя: «Дѣдушка Евсевій! Дай намъ, о чемъ ты говорилъ: запечатай насъ печатію Святаго Духа, напой насъ животворящею кровію Христовою, напитай небеснымъ хлѣбомъ Его тѣла». И сказалъ бы ты имъ: «Горе, горе намъ съ вами! Хоть и дѣйствительно все, о чемъ я говорилъ вамъ, далъ Христосъ своей церкви, но за грѣхи наши отнялъ у насъ все это и ничего теперь нѣтъ у насъ... Вотъ, если бы намъ съ вами догадаться пораньше лѣтъ на 200 родиться, при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ, еще до Никона, тогда бы другое дѣло, — тогда совершались у насъ всѣ таинства; теперь же, въ такое горькоплачевное время, намъ остается только плакать и тужить о своей погибели: нѣтъ теперь той чаши, изъ которой Христосъ велѣлъ пить всѣмъ, — и мнѣ, и вамъ... Нѣтъ и прочихъ таинствъ. За грѣхи наши отнялъ у насъ Господь и храмъ, и священство Христово, и жертву Христову».

— Увѣряю тебя, дѣдушка Евсевій, озлобились бы дикари на тебя за то, что ты наобѣщалъ бы имъ много, а ничего бы не далъ, и если не убили бы, то прогнали ли бы тебя, какъ князь Владиміръ прогналъ еврейскихъ проповѣдниковъ. И что это за проповѣдь твоя была бы? Идите въ церковь, которой нѣтъ на свѣтѣ! причащайтесь тѣла и крови Христа Спасителя, которыхъ теперь нѣтъ уже! вѣруйте въ Евангеліе, которое исполнялось до лѣтъ Никона патріарха, а теперь уже исполниться не можетъ, — оно не на нынѣшнія времена дано! Развѣ такая проповѣдь у настоящихъ Христовыхъ проповѣдниковъ? Эхъ вы, *христіане!...* Гдѣ ваша вѣра, которой вы хвалитесь?.

Дѣдушка Евсевій даже вскочилъ съ мѣста.

— Если бы у васъ не было ереси, я давно пошелъ бы

къ вамъ! — воскликнулъ онъ. Вѣдь ересь, — это страшная вещь! Какъ причащаться въ той церкви, гдѣ, знаешь хорошо, есть ересь? Вотъ святая Голендуха пришла разъ въ монастырь, гдѣ монахи были еретики, — а она не знала, что они еретики. Такъ ей Ангелъ явился во снѣ и показалъ два сосуда: темный и свѣтлый. Это значило: ты бѣги отъ еретической церкви, отъ темнаго сосуда, въ православную, къ свѣтлому сосуду, и въ православной причастись, а не въ еретической. Вотъ вѣдь какъ...

Я повторилъ для слушателей разсказъ дѣдушки Евсевія, и потомъ сталъ говорить:

— Слушайте. Ангелъ сказалъ Голендухѣ, что тотъ монастырь, гдѣ она хотѣла причаститься, еретитическій. Вамъ же, старовѣрамъ, кто возвѣстилъ, что наша церковь еретическая? Не скажете же вы, что тоже Ангелъ возвѣстилъ?...

— Ахъ-ты!... Сами видимъ.

— Сами!... Сами можете ошибиться. Развѣ вселенская церковь произнесла судъ, что русская церковь впала въ ересь? Когда это было? Собора, обличившаго насъ въ ереси, не было; Ангелъ вамъ, какъ Голендухѣ, не возвѣщалъ, что нашъ сосудъ темный: чего же вы боитесь?... А потомъ смотрите. Ангелъ не показалъ Голендухѣ одинъ темный сосудъ, чтобы она бѣгала ереси; онъ показалъ ей два сосуда: темный и свѣтлый, — чтобы бѣжать отъ ереси къ правоcлавію, отъ тьмы къ свѣту. Ты разсказалъ о святой Голендухѣ, чтобы объяснить, почему вы не причащаетесь отъ нашего сосуда; если, по твоему, у насъ, въ нашихъ церквахъ, въ Бесѣдномъ напримѣръ, темный сосудъ, такъ иди ты отъ него къ свѣтлому. У васъ, въ Вахрушевѣ, нѣтъ никакого сосуда, ни темнаго (это бы не бѣда), ни свѣтлаго (это горе)... Ты побѣжалъ отъ темнаго, какъ думаешъ, сосуда, но не къ свѣтлому, какъ научилъ Ангелъ Голендуху, а къ никакому, чему никто никогда и никого не научалъ...

— Ахъ-ты, Господи! — воскликнулъ опять старикъ, — вѣдь ересь все равно, что ядъ...

Я отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, ересь похожа на ядъ. Но... кто же тебя научилъ изъ-за подозрѣваемой ереси обходиться безъ таинства тѣла и крови Христовыхъ? Вѣдь вотъ лежитъ хлѣбъ. (Къ чаю былъ поданъ бѣлый хлѣбъ ломтями; я взялъ одинъ ломоть и, подавая Евсевію, сказалъ:) Если бы я этотъ кусокъ посыпалъ мышьякомъ и сталъ тебѣ его давать: кушай, дѣдушка Евсевій! Вѣдь ты бы не принялъ этого куска?

— Не принялъ бы. Какъ же принять? Отравишся! Кусокъ посыпанъ ядомъ.

— И я бы такого хлѣба не сталъ ѣсть, да и никто не сталъ бы его ѣсть. Ну, а если бы ты, ни съ того, ни съ сего, сталъ увѣрять, что опасно ѣсть этотъ хлѣбъ, потому что, можетъ-быть, онъ отравленъ ядомъ? Вѣдь ты бы, дѣдъ, такъ-то, со страха передъ отравой, умеръ бы съ голода. Нельзя жить безъ хлѣба! Ты скажешь, что у тебя есть основанія бояться нашего сосуда (объ этихъ основаніяхъ поговоримъ послѣ). Положимъ такъ. Но ужели ты думаешь спастись совсѣмъ безъ причастія? Вѣдь это то же самое, какъ если бы кто думалъ, что можно прожить безъ пищи и питья. Надо бояться отравы, надо бояться ереси; но нельзя прожить безъ настоящей, здоровой пищи, нельзя спастись безъ причащенія (въ православной церкви) изъ свѣтлаго сосуда... Нельзя!

— Мы вотъ какъ желаемъ! — заговорилъ опять дѣдушка Евсей, — да гдѣ же его взять, — причастія-то?

— Это указываешь ты на ваше «огнепальное желаніе?»... Какое ни будь у васъ «огнепальное желаніе», все же самаго причастія, какого вы желаете, у васъ нѣтъ и не можетъ быть по вашей безпоповщинской вѣрѣ. Желаете, и не пріемлете, потому что желаете, по вашимъ словамъ, того, чего нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Ну, развѣ прожить безъ хлѣба? Какое-нибудь огнепальное желаніе хлѣба, а когда хлѣба нѣтъ, все же непремѣнно умрешь съ голода, — и чѣмъ сильнѣе желаніе, тѣмъ скорѣе наступитъ смерть и тѣмъ она мучительнѣе. А вы умудряетесь какъ-то питать свои души не хлѣбомъ небеснымъ, не чашею жизни, а только однимъ голодомъ, этимъ

самымъ вашимъ «огнепальнымъ желаніемъ»... Это невозможно, дѣдушка Евсевій! Андрей Денисовъ напуталъ въ своихъ Отвѣтахъ, а вы и вѣрите ему, что будто бы все равно, что настоящее, дѣйствительное причастіе святыхъ Христовыхъ животворящихъ таинъ, что одно желаніе этого причастія, которому никогда не суждено сбыться. Огнепальное желаніе!... Какое жалкое словечко, и какое скрывается въ немъ невѣріе словамъ Христовымъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ*... Надо, дѣдушка, вѣровать Евангелію.

— Мы вѣруемъ Евангелію; вѣруемъ, что и церковь Христова есть, да боимся, нѣтъ ли у васъ ересей. Если бъ у васъ не было ересей, я бы ушелъ къ вамъ сейчасъ!

— Какія же у насъ ереси? — укажи мнѣ дѣдушка Евсевій...

III.

И началась бесѣда о нашихъ разностяхъ со старовѣрами, изъ-за которыхъ они считаютъ насъ еретиками: объ имени Іисусъ, о словѣ «истиннаго» въ 8-мъ членѣ Символа вѣры, о троеперстіи и о прочемъ. Старикъ Евсевій обрадовался, что рѣчь зашла о знакомыхъ ему предметахъ, — сразу почувствовалъ себя спокойнѣе; точно слѣпой, — попалъ на знакомую тропинку, и побрелъ по ней.

— Какая же ересь, дѣдушка, по-твоему, содержится въ имени Іисусъ? — спросилъ я.

— Несторіева! — не задумавшись, отвѣтилъ Евсевій.

— Несторіева? — изумился я. — Да ты знаешь ли, въ чемъ состояла эта ересь? Не смѣшалъ ли ты ее съ какой-нибудь другой?

Но старикъ очень подробно разсказалъ мнѣ объ ереси Несторія. Несомнѣнно, что онъ слово сказалъ не наобумъ, не зря.

— Такъ какъ же, — говорю, — Несторіева-то ересь содержится въ имени Іисусъ?

— Такъ и содержится, — отвѣчалъ старикъ. Несторій

единое лице Господа Іесуса Христа разсѣкалъ надвое, признавалъ въ немъ двухъ раздѣльныхъ сыновъ: Сына Божія и Сына Маріи. Это же мудрованіе видится и у васъ: вы вмѣсто Іесусъ, произносите *Іисусъ*. У васъ въ имени Христовомъ два и (І-и-сусъ) вмѣсто одного (І-сусъ): значитъ и вы, какъ несторіане, разсѣкаете единое лице Господа Іесуса Христа надвое. А это страшная ересь, осужденная и проклятая на третьемъ вселенскомъ соборѣ!

Старикъ произносилъ это свое обвиненіе на церковь съ спокойной улыбкой сознанія правоты своихъ словъ. Было жалко даже смотрѣть на него.

— Помилуй, — говорю ему, — да развѣ ты не знаешь, что, наша церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ постоянно исповѣдуетъ вѣру во Христа «не во двою лицу раздѣляемаго»? Вотъ хоть бы въ догматикѣ: «Кто тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво»... А ты говоришь, будто наша церковь повинна въ несторіанствѣ?! Потомъ наша церковь принимаетъ дѣянія третьяго вселенскаго собора: значитъ, предаетъ проклятію и Несторія и его ересь. А ты говоришь: не иду въ великороссійскую церковь изъ-за несторіанства! Видишь, мы ясно и всенародно проповѣдуемъ, что мы неповинны въ этой ереси.

— Это такъ; вы проповѣдуете, что Христосъ «не во двою лицу раздѣляемый», но проповѣдуете только на словахъ. Словами — одно, а дѣлы — другое.

— Дѣлы — т.-е. буквами?

— Да.

Ну, думаю, надо книгами его убѣдить, что въ имени Іисусъ нѣтъ Несторіевой ереси.

— Гляди, дѣдъ, вотъ эту книгу! — И показываю ему древлепечатное юсовое Евангеліе. Онъ осмотрѣлъ ее: «книга древвяя»! — говоритъ.

— Дониконовская?

— Дониконовская.

— Здѣсь уже *Іисусъ* не можетъ встрѣтиться?

— Не можетъ. Въ древнихъ книгахъ нигдѣ ты не найдешь, чтобъ было два *иже*. Вотъ смотри древнее Евангеліе (При

немъ было старинной кіевской печати Евангеліе малаго формата). Видишь, что̀ напечатано?

И показываетъ пальцемъ: *Зачало Еванїелія* І͠с Х͠вл (отъ Марка 1-е зач.).

— Вижу. Да вѣдь я знаю, что часто такъ именно печаталось и печатается имя Спасителя. Ты, дѣдушка, новаго мнѣ не показалъ, да и того, что хотѣлъ доказать, не доказалъ. Вѣдь ты хотѣлъ доказать, что надо читать непремѣнно *Ісусъ* и что будетъ ересь, если читать *Іисусъ;* а вмѣсто этого только показалъ мѣсто въ Евангеліи, гдѣ напечатано І͠с. Развѣ тутъ напечатано *Ісусъ?* Вотъ если бы тутъ было полностію напечатано *Ісусъ*, это показаніе твое еще шло бы къ дѣлу.

— Да вѣдь тутъ одно *иже*, а не два, какъ у васъ! У васъ, гляди-ка, какъ печатается теперь, по Никонову преданію! — и показываетъ въ новопечатномъ Евангеліи І͠ис (въ томъ же 1-мъ зачалѣ отъ Марка).

— И это знаю; сто разъ видалъ. Напечатано І͠ис, и поэтому надо непремѣнно читать *Іисусъ* (два *иже*). А когда напечатано І͠с, я еще не знаю, какъ надо читать.

— Какъ не знаешь? вѣдь тутъ одно ї!

— Вотъ тебѣ моя карманная книжка. Пиши полностію Ісусъ.

Старикъ карандашикомъ написалъ І с у с ъ (не соединивъ буквы, а выписавъ каждую отдѣльно).

— Вотъ здѣсь, — говорю, — ты написалъ *Ісусъ*, и уже никто не прочтетъ *Іисусъ*. А ты вотъ что̀ теперь сдѣлай: послѣднія три буквы зачеркни, и останутся только первыя двѣ І͠с. Это сократилъ ты полное слово, когда тебѣ не хочется, или не слѣдуетъ писать его сполна. Теперь гляди: вотъ и я напишу Іисусъ. А когда мнѣ нужно написать это слово въ сокращеніи, я тоже вынимаю вотъ эти, четыре, а не три буквы (*и с у* да ъ) и пишу также І͠с. Вотъ ты и разсуди теперь: какъ надо читать сокращенное І͠с? — *Іисусъ* ли, или *Ісусъ?* По-моему можно и такъ и этакъ, потому что, самъ ты видишь, я сократилъ такъ слово *Іисусъ*, а ты — слово *Ісусъ*.

Казалось, что онъ немножко понялъ, — понялъ, что нельзя

настаивать, что непремѣнно надобно читать *Ісусъ,* а не *Іисусъ,* когда въ книгѣ напечатано І҃С.

— Все же, — говоритъ, — нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ двухъ *иже.*

— А вотъ, смотри! — И я открылъ мое Евангеліе, уже осмотрѣнное имъ раньше и признанное имъ за несомнѣнно древнее. — Читай!

Онъ читаетъ (тоже 1-е зач. отъ Марка): *Зачало Евангеліа Ісусъ Христова.*

— Не такъ!

— *Зачало Евангеліа Ісусъ Христова.*

— Опять не такъ! Смотрите, кто грамотный, что̀ напечатано.

Подошли грамотеи, глядятъ, — въ книгѣ стоитъ: зачало Евангелія І҃Ѵ Х҃А.

— Вотъ ты, старикъ, все говорилъ, что нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ двухъ *иже* въ имени Христовомъ. Должно быть, ты мало видѣлъ такихъ книгъ. Вѣдь это книга старинная, какъ и самъ ты призналъ, а написано І҃Ѵ (і да *ижица*). *Ижица* то же, что *иже,* какъ *книжица* то же, что *книга.*

Старикъ былъ изумленъ видѣніемъ такихъ неожиданныхъ для него письменъ: І҃Ѵ...

Потомъ, оправившись, сталъ говорить, что «вѣдь ѵ (ижица) не всегда читается какъ и; иногда читается за *в* (вѣди)».

— Вѣрно, говорю; иногда читается за *вѣди,* напримѣръ: «Еѵангелія», какъ напечатано здѣсь же, на этой же строчкѣ; тутъ ѵ означаетъ, дѣйствительно, *вѣди.* Но ужели ты думаешь, что и здѣсь, въ словѣ І҃Ѵ, ѵ употреблена вмѣсто *в*? Прочитай-ка, что̀ выйдетъ.

Старикъ понялъ, что здѣсь ѵ нельзя произносить какъ *в;* однако и еще замѣтилъ, что иногда ѵ читается какъ *у.*

— И это пожалуй правда; но только не одна ѵ читается за *у,* а когда передъ нею стоитъ *о.* Въ старыхъ книгахъ часто встрѣчается такое начертаніе: оѵ и ȣ. А здѣсь, въ словѣ І҃Ѵ, несомнѣнно ѵ должна читаться какъ и. Привелъ и другіе примѣры, гдѣ ѵ читается за и (Моѵсей).

Теперь старикъ не сталъ уже настаивать, что въ словѣ

Іисусъ заключается несторіанство, — понялъ, что тогда въ несторіанствѣ пришлось бы обвинить и дониконовскую древность, которой принадлежитъ книга. Онъ повелъ рѣчь о другомъ.

— Здѣсь, — говоритъ, — одно ї прилогъ; только ї и ѵ написаны слитно.

— Если прилогъ, то можно отдѣлить его. Вотъ мы карандашикомъ это и сдѣлаемъ (и я провелъ раздѣлительную черту сверху внизъ между двумя буквами ї и ѵ). Теперь стало: «Зачало Евангелія ї ѵсусъ Христова». Но подумай, дѣдушка, — развѣ было, или есть еще чье-либо Евангеліе, кромѣ Евангелія І. Христова?

— Нѣтъ, нѣту.

— А вѣдь если буквы іѵ҃ раздѣлить и читать, какъ ты совѣтуешь: «Зачало Евангелія и Ісусъ Христова», то выйдетъ, что, кромѣ Христова Евангелія, есть и другія евангелія, чего ты и самъ не допускаешь. Потомъ, обрати вниманіе на буквы: вотъ я, по твоему совѣту, іѵ҃ раздѣлилъ карандашемъ на два слова и получилось і ѵ. На какую же букву ты велишь титло положить: на і, или на ѵ? — вѣдь оно лежало надъ обѣими.

— На Ісусъ.

— Ладно. Гляди же, что̀ стало: «Зачало Евангелія ї ѵ҃ Христова». Скажи, ты видалъ ли гдѣ, чтобы Ісусъ писалось такъ: ижица (ѵ), одна буква, подъ титлой?

Старикъ почувствовалъ себя неловко. Сталъ говорить:

— Вѣдь только одно мѣсто и есть, что съ двумя *иже* написано Ісусъ.

— Нѣтъ, не одно; вотъ, гляди, и еще есть.

И я показалъ ему точно такое же начертаніе (іѵ) на предыдущей страницѣ. Онъ смутился. Я разсказалъ ему объ Евангеліи вологодской филипповской моленной и о другихъ, видѣнныхъ мною древнихъ книгахъ, гдѣ имя Спасителя писано *Іисусъ*, разъяснилъ правильность этого начертанія и вывелъ заключеніе, что онъ совсѣмъ несправедливо обвиняетъ церковь въ несторіанствѣ за употребленіе имени *Іисусъ*. Старикъ больше не возражалъ.

IV.

— Теперь укажи, какую еще ты нашелъ у насъ ересь?— спросилъ я дѣдушку Евсевія.

— Символъ вѣры исказили: не исповѣдуете Духа Святаго быти истиннаго. Мы читаемъ: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго»; а вы: «и въ Духа Святаго Господа животворящаго»... Зачѣмъ отбавили слово «истиннаго»? Вѣдь вамъ извѣстно, что «аще кто прибавитъ, или убавитъ, анаѳема».

— Извѣстно, — говорю; — но все же любопытно знать, какая ересь проповѣдуется у насъ въ 8-мъ членѣ Символа?

— Ужели не видишь какая?! Вы откинули слово «истиннаго»: значитъ, не вѣруете, что Духъ Святый есть истинный.

— Это похоже на то, что̀ вы часто говорите: «зачѣмъ въ молитвѣ Іисусовой *Сына Божія* отставили? Развѣ вы не вѣруете, что Христосъ Сынъ Божій?»

— Да, похоже...

И стали говорить сначала о двухъ видахъ молитвы Іисусовой. Новаго тутъ ничего не было сказано. Обратились къ 8-му члену Символа вѣры.

— Такъ ты думаешь, что мы впали въ ересь, опустивъ слово «истиннаго» изъ Символа?

— Да, это ересь.

— Гляди же!

И я показалъ ему, какъ читается этотъ членъ Символа вѣры въ Маломъ Катихизисѣ. Читаетъ: «и въ Духа Святаго Господа животворящаго»... Удивляется; перечитываетъ снова и спрашиваетъ: въ какомъ году печатана книга?

— Да развѣ ты не вѣришь Малому Катихизису?

— Вѣрю; да все же надо знать годъ печатанія, потому что, если въ послѣдній годъ жизни патріарха Іосифа печатана, то опасно довѣряться такой книгѣ: ее, можетъ, при Никонѣ переправили.

— Давай, — говорю, — читать выходной листъ.

Читаемъ: «Из друку (изъ печати) издася языкомъ словенъ-

скимъ въ царьствующемъ градѣ москвѣ, въ лѣто седмь тысящъ рп҃з е мѣсяца генваря въ к҃ день».

— Что же, — спрашиваю, — въ послѣдній годъ жизни патріарха Іосифа напечатана?

— Нѣтъ, за три года до смерти... онъ умеръ во 160-е лѣто.

— Значитъ, книга православная?

— Православная-то православная; да только въ ней 8-й членъ изложенъ вкратцѣ.

— Ну и у насъ вкратцѣ. Не говорите же, что у насъ ересь.

— У васъ совсѣмъ другое дѣло, — у васъ намѣренно вычеркнули.

— Вѣрно, что намѣренно; но только мы согласны съ православнымъ патріархомъ Іосифомъ: онъ велитъ читать 8-й членъ по-нашему.

— Онъ въ другихъ мѣстахъ вездѣ велитъ читать по-нашему.

— Не вездѣ; вотъ посмотри. И я указалъ ему, гдѣ въ Кирилловой книгѣ временъ Іосифа читается 8-й членъ безъ прилога «истиннаго».

— А въ богослужебныхъ книгахъ вездѣ по-нашему.

— Ну, такъ что же? Значитъ, патріархъ Іосифъ думалъ не по-вашему, если и то и другое чтеніе помѣщалъ въ своихъ книгахъ... Хорошо и по-нашему, хорошо и по-вашему:

— По вашему не хорошо.

— Но Іосифъ читалъ же по-нашему?... Вѣдь книга Малый Катихизисъ для чего напечатана? Гляди: *ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся.* Подумай, дѣдушка, могъ ли патріархъ Іосифъ повелѣть, чтобы учились вѣрѣ по такому Катихизису, гдѣ 8-й членъ читается неправославно, если, говоришь ты, читать безъ «истиннаго», по-нашему, нельзя?.. неправославно?..

— Я же сказалъ тебѣ, что тутъ, въ Катихизисѣ, «вкратцѣ»; а Іосифъ читалъ по-нашему.

— Однако ты посмотри, — что это такое? Всѣ члены Символа сполна выписаны, а 8-й вкратцѣ! Онъ портитъ всѣ остальные. Развѣ такъ можно? Во всякомъ случаѣ ты долженъ

согласиться, что мы читаемъ 8-й членъ Символа вѣры вполнѣ такъ, какъ училъ читать «всѣхъ православныхъ христіанъ, наипаче же дѣтей учащихся», самъ святѣйшій патріархъ Іосифъ. Если Никонъ за такое чтеніе, по-вашему, есть еретикъ, то такой же еретикъ и Іосифъ. Т.-е. они-то не еретики, а вотъ вы клевещете, будто Никонъ, вполнѣ, какъ самъ ты видишь, согласный съ Іосифомъ, есть еретикъ.

— Никонъ еретикъ!...

— А Іосифъ?

— Іосифъ нашъ.

— Да вѣдь 8-й членъ Символа и онъ велѣлъ читать одинаково съ Никономъ!...

— Да Іосифъ вкратцѣ написалъ здѣсь 8-й членъ... и т. д. и т. д.

V.

Засимъ старикъ Евсевій указалъ у насъ латынскую ересь въ томъ, что мы поемъ: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже».

— Надобно, говоритъ, пѣть такъ: «аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже».

— Какая же разница? — спрашиваю.

— Будто не знаешь? Вы четверите аллилуіа, а мы троимъ, какъ и надобно, въ честь Святой Троицы. Вы у латынъ переняли, — они не славятъ Троицу, но четверятъ.

— Про латынянъ подожди говорить; объ нихъ будетъ рѣчь послѣ. А вотъ скажи, какъ ты это насчиталъ у насъ четыре «аллилуіа», а у себя три? Слушай и считай по пальцамъ, сколько разъ я скажу аллилуіа: «аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже». Сколько разъ я сказалъ «аллилуіа?» По моему счету 2 раза. Какъ же ты говоришь, что вы троите «аллилуіа» въ честь Святыя Троицы?

— Аллилуіа, аллилуіа, — это 2 раза аллилуіа; а въ третій оно же, только по-русски: «слава Тебѣ, Боже». Вотъ и вышло, что у насъ тройная аллилуіа.

— Все же слово «аллилуіа» вы не три раза поете? Въ третій разъ поете «слава Тебѣ, Боже»?

— Да.

— Значитъ, у васъ не тройное, а двойное, «сугубое» аллилуіа. У насъ же дѣйствительно тройное аллилуіа въ честь Святыя Троицы: аллилуіа (Отцу), аллилуіа (Сыну), аллилуіа (Духу Святому); слава Тебѣ Боже (всей Святой Троицѣ, единосущной и нераздѣльной).

— Это мудрованіе Павла Прусскаго! — сказалъ, улыбаясь, старикъ. Но оно не согласно съ Стоглавымъ соборомъ.

— О Стоглавомъ соборѣ тоже послѣ потолкуемъ, коли хочешь. А ты скажи прежде: что̀ худаго въ нашемъ троеніи аллилуіа?

— А то и худаго, что четверите вы Святую Троицу съ латынянами вмѣстѣ.

— Я же тебѣ разъяснилъ, что мы сначала говоримъ аллилуіа трижды въ честь трехъ лицъ Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа; потомъ говоримъ «слава Тебѣ, Боже», т.-е. слава Тебѣ, Троица Святая, единосущная и нераздѣльная. А ты отыскалъ какое-то четвереніе Троицы! Вѣдь ты пожалуй отыщешь такую же ересь и въ этихъ словахъ: «святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ»? И здѣсь тоже сначала три раза «святъ», въ четвертый «Господь Саваоѳъ». Если думать по-твоему, то уже нельзя намъ и такъ молиться: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ», — тоже скажешь: четверите! Такъ что ли?

— То — другое дѣло.

— Совсѣмъ не другое, а то же самое.

— Да вѣдь я говорю согласно съ Стоглавымъ соборомъ.

— А ты подумалъ ли когда объ томъ, правильно ли въ книгѣ-то Стоглавъ написано объ аллилуіи? Тамъ написано именно такъ, какъ ты говоришь, т.-е. ошибочно, потому что никакого четверенія Троицы не бываетъ, когда мы поемъ трижды, въ честь трехъ лицъ Святыя Троицы, аллилуіа, а въ четвертый разъ «слава Тебѣ, Боже», въ честь единства Святыя Троицы, Ты вотъ говоришъ, что это «мудрованіе Павла Прусскаго». Неправда. Еще пораньше, много пораньше Павла Прусскаго цѣлый соборъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, архи-

мандритовъ и священниковъ точно такъ же растолковалъ троеніе аллилуіа (Читай Дѣяніе Большаго Московскаго собора 1666—7 гг. гл. 3).

— Значитъ, по-вашему Стоглавый-то соборъ ошибочно повелѣлъ читать по-нашему аллилуіа?

— Значитъ, ошибочно... Суди самъ, гдѣ четвереніе Троицы въ томъ, какъ читаютъ, или поютъ у насъ аллилуіа? А Стоглавъ, именно изъ опасенія, чтобы какъ не *почетверить* Троицу, и запретилъ *троить* аллилуію! Но ты и самъ не могъ растолковать мнѣ, какъ это выходитъ, будто мы четверимъ Троицу, — мы не четверимъ ее. Да и латиняне не четверятъ, а тоже, какъ и мы, вѣруютъ, что во Святой Троицѣ три лица: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ; никакого четвертаго лица и они не признаютъ. Ересь же ихъ состоитъ въ ученіи, будто Духъ Святый исходитъ не только отъ Отца, но «и отъ Сына». Ересь эта обличена и въ Книгѣ о вѣрѣ, въ 4 и 28 главахъ, и въ Кирилловой, въ 7 гл., 25, 26, 27, 36, а также и въ Катихизисѣ; но нигдѣ тамъ не написано, что будто латиняне четверятъ Святую Троицу. Стоглавый соборъ ошибся, приписавши латинянамъ ересь четверенія Троицы; ошибся еще и тѣмъ, что запретилъ древній обычай троить аллилуіа. Вѣдь въ книгѣ Стоглавъ, въ гл. 42-ой, писано вотъ что̀ (я взялъ книгу Стоглавъ и сталъ читать): «во Псковѣ и въ Великомъ Новѣгородѣ по многимъ монастырямъ и по церквамъ по многимъ мѣстомъ *доднесь говорили трегубую аллилуіа*»...

Но старикъ перебилъ меня: Такъ вѣдь соборъ запретилъ троить, а повелѣлъ: *отнынѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ пѣти двоегубое аллилуіа.* Что̀ было позволительно до собора, то стало ересью послѣ соборнаго запрещенія. До 1-го Вселенскаго собора было въ обычаѣ у асійскихъ христіанъ праздновать Пасху въ 14-е число еврейскаго мѣсяца Нисана; но когда 1-й Вселенскій соборъ отмѣнилъ этотъ обычай и повелѣлъ всѣмъ праздновать по-теперешнему, то *еретиками* оказалитъ тѣ, которые не хотѣли слушаться собора. Самъ, небойсь, въ Кормчей читалъ о четыренадесятникахъ?

— Читалъ, и хорошо эту исторію знаю. Я сбирался все разсказать ее тебѣ, дѣдушка Евсевій, въ наставленіе, что непремѣнно надо слушаться соборнаго постановленія. Вотъ видишь ли, эти четыренадесятники стояли за старину: они, какъ и вы, не хотѣли разстаться съ тѣмъ, что̀ отмѣнилъ соборъ. За такое свое старовѣрье, которое не хотѣло знать, что̀ есть покореніе соборной власти, они и обозваны, какъ ты самъ, видно, знаешь, прямо еретиками (Кормчая, правила 2-го Всел. соб. 7-е; 6-го Всел. соб. 95-е, Лаодик. 7-е). Научитесь же вы изъ этой исторіи, что необходимо слушаться собора и покоряться ему.

— Мы и покоряемся ему, — Стоглавому собору, бывшему во время благочестія, при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Макаріи...

— Этакъ, по-твоему, и четыренадесятники оправдались бы: «не хотимъ знать рѣшенія новаго собора; будемъ стоять за старину... Апостолы: Іоаннъ Богословъ и Филиппъ намъ дали заповѣдь въ числѣ праздновать Пасху: зачѣмъ перемѣнять ихъ преданіе»?!... Но соборы ихъ осудили за непокореніе власти. Да еще горе твое въ томъ, дѣдушка Евсевій, что ты опоздалъ родиться... Тебѣ бы надо родиться еще тогда, когда дѣйствовало правило Стоглаваго собора; теперь же надо слушаться другаго собора, бо́льшаго сравнительно со Стоглавымъ, на которомъ предсѣдательствовали не одинъ митрополитъ, какъ на Стоглавомъ, а три патріарха...

— Это вашего Никоновскаго-то?! Избави Боже!...

— Какой онъ Никоновскій? Никона онъ судилъ не легче васъ: на васъ клятву наложилъ, а Никона лишилъ патріаршества и осудилъ въ заточеніе. Какъ же ты говоришь, что это Никоновъ соборъ? Нельзя этого собора не слушаться; и объ аллилуіи онъ правильно постановилъ, отмѣнивъ рѣшеніе собора Стоглаваго.

Старикъ не рѣшился настаивать, что Большой Московскій соборъ не могъ отмѣнить рѣшеніе Стоглаваго: какъ видно, онъ знаетъ, что позднѣйшіе соборы исправляли и дополняли, даже вовсе отмѣняли рѣшенія раннѣйшихъ соборовъ.

Онъ только попытался было снова доказывать справедливость рѣшенія Стоглаваго собора, отмѣнившаго древній обычай троить аллилуіа; но потомъ вскорѣ перешелъ къ другимъ предметамъ.

Сколько упомню, эта бесѣда объ аллилуіи чуть ли не единственная за все время моихъ собесѣдованій со старообрядцами: не заводятъ они рѣчей объ этой нашей мнимой «ереси»... Должно быть и сами понимаютъ, какъ несправедливо такое обвиненіе и что доказать его нельзя. Другіе молчатъ объ этомъ и по незнанію; а Евсевій весь вѣкъ свой изжилъ на книгахъ: онъ и о Стоглавѣ поговорилъ! Другіе краткословнѣе его. Кого предпочесть? — не знаю. Плохо, если старообрядецъ простъ да малограмотенъ; плохо, если и хитръ да еще начитанный. Хорошо, еслибы они были и мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби...

VI.

Перешли къ троеперстію. Старикъ Евсевій объявилъ, что въ немъ содержится Севирова ересь.

— Севирова ересь?! — удивился я.

— Да! — съ улыбкой, увѣренно произнесъ старикъ. Вѣдь Севиръ училъ, что на крестѣ страдала вся Святая Троица, Отецъ и Сынъ и Духъ Святый. Вотъ и вы ту же ересь проповѣдуете, вознося три персты — знамя Троицы на чело, на животъ и на оба рамена, т.-е. на́-крестъ.

— Очень, дѣдъ, хитро! Слыхалъ ли ты хоть разъ гдѣнибудь, чтобы въ церкви пѣли, или читали, что за насъ распялся не Сынъ Божій, но вмѣстѣ съ нимъ и Отецъ и Святый Духъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но въ томъ-то и ошибка ваша, что вы «словами проповѣдуете одно, а дѣлы — другое»... Выходитъ, что вы своимъ крестнымъ знаменіемъ проповѣдуете Севирову ересь...

Старикъ самодовольно оглядывалъ и меня и слушающихъ. Я могъ бы сейчасъ же прекратить его самодовольство, указавъ ему, что этакая Севирова ересь, какую онъ видитъ

въ нашей церкви, есть и въ Большомъ Катихизисѣ, и въ Іосифовской Псалтири, и въ двухъ мѣстахъ Кирилловой книги. Но прежде доказательства отъ книгъ мнѣ хотѣлось такъ, словами, образумить старика. Однако онъ стоялъ на своемъ и продолжать утверждать, что мы повинны въ Севировой ереси...

Мнѣ стало досадно. «Опомнись, говорю, — что̀ ты толкуешь! Господь съ тобой!» И при этомъ невольно перекрестилъ его. Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это благословеніе! Женщины, прихожанки Евсевія, заохали: «что ты! что ты обижаешь старика!» Самъ Евсевій побѣлѣлъ съ досады, и потомъ говоритъ: «хорошо благословеніе отъ православнаго священника!». А ты-де еретикъ!

— Не сердись, старикъ, — говорю ему. — Вѣдь право силъ нѣтъ слушать твои рѣчи! Какая у насъ Севирова ересь, когда ты и самъ признаешь, что мы *словами* ее не проповѣдуемъ. Развѣ ты гдѣ читалъ, что бываетъ ересь не словесная, а ручная, перстная? Не придирайся къ перстамъ. Вѣдь, если этакъ, по-твоему, придираться, то иной и у тебя въ перстосложеніи отыщетъ Севирову ересь, да еще и Аріеву.

— Какъ такъ?

— Ты вѣдь 1-й, 4-й и 5-й персты соединяешь вмѣстѣ во образъ Святыя Троицы, все равно, какъ мы 1-й, 2-й и 3-й въ честь Троицы же?

— Да.

— А 2-й и 3-й въ знакъ двухъ нераздѣльно соединенныхъ во Христѣ естествъ, все равно, какъ мы для того же соединяемъ 4-й и 6-й?

— Да.

— Скажи же ты мнѣ: куда ты дѣваешь три перста, когда рукою полагаешь крестъ на себѣ? Не прячешь же ты ихъ куда-нибудь? Значитъ, тоже проповѣдуешъ, что Троица на крестѣ страдала!

— Все же я лба касаюсь не тремя, а двумя!...

— Но гдѣ два, тамъ и три, — это вѣрно. Разсуждай я по-твоему, я долженъ бы и тебѣ навязать ересь Севирову. Но я стыжуть придираться къ пальцамъ, да къ буквамъ.

— Буква — великое дѣло... А ты покажи, гдѣ велѣно креститься тремя перстами.

— Принеси Кириллову книгу. На листу 236 православный грекъ упрекаетъ католика: «*и почто* ты *не согбаешь трехъ перстовъ,* когда правой рукой крестишься, *почто ты крестъ твориши обоими* (двумя) *перстами*» и т. д. И Большой Катихизисъ велитъ тремя перстами креститься...

— Тамъ не ясно сказано...

— А ты принеси книги, почитаемъ. Вѣдь у тебя много книгъ.

Старикъ пошелъ за книгами. Въ это время хозяйка собрала обѣдъ и мы сѣли за столъ. Такъ какъ перстосложеніе наше — главная причина, почему старообрядцы не идутъ въ церковь, то я разсудилъ написать Евсевію нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному на бесѣдѣ. Записку эту дней чрезъ пять послѣ этого я передалъ Бесѣднинскому священнику для препровожденія къ дѣдушкѣ Евсевію. Въ ней я убѣждалъ старика вѣровать во св. Евангеліе не такъ, какъ вѣруютъ безпоповцы, а въ цѣлости, всему; и таинство святаго причащенія считать необходимымъ для своего спасенія по Христову слову: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ;* и не говорить о церкви, что не знаю, есть ли она, или нѣтъ, потому, что самъ Спаситель сказалъ: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* А есть церковь, — писалъ я, — есть и всѣ тайны, въ лишеніи которыхъ живутъ безпоповцы. Вѣруй въ Евангеліе, и не придирайся къ перстамъ. Не ищи того, что̀ не положено; не ищи ереси тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Ты находишь Севирову ересь въ нашемъ перстосложеніи, — это хитро, но не вѣрно; самъ же ты говоришь, что словами мы не проповѣдуемъ этой ереси. А если ты будешь придираться къ нашему троеперстію, то иной изъ нашихъ, такой же хитрый, какъ и ты, спроситъ у тебя: «во Святой Троицѣ сколько лицъ?» — Три, — отвѣтишь ты. — «Перечти по порядку!» — Первое, скажешь, Отецъ, второе — Сынъ, третье — Духъ Святый. — «Они раздѣльны, или нераздѣльны?» — Не раздѣльны — отвѣтишь ты. А онъ и скажетъ

тебѣ: «зачѣмъ же ты, дѣдушка Евсевій, великій любитель обличать чужія ереси, не выраженныя словомъ, а выражаемыя будто бы перстами, — зачѣмъ же ты, во образъ Святыя Троицы, единосущной и нераздѣльной, слагаешь неравныя, врозь, не по порядку стоящіе персты: *первый, четвертый и пятый?* Развѣ Сынъ *четвертое* лице, а Святый Духъ *пятое?* Гдѣ ты, дѣдушка Евсевій, научился такому аріанству?» Ты скажешь этому твоему обличителю, что у тебя и въ мысляхъ нѣтъ аріанства, что ты православно *устами* исповѣдуешь Сына Божія, — а онъ тебѣ, этотъ хитрый человѣкъ, въ отвѣтъ: «Мало ли что?! Ты словами — православенъ а дѣлы (персты) аріанинъ»... Не придирайся же, дѣдушка Евсевій, къ перстамъ: не въ перстахъ наша вѣра. Ты послушай, что̀ церковь, Христова Невѣста, проповѣдуетъ: «*возлюбимъ* другъ друга, да *единомысліемъ* исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную». «Единомысліемъ, едиными усты и единымъ сердцемъ», а не едиными пальцами... Единовѣріе церковь проповѣдуетъ, а не единообрядство. А вы, въ тоскѣ и погонѣ за единообрядствомъ, утратили единовѣріе... Надо соединиться вмѣстѣ и жить не сектами, а церковію. Такія мысли я изложилъ въ письмецѣ къ Евсевію. Если оно дошло, не знаю, что̀ подумалъ надъ нимъ старикъ.

Еще во время обѣда вернулся Евсевій съ книгами.

— Кирилловой не принесъ, — говоритъ; — нѣту дома: отдана кому-то.

Можетъ быть и дѣйствительно отдана, а можетъ быть очень «темна и непонятна» показалась старику 236 страница, потому онъ книги и не принесъ. Послѣ обѣда продолжали бесѣду.

— Читай ты, дѣдъ, самъ по Большому Катихизису о томъ, какъ надо креститься.

Было прочитано: «сложивше убо три персты десныя руки, возлагаемъ на чело» и т. д. Было дальше прочитано, что это не наши три персты, 1-й 2-й и 3-й, а старообрядческіе: 1-й, й-4 и 5-й. Но было ясно, что Большой Катихизисъ

велитъ, хоть и не нашими, но все же *тремя* перстами креститься.

— Что же это, Севирова ересь? — спрашиваю.

Но старикъ повернулъ разговоръ съ догматики на исторію и археологію.

VI.

— Скажи мнѣ, — началъ старикъ, — князь Владиміръ какъ наученъ былъ отъ грековъ креститься?

— Не знаю, — отвѣтилъ я, — какъ именно и какіе персты соединялъ князь Владиміръ; но то хорошо знаю, что онъ вѣровалъ одинаково со мной и съ тобой и во Святую Троицу и въ то, что въ единомъ лицѣ Господа нашего І. Христа нераздѣльно и несліянно соединены два естества, Божеское и человѣческое. Еще и то хорошо знаю, что князь Владиміръ не былъ безпоповщинской вѣры: онъ не былъ ни филипанинъ, ни ѳедосѣевецъ, ни даниловецъ, ни спасовецъ, ни странникъ, такъ какъ я хорошо знаю, что князь Владиміръ былъ крещенъ лицомъ священнымъ, а не мужикомъ (какъ у васъ), что онъ былъ запечатлѣнъ печатью дара Духа Святаго и, имѣя сію печать Христову, не боялся антихристовой печати и надоѣдливо не толковалъ объ ней всѣмъ и каждому (какъ толкуете вы). Знаю еще и то, что у него былъ духовникъ, который данною ему властію разрѣшалъ его отъ содѣянныхъ имъ послѣ крещенія грѣховъ (а не перекрещивалъ его вторично и третично и... десятерично мужикъ, какъ у васъ, гдѣ нѣтъ разрѣшенія отъ грѣховъ въ великомъ таинствѣ покаянія). Знаю хорошо, что православный князь Владиміръ ходилъ въ храмы, и даже самъ много ихъ построилъ (а не такъ, какъ вы, не имѣющіе ни единаго на всемъ свѣтѣ «своего православнаго» алтаря). Знаю хорошо, что хоть и постился князь Владиміръ во времена, установленныя церковію, и дѣлалъ множество дѣлъ благотворенія, но не думалъ, какъ фарисей въ евангельской притчѣ, что Богъ введетъ его въ рай за постъ и милостыню: нѣтъ, онъ считалъ себя великимъ грѣшникомъ, и когда причащался тѣла и крови Христовыхъ, то говорилъ,

какъ и я теперь и всякій православный говоритъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, *отъ нихже первый есмь азъ...»* (а не такъ, какъ вы всю свою надежду возлагаете на свои посты, молитвы и добродѣтели, и не хотите принять животворящихъ Христовыхъ таинъ во оставленіе грѣховъ). Знаю также хорошо, что Владиміръ былъ вѣнчанъ на греческой царевнѣ православнымъ священникомъ (а не такъ, какъ у безпоповцевъ живутъ мужчины съ женщинами небрачнымъ, блуднымъ житіемъ). Еще и то знаю, что Владиміра князя, когда онъ, какъ истинный христіанинъ, скончался, исповѣдовавшись и причастившись святыхъ таинъ, похоронило православное духовенство, и не въ лѣсу (не какъ у васъ). Словомъ, — я хорошо знаю, что князь Владиміръ былъ нашей, церковной, но не вашей, безпоповщинской, вѣры. Нисколько вы на него не походите, ни онъ на васъ...

Когда я упоминалъ имена разныхъ сектъ, то дѣдушка Евсевій нетерпѣливо махнулъ рукой, какъ бы въ обидѣ на меня за то, что я всѣ эти секты ставлю на одну доску, равняю съ его странничествомъ.

— Ты не считай тѣ согласія за старую вѣру, — говорилъ онъ, — они отступились отъ православія, они прямо признали себя за «раскольниковъ», когда вписались въ «раскольническія записи», — мы ихъ и за христіанъ не считаемъ...

— И перекрещиваете?

— И перекрещиваемъ...

— А они васъ перекрещиваютъ? и тоже не считаютъ за христіанъ?

Но старикъ убѣдительнѣйше просилъ не обращать вниманія на остальныя старообрядческія вѣры, которыя, къ великому его негодованію, спорятъ съ странничествомъ изъ-за титла «старой», дониконовской вѣры. Однако я просилъ Евсевія обратить вниманіе на это взаимное раздѣленіе старообрядчества.

Это отступленіе въ сторону разныхъ сектъ старообрядчества было сдѣлано по поводу моего слова, что «князь Владиміръ

не былъ ни филиппанинъ, ни ѳедосѣевецъ, ни даниловецъ, ни спасовецъ, ни странникъ». Когда я кончилъ говорить, чѣмъ святой Владиміръ былъ не похожъ на старообрядцевъ, то прибавилъ:

— А что, можетъ быть, онъ крестился и по-твоему, такъ это не дѣлаетъ его единовѣрнымъ тебѣ: вѣдь не считаешь же ты домшинскихъ единовѣрцевъ, прихожанъ о. Максима, своими по вѣрѣ, хотя даже и самъ о. Максимъ крестится двуперстно.

— Единовѣріе — ловушка, въ родѣ уніи! — возразилъ Евсевій.

Я поговорилъ нѣсколько объ Единовѣріи, и тѣмъ съ большимъ интересомъ для слушателей, что въ числѣ ихъ было нѣсколько единовѣрцевъ изъ домшинскихъ.

— Сходства, — говорилъ я, — очень мало между единовѣрцами и уніатами. Унія между православными и католиками хотѣла окатоличить православныхъ; единовѣріе же не грозитъ опасностію для православной вѣры тѣхъ, кто держится его: у насъ, у меня и у нихъ (указываю на единовѣрцевъ), одна вѣра, одна чаша святыхъ даровъ, однѣ заповѣди и порядки жизни. Я не считаю ихъ менѣе православными, нежели мы сами: мы съ ними именно одной вѣры, хотя и разнимся тѣмъ, что не одинаково персты складываемъ; ни я ихъ не гоню изъ своей церкви за ихъ двуперстіе, ни они меня за мое троеперстіе не гонятъ изъ своей. Я у нихъ не разъ бывалъ въ церкви; и въ Москвѣ въ единовѣрческой церкви бывалъ же, и въ Калугѣ, — и ни откуда не выгоняли. Не такъ поступаютъ старовѣры съ людьми не ихъ вѣры! Ты, дѣдушка, хоть бы разокъ побывалъ въ Домшинѣ да посмотрѣлъ, что̀ такое Единовѣріе...

— Но пусть ты не считаешь единовѣрцевъ единовѣрными себѣ, — продолжалъ я, — не взирая на ихъ двуперстіе, потому что считаешь ихъ отступившими въ никоніанство. А почему же твое сходство по двуперстію съ ѳедосѣевцами и филиппанами не сдѣлало тебя ни ѳедосѣевцемъ, ни филиппаномъ? Значитъ, есть между вами большая разница... Такъ же точно и тутъ: если бы и дѣйствительно крестился Влади-

міръ князь по-твоему — двуперстно, но онъ не былъ ни странникъ (значитъ не былъ твоей вѣры), ни филипанинъ, ни ѳедосѣевецъ, словомъ, не былъ «старообрядецъ»; онъ былъ церковный, православный, — вы бы назвали его даже никоніаниномъ, или по-твоему уніатомъ-единоверцемъ, только отнюдь не своимъ старовѣромъ.

— А какимъ крестомъ Владиміръ крестился, такъ ты и не знаешь? — допытывался старикъ.

— Это не важно знать; хоть, конечно, любопытно для нашего разговора. Но не въ перстосложеніи вѣра. Владиміръ былъ православный, по-нашему, а не былъ такимъ, какъ вы, — не знающимъ, гдѣ дѣлась, куда скрылась Невѣста Христова, покинувшая васъ, своихъ чадъ, на произволъ судьбы, не оставившая вамъ ни хлѣба небеснаго, ни чаши жизни, чтобы вы, христіане, вкусивъ ихъ, могли познать и видѣть, яко благъ Господь...

— А вотъ у меня книжечка, — началъ дѣдушка Евсевій, — тутъ прямо написано, что святой благовѣрный князь Владиміръ отъ грековъ, при самомъ святомъ крещеніи, былъ наученъ креститься двуперстно. Значитъ, наша правда...

VII.

Я давно уже примѣтилъ у старика между книгами книжку не въ кожаномъ переплетѣ и не толстую, какъ прочія, какія бываютъ обыкновенно у старообрядцевъ: въ своей синей бумажной оберткѣ она выдѣлялась изъ другихъ, принесенныхъ имъ книгъ. Евсевій развернулъ теперь именно ее и хотѣлъ-было читать что-то въ концѣ, — гляжу: знакомая печать «Православнаго обозрѣнія»! Тутъ я угадалъ, что̀ это за книга, — смотрю заглавіе: такъ и есть! «Патріархъ Никонъ» сочиненіе Николая Каптерева. Я хоть и читалъ, что старообрядцы жадно набросились на эту книгу, но мнѣ приходилось первый разъ видѣть ее у вологодскихъ раскольниковъ, — и у кого же? — у странника! Признаюсь, я не воображалъ, что найду ее здѣсь, въ вологодской глуши. Старикъ, примѣтивъ, съ какимъ интересомъ отнесся я къ его книжкѣ, спрашиваетъ:

— Что̀, или знакомая книжечка?

— Еще бы не знакомая! Я и сочинителя-то ея хорошо знаю. Онъ былъ моимъ учителемъ, преподавалъ древнюю гражданскую исторію.

— Должно-быть, ученъ? — спросилъ онъ.

— Стало-быть, ученъ, — отвѣтилъ я, — коли такую книгу написалъ.

Старикъ отъ удовольствія улыбался.

— А вѣдь онъ за насъ! — говоритъ.

— Не знаю, дѣдушка, какъ тебѣ сказать. Не случалось мнѣ съ нимъ разговаривать, за васъ онъ, или не за васъ. Я думаю, не за васъ, т.-е. вѣру-то вашу и то, что вы живете безъ священства, безъ таинствъ, внѣ истинной церкви Христовой, — все это, думаю, и онъ не похвалитъ. А что̀ написалъ онъ о перстосложеніи, будто при св. Владимірѣ крестились двуперстно, такъ это его мнѣніе; другіе же, можетъ и поученѣе его (Никаноръ, напримѣръ, архіепископъ Херсонскій), находятъ, что его мнѣніе совсѣмъ несправедливо.

— Все же въ этой книгѣ вашъ ученый написалъ, что при князѣ Владимірѣ крестились по нашему; а свидѣтельство отъ врагъ даже достовѣрнѣе.

— Однако онъ не написалъ, что вы, безпоповцы, держите и соблюдете вѣру князя Владиміра. Вотъ, если бы онъ такъ написалъ, тогда бы дѣйствительно былъ за васъ. А что высказалъ свое мнѣніе о двуперстіи, это неважно.

Но дѣдушка Евсевій по крайней мѣрѣ тѣмъ утѣшилъ меня, что не рѣшился прямо говорить, будто троеперстіе есть печать антихристова, — поопасался ли онъ такъ говорить, или и дѣйствительно сознаетъ нелѣпость этого ходячаго у безпоповцевъ мнѣнія, — Богъ его знаетъ! — только этой нелѣпости я отъ него дѣйствительно не слыхалъ. Но раньше его прихода, въ разговорѣ съ Семеномъ Андреевымъ, была именно рѣчь объ этомъ безпоповщинскомъ ученіи, будто троеперстіе есть печать антихриста. Я говорилъ и теперь объ удивительномъ устройствѣ этой печати: она есть, когда сложены три перста во едино, и нѣтъ ея, когда персты не сложены, —

удивительная печать! И когда эту печать положимъ, напримѣръ, на чело, не остается никакого отпечатка, такъ что все равно, приложена печать, или не приложена: запечатанныхъ этой печатью нельзя и отличить отъ незапечатанныхъ! Но что всего удивительнѣе, — говорилъ я, — вѣдь мы, которые крестимся троеперстно, вѣруемъ во Святую Троицу и что Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, пострадалъ за насъ на крестѣ и спасъ насъ отъ власти діавола; а развѣ такъ будутъ вѣровать и проповѣдывать тѣ, которые примутъ печать врага Христова?!... Казалось, что подъ вліяніемъ этихъ рѣчей предубѣжденіе противъ троеперстія смягчалось. Однако Семенъ Андреевъ замѣтилъ: нѣтъ, что ни говорите а страшно сложить правой рукой три перста! Я отвѣтилъ ему:

— Страшно потому, что наслушался еще съ малолѣтства, отъ бабушки на печи, всякихъ страховъ и вздоровъ про «щепоть»... А когда бы подумалъ хоть немного своимъ умомъ, тогда бы весь твой страхъ разсѣялся и ты безъ всякой боязни сложилъ бы три перста по моему. Ты крестись, какъ привыкъ, двуперстно; не о томъ я хлопочу, чтобы вы всѣ одинаково со мною персты слагали, а о томъ, чтобы вы не боялись тѣхъ трехъ перстовъ, какіе мы слагаемъ въ честь Святыя Троицы. Вѣдь я и самъ привыкъ не по вашему креститься, потому что меня мать-покойница, — царство ей небесное! — учила тремя перстами креститься; но могу же я и по вашему перекреститься, — глядите (крещусь двуперстно), — и не боюсь я ничего, потому что понимаю, что значеніе этихъ двухъ перстосложеній одно и тоже...

— Лѣвой сложу, — говоритъ Семенъ. И дѣйствительно, складываетъ персты лѣвой руки по нашему, но руку, по обычаю, держитъ нѣсколько на отлетѣ.

— Слушай, Семенъ! Вѣдь ваши мудрецы, наставники ваши, книжники, наговорили вамъ Богъ знаетъ чего о троеперстіи! Наговорили, что оно — печать антихристова, и ты спроста повѣрилъ имъ. Какъ же они тебѣ не растолковали, что антихристову печать никуда, — ни на правую руку, ни на лѣвую, — ровно никуда нельзя принять? Зачѣмъ же ты принялъ ее

на лѣвую руку? Или лѣвая рука у тебя не своя? Или что можно лѣвой дѣлать, того нельзя дѣлать правой? Но я думаю, что равно грѣхъ убить человѣка правой ли, лѣвой ли рукой. По твоему, должно-быть, правой нельзя, а лѣвой можно? — не грѣхъ?

— Все равно, — грѣхъ одинаковый.

— Такъ и тутъ: если правой рукой нельзя сложить три перста понашему, то нельзя же ихъ такъ сложить и лѣвой. Все равно, руки-то твои, и одинаково сложеніе перстовъ...

— Такъ, значитъ, можно и правой сложить по вашему?!

— Разумѣется, можно. По крайней мѣрѣ, я и правой слагаю персты повашему, и лѣвой. Гляди (показываю двуперстное сложеніе на обѣихъ рукахъ)! Не бойся!

И вдругъ мой Семенъ правой рукой сложилъ понашему три перста, — но сложилъ, и ужаснулся собственной смѣлости: онъ такъ изумленно посмотрѣлъ на свою руку, что мнѣ было и жалко его и забавно... Прочіе старообрядцы въ недоумѣніи смотрѣли на Семенову руку, и онъ самъ продолжалъ смотрѣть на нее, какъ на чужую, и при этомъ улыбался непередаваемой улыбкой...

— Да не бойся же, Семенъ, — говорилъ я, — не бойся! Цѣла твоя рука, какъ была прежде! Раскрой персты (раскрываетъ); вотъ такъ! Ну, вѣдь, цѣла? Ничего не случилось съ ней? Да и не могло случиться, потому что ты три нераздѣльные персты сложилъ во образъ нераздѣльной Троицы и два перста во образъ Христа, Бога и человѣка. Не бойся! Сложи еще!

Семенъ еще сложилъ персты по нашему.

— Перекрестись! — сказалъ ему кто-то изъ православныхъ, кажется, старшина, — за одно ужъ!

— Нѣтъ, Семенъ, — этого я не требую. Тебѣ трудно сразу. Но ты видѣлъ, что не случилось съ тобой никакой бѣды отъ того, что сложилъ правую руку троеперстно. Если потомъ и перекрестишься такъ, то не на вредъ себѣ, а на пользу душевную. Но сейчасъ довольно. И то, гляди, съ какимъ ужасомъ на тебя смотрятъ!...

Это первый разъ я видѣлъ на своемъ вѣку, какъ старо-

вѣръ (впрочемъ еще пока не перекрещенный Евсевіемъ) сложилъ три перста понашему. Это — герой, и я его запомню на вѣки. Тоже ему надобно было пережить не малую тревогу душевную.

VIII.

Вотъ что̀ еще было интереснаго въ бесѣдѣ съ дѣдушкой Евсевіемъ. Говорили о странничествѣ. Я, между прочимъ, сказалъ: если бы имѣлъ несчастіе быть старовѣромъ, я бы непремѣнно былъ странникомъ.

— Почему же? — полюбопытствовалъ учитель странничества.

— Не потому, чтобы это была вѣра самая старая, — она вовсе не старая, ей всего-то съ небольшимъ 100 лѣтъ, она только годовъ на 20 съ чѣмъ-нибудь постарѣе тебя, ровесница твоей матери, а то и помоложе. Всякой вашей вѣрѣ можно годы указать... «Никовіанство» (какъ вы, по невѣдѣнію о томъ, что̀ есть православіе, называете нашу истинно древле-православную вѣру) древнѣе, старѣе всѣхъ вашихъ вѣръ: и поморства, и ѳедосѣевства, и филиппапства, и странничества твоего и нѣтовства... Такъ я не потому сталъ бы «странникомъ», что будто странничество старѣе годами, чѣмъ многое множество другихъ вашихъ «старыхъ» вѣръ, — я не уйду изъ церкви уже потому одному, что вѣра наша (зовите ее по невѣдѣнію «никоніанствомъ») старѣе всѣхъ до одной вашихъ «старыхъ» вѣръ, — такъ что мы старовѣры-то, а не вы. Почему же сталъ бы я «странникомъ», если бы имѣлъ несчастіе быть въ расколѣ? Потому, что странническая вѣра толковѣе другихъ вашихъ вѣръ.

— Толковѣе?

— Да. Вы, какъ увѣровали, что пришелъ антихристъ на землю, такъ и рѣшили покончить всѣ счеты съ землей: податей не платите, въ солдаты не ходите, власти не признаете, даже на землѣ, какъ всѣ, не живете, вы совсѣмъ отшельники, «странники», у васъ нѣтъ на землѣ града... Когда я разговариваю со странникомъ, я у него все пони-

маю. Спрашиваю: почему по вашей вѣрѣ нѣтъ брака, наперекоръ церковному и Христову ученію, что онъ долженъ быть? — Антихристъ уничтожилъ истинное священство, которое одно и можетъ совершать христіанскіе браки! — отвѣчаете вы. И я понимаю вашъ отвѣтъ. Почему, спрашиваю у васъ, не причащаетесь тѣла и крови Христовыхъ, когда самъ Христосъ страшными словами завѣряетъ, что непремѣнно надобно причащаться: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ?* — Антихристъ, отвѣчаете вы, уничтожилъ тайную вечерю, которую Христосъ на вѣки для насъ учредилъ! И для меня понятенъ вашъ отвѣтъ. Почему, спрашиваю, на землѣ не живете, а подъ землей? — Потому, отвѣчаете, что на землѣ царство антихриста... Все ясно и просто. А другіе ваши старовѣры путаютъ: вѣруютъ по вашему, что теперь нѣтъ на землѣ церкви Божіей, о которой въ Евангеліи самъ Господь сказалъ: *созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей*, вѣруютъ, что, наперекоръ Христовымъ увѣреніямъ, церковь одолѣли такія страшныя будто бы ереси, какъ троеперстіе, трегубое аллилуія и проч., что ея, невѣсты Христовой, нѣтъ уже на землѣ, — а сами живутъ на землѣ, даже иные женятся и браки составляютъ, даже иные за царя молятся, помнная апостольскую заповѣдь *творити... моленія за царя и за всѣхъ, иже во власти суть...* и подати платятъ, и паспорты имѣютъ, и воинскую повинность несутъ, иные даже и крещеніе церковное пріемлютъ (нѣтовцы). Все это содержатъ, а сами толкуютъ о какомъ-то антихристѣ! Такіе безтолковые! Нѣтъ, если бы я былъ въ расколѣ, я былъ бы вашъ, дѣдушка Евсевій».

Дѣдушка Евсевій, казалось, немножко понялъ, что̀ я хотѣлъ сказать, — а я хотѣлъ именно сказать, что самая противная Евангелію вѣра — ихъ страннпческая. Онъ слушалъ молча.

— Но никогда я не стану вашимъ, — продолжалъ я, — потому что я тогда былъ бы долженъ распроститься со всѣми святыми книгами... Вѣдь вы ни Евангелію, ни Апостолу не

вѣруете. Даже и Псалтырь я долженъ былъ бы позабыть, какъ позабылъ ее ты, дѣдушка Евсевій.

— Какъ? Я позабылъ Псалтырь?! Я ее знаю! — удивился старикъ и прервалъ молчаніе...

— Словами знаешь, а дѣлы — нѣтъ. Вотъ читаешь въ 8-мъ псалмѣ: *яко узрю небеса, дѣла перстъ твоихъ, луну и звѣзды, яже ты основалъ еси...* А изъ-подъ земли, гдѣ только и можно жить по вашей вѣрѣ, какъ вы можете узрѣть небеса, солнце, луну и звѣзды? *Небеса повѣдаютъ славу Божію* (18 псаломъ). Зачѣмъ же вы скрылись отъ этой славы Божіей? Зачѣмъ вы покинули землю Божію, гдѣ людямъ Богъ повелѣлъ жить, кроетесь въ подземельяхъ, гдѣ не мѣсто людямъ? Нѣтъ, — забыли вы псалмы Давыдовы...

— Это ты насчетъ того, что мы скрытно, въ подземельяхъ живемъ?... Такъ вѣдь намъ, по нашей вѣрѣ, нельзя жить открыто: мы скрываемся отъ гоненія, бѣжимъ отъ антихриста...

— Если, по вашему, на землѣ царствуетъ антихристъ, такъ вамъ надо уходить съ земли совсѣмъ: либо на небо, либо подъ землю, но не въ землю. А вамъ на небо улетѣть не пришлось: церковь-то, по вашему, на небо улетѣла, а васъ тутъ забыла... Подъ землю провалиться — показалось, должно быть, страшно. Вотъ вы и разсудили: жить ни *на* землѣ, ни *надъ* землей, ни *подъ* землей, а *въ* землѣ, подъ поломъ... Вѣдь это почти все равно, что и на землѣ! Да и выходите же вы иногда и на землю...

— На землѣ жить нельзя по нынѣшнимъ временамъ!

— А хлѣбъ, какой *на землѣ* родится, можно ѣсть? Если вамъ жить на землѣ нельзя, то и хлѣбъ *нашъ*, земной, не смѣйте ѣсть! Сѣйте тамъ въ подвалахъ! Ты думаешь, отъ чего хлѣбъ растетъ?

— Богъ даетъ пропитаніе всякой своей твари по своему милосердію.

— Богъ даетъ!... Да кто жъ этого не знаетъ, что Богъ даетъ?! Но что̀ Богъ даетъ? Онъ далъ свѣтъ и тепло, солнце, на которое вы, забывши псалмы Давыдовы, не хотите глядѣть...

Онъ дождь даетъ. *Солнце свое сіяетъ надъ злыми и праведными, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ.* Онъ велѣлъ землѣ родить хлѣбъ... Но я видалъ: на нивѣ ничего не растетъ, кромѣ дурной травы, — а и солнце свѣтитъ надъ нею и дождь на нее падаетъ. Богъ даетъ этой нивѣ то же, что̀ и другимъ, — а нѣтъ на ней хлѣба! Почему? Потому, что хозяинъ не работалъ надъ нею... Кромѣ дождя и солнца Божьяго нуженъ еще, по заповѣди Божіей, крестьянскій потъ, крестьянскій трудъ, чтобы земля родила хлѣбъ. А вы, не трудясь, говорите только: Богъ даетъ намъ пропитаніе! Богъ далъ заповѣдь: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.* И Апостолъ прямо пишетъ: *кто не трудится, тотъ не смѣй и ѣсть!* Слышите? Не смѣй ѣсть, кто не трудится!... Васъ вотъ Евфросинья питаетъ; а вы, въ благодарность, говорите ей: все же ты погибнешь, потому что на землѣ живешь, землю работаешь и подати царю платишь, — антихристу служишь. Но если бы всѣ приняли вашу вѣру, тогда бы и міръ весь прекратился: кто бы тогда кормилъ и дармоѣдовъ? Скажешь: Богъ? Но Онъ велитъ трудиться. Такъ всѣ и померли бы съ голода... Да еще отъ вашего «монашества», если бы всѣ увѣровали въ вашу вѣру, перевелся бы и родъ человѣческій. Какія у васъ дѣти, если вы исполняете свою богопротивную вѣру, что грѣхъ жениться?.. И выходитъ, что ваша вѣра дала бы погибель человѣческому роду... Хороша вѣра, нечего сказать!

IX.

Была рѣчь и о записи въ ревизію. Евсевій говорилъ:

— Ревизія — дѣло гордости. Ты знаешь, чѣмъ Давыдъ царь наказанъ былъ за всенародное исчисленіе? Седмьдесятъ тысячъ мужей умерли отъ язвы въ наказаніе за грѣхъ Давыдовъ (2 Царствъ, гл. 24). Вотъ что такое ревизія ваша!

— Постой, — говорю, — не смѣшивай понятій. Царь Давыдъ наказанъ былъ за *гордость.* Не *исчисленіе* (не ревизія), а гордость Давыдова причинила такое горе народу Израилеву. У насъ же ревизія дѣлается не изъ гордости, а изъ-за

нужды — знать, сколько народа живетъ въ государствѣ, для болѣе безошибочной и правильной раскладки государственныхъ повинностей. Да и какая гордость, если пастухъ держитъ всѣхъ овецъ на счету, или если садовникъ старается знать, сколько у него въ саду деревъ? Нѣтъ никакой гордости и въ томъ, если царь желаетъ знать, сколькоу него народа.

— Нѣтъ, все-таки это гордость!

— Да вѣдь не твоя же гордость, ужъ если тебѣ непремѣнно хочется вездѣ отыскивать грѣхи! Твоя обязанность — повиноваться не только благому, но и строптивому господину. И если по твоему грѣшитъ тотъ, кто производитъ ревизію, то и тотъ грѣшитъ, кто изъ неповиновенія не хочетъ вписываться въ ревизію.

— Нѣтъ, я не грѣшу, — отвѣтилъ онъ; ненадо слушаться «беззаконнаго велѣнія»...

Тогда я взялъ Евангеліе, открылъ 2-ю главу Евангелиста Луки, и говорю: читай!

Читаетъ: *Бысть же во дни тыя изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную* (Лук. гл. 2, зач. 5).

— Понимаешь? Кесарь (цесарь — царь) Августъ велѣлъ всю вселенную переписать. Ревизія всенародная, — грѣхъ, по вашему. Читай же дальше.

Читаетъ: *Сіе написаніе первое бысть, владящу Сиріею Киринію. И идяху вси написатися, кождо во свой градъ.*

— Вотъ, — говорю, — не по вашему разсуждали, не толковали, что грѣхъ царское повелѣніе исполнять, а всѣ пошли записываться въ ревизію. Читай еще дальше.

— *Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи изъ града Назарета во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею, обрученною ему женою, сущею непраздною. Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей, и роди сына своего первенца...*

— Понялъ? И Христосъ, едва только родился, записанъ въ ревизію! А вы не записываетесь, — грѣхомъ считаете записаться въ ревизію...

— Да вѣдь Христосъ Спаситель для чего въ ревизію былъ вписанъ? — возразилъ Евсевій. Для того, чтобы безсомнѣнно было, что онъ былъ истинный человѣкъ, а не казался только такимъ...

— Ну, а Іосифъ-то съ Богородицей для чего записались?

Старикъ ничего не отвѣтилъ на это.

На прощаньи я подарилъ Евсевію свои записки (печатный оттискъ). Онъ принялъ, — книгъ онъ не дичится. Кажется, положилъ мои листки въ книгу Н. Ѳ. Каптерева. Мы простились до слѣдующаго свиданія.

X.

По окончаніи бесѣды съ Евсевіемъ меня позвалъ мужичокъ Василій Ѳедоровъ къ себѣ, подъ яблони въ саду пить чай. Гостей у него было много: пили чай и угощались виномъ. Большого труда мнѣ стоило отговориться отъ виннаго угощенья. И тутъ я увидѣлъ, какъ трудно сельскому священнику въ подобныхъ приходахъ, гдѣ народъ гостепріименъ, отказываться отъ угощеній. А бѣда, если выпьешь рюмку: упросятъ, умолятъ, на колѣнки станутъ, чтобы выпилъ еще и еще... Единственное спасеніе — не пить совсѣмъ, или же, по крайней мѣрѣ, не пить никогда въ приходѣ. И это вовсе не изъ лицемѣрія, не утверждая даже, что-де вовсе не пью. По крайней мѣрѣ, я сказалъ прямо, что хоть и пью, когда чувствую нужду и потребность, но теперь у васъ пить не стану, потому что у меня такое правило, — и они отстали, потуживъ о моемъ упрямствѣ.

И вотъ тутъ-то, за угощеніемъ, я началъ говорить, по Апостолу, о пьянствѣ. Слушали, умилялись, и говорили: да гдѣ же намъ такъ-то жить?!

— Какъ гдѣ? Да здѣсь же, говорю, въ Вахрушевѣ и живите потрезвѣе. Вотъ бы Евсевій побольше вамъ проповѣдывалъ о пагубности пьянства. А то онъ толкуетъ, что кто не крестился двумя перстами, тотъ будто бы не попадетъ въ рай! Я ему и совѣтовалъ прекратить рѣчи о пальцахъ, — не за пальцы рай, и не за пальцы же адъ, — а учить, что-

бы больше слушали Апостола, который говоритъ: *не льстите себя: ни пьяницы, ни блудники, ни прелюбодѣи, ни воры, ни разбойники, не наслѣдятъ царства небеснаго.* А онъ мнѣ отвѣтилъ: вино пить не грѣхъ, потому что нигдѣ запрета на него нѣтъ... Кто же этого не знаетъ?! Не о винѣ и толкъ, а о пьянствѣ. Ни въ какой вѣрѣ пьянствовать нельзя, — пьянство вездѣ грѣхъ, и очень большой... Вы сами говорите, что запутались, — не знаете, какой вѣры. Помните, на Святой недѣлѣ поютъ: *очистимъ чувствія?..* Надо вамъ очистить свои чувствія, тогда и узрите Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, узрите и святую церковь Его и истинную вѣру.

Многіе изъ вахрушевскихъ жителей, когда у нихъ спрашиваешь, какой они вѣры, не знаютъ, дѣйствительно, что сказать: такъ у нихъ перепутались понятія. Нѣкоторые тутъ же, за чаемъ, говорили мнѣ, что хотятъ перекреститься вновь.

— Да развѣ ты не крещенъ? — спрашиваю у одного -ом лодого парня лѣтъ 20.

— Нѣтъ, я крещенъ; но только въ церкви. А у насъ говорятъ, что церковное крещеніе нѣсть крещеніе, а паче оскверненіе. Вотъ дѣдушка Евсевій меня перекреститъ: тогда уже я буду христіанинъ вполнѣ. А теперь я въ родѣ оглашеннаго.

— Да чѣмъ же наше крещеніе не крещеніе? Вѣдь мы, священники, крестимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по заповѣди Спасителя, и трижды погружаемъ младенца въ воду, по древнему церковному преданію: чѣмъ же наше крещеніе не истинно?

— Дѣдушка Евсевій говоритъ, что надо ходить вкругъ купели посолонь, а у васъ ходятъ противъ солнца.

— Значитъ, въ нашемъ крещеніи тотъ недостатокъ, что мы ходимъ не посолонь? И значитъ, дѣдушка Евсевій исправитъ его? — будетъ ходить посолонь, когда тебя снова станутъ перекрещивать?

— Не знаю, — отвѣчаетъ.

— Да онъ какъ, — въ чемъ тебя будетъ крестить?

— Въ рѣкѣ! — отвѣтили за него.

— Въ рѣкѣ?! Такъ какъ же онъ вкругъ рѣки будетъ ходить посолонь? Неудобно!

— Да если, — говорятъ, — и въ чану крестятъ, тоже не ходятъ вокругъ.

— Не ходятъ, ни по солнышку, ни противъ солнышка?

— Никакъ. Наставники наши говорятъ, что они не дерзаютъ этого дѣлать, потому что ходить вокругъ купели есть дѣло священника, и мірянинъ, крещающій по нуждѣ, не можетъ восхищать недарованнаго ему.

— Не будетъ ходить по солнышку?! Значитъ, то, что̀ было по вашему мнѣнію, худаго въ нашемъ крещеніи, именно, что не по солнцу хожено вокругъ купели, такъ и останется, и дѣдушка Евсевій не поправитъ этой бѣды? Зачѣмъ же онъ креститъ снова, да еще не будучи священникомъ? По вашему, худо, когда ходятъ вокругъ купели не посолонь; а никакъ не ходить вокругъ купели развѣ лучше? Въ вашемъ крещеніи не перечислишь опущеній!

На этой же чайной бесѣдѣ одинъ изъ собесѣдниковъ, Игнатій Григорьевъ, спрашиваетъ меня:

— Зачѣмъ ты, отецъ Иванъ, вчера въ церкви часто говорилъ о насъ и объ вахрушевской вѣрѣ? Гдѣ это объ насъ писано?

— Нигдѣ объ васъ не писано. Да вѣдь я говорилъ съ вами и объ васъ: какъ же мнѣ было не называть васъ по имени? Я хотѣлъ, чтобы вы все поняли, потому такъ и говорилъ.

Этотъ Игнатій тоже все толкуетъ о второмъ крещеніи и о погребеніи въ лѣсу, гдѣ деревья растутъ, гдѣ птицы поютъ... Онъ же однажды сказалъ мнѣ:

— Удивительный ты, батюшка, священникъ! Ѣздишь ты повсюду, учишь насъ безтолковыхъ людей, и все-то у тебя хорошо: и это (показываетъ правой рукой двуперстіе), и это (лѣвой — троеперстіе), и это!! (онъ очень некрасиво показалъ именословное перстосложеніе, какимъ священники благословляютъ).

— Да развѣ это плохо? (Я сложилъ персты постарообрядчески).

— Это-то хорошо! А вотъ это-то? (показываетъ троеперстіе).

И я сталъ разъяснять ему разные виды перстосложенія, и разъяснилъ, казалось.

— Такъ сколько же у тебя крестовъ? – удивился онъ.

Я разъяснилъ ему различіе между крестомъ и перстосложеніемъ для крестнаго знаменія. А что въ разныхъ видахъ перстосложенія проповѣдуется единая православная вѣра, это, къ сожалѣнію, не дается понять не только Игнатію и другимъ старообрядцамъ, а и многимъ православнымъ...

XI.

Опять въ Домшинѣ и Дьяконицѣ.

Къ Ильину дню я пріѣхалъ опять въ Домшино, гдѣ въ этотъ праздникъ бываетъ крестный ходъ вокругъ села. Обѣдню служили втроемъ: я, о. Іаковъ и единовѣрческій священникъ о. Максимъ. Народу за службой было не мало; однако не такъ много, какъ я предполагалъ. Весь народъ очень интересовался тѣмъ, — по солнышку ли, какъ у нихъ прежде дѣлалось, или противъ солнца пойдетъ о. Іаковъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ села. Почему-то въ народѣ ходилъ слухъ, что новый священникъ (о. Іаковъ первый годъ въ Домшинѣ) не пойдетъ посолонь, и это приводило многихъ въ раздумье, а иные прямо говорили: какъ это можно идти не по обычаю прежнихъ лѣтъ?! Я спросилъ у о. Іакова: какъ онъ намѣренъ идти, — посолонь, или не посолонь? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что спрашивалъ объ этомъ у преосвященнаго, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что въ крестныхъ ходахъ вокругъ селеній и полей, которые совершаются собственно по желанію народа, можно уважить единодушную народную просьбу и идти посолонь. Это подсказало мнѣ предметъ для проповѣди. Я говорилъ именно о крестномъ круговомъ хожденіи, начавъ такъ: «Сегодня у васъ крестный ходъ вокругъ села. Я слышалъ ваши любопытные вопросы: какъ пойдутъ съ иконами, — по солнышку, или нѣтъ? Успокойтесь! Батюшка говоритъ, что онъ пойдетъ съ иконами по солнышку».

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, ваше благословеніе! — послышались отвѣтные голоса изъ народа.

— Это, говорю, преосвященный благословилъ ходить у васъ съ крестнымъ ходомъ по солнышку, согласно вашему желанію.

— Очень благодарны. А мы-было забоялись, — слышали, что не хочетъ о. Іаковъ ходить, какъ намъ любо.

Можно по этимъ словамъ судить, насколько важенъ представляется прихожанамъ села Домшина (и Домшина ли только?) вопросъ о посолонномъ хожденіи. И кто знаетъ, что̀ было бы, если бы о. Іаковъ совершилъ крестный ходъ противъ солнца? Пожалуй, иныя овцы его стада почувствовали бы расположеніе къ расколу, а то и совсѣмъ ушли бы въ расколъ. И во всякомъ случаѣ, была ли надобность измѣнять давнее обыкновеніе, къ которому привыкъ народъ, оставаясь при этомъ обыкновеніи вѣрнымъ церкви? Бумага, буква устава все стерпитъ; а человѣкъ уйдетъ въ расколъ... И не человѣкъ ради устава, а уставъ человѣка ради...

«Напрасно боялись, — отвѣтилъ я. Священникъ не нарушитъ вашихъ порядковъ, если въ нихъ нѣтъ ничего худого. Худое онъ долженъ уничтожать и замѣнять хорошимъ, а въ чемъ нѣтъ худого, то останется по старому». Затѣмъ я сталъ разъяснять смыслъ обряда кругохожденія (какъ въ деревнѣ Губинѣ 23 апрѣля).

Послѣ обѣдни былъ водосвятный молебенъ на улицѣ передъ церковной оградой, и потомъ пошли въ крестный ходъ.

Пообѣдавъ, я поѣхалъ въ Дьяконицу. Тамъ бываетъ въ Ильинъ день тоже общественный молебенъ съ водосвятіемъ. Выѣзжая изъ Домшина, я полагалъ, что все это уже кончено въ Дья́коницѣ; но оказалось, что тамъ еще и иконъ не принесли, — на встрѣчу намъ попадались шедшіе за иконами. Пріѣхалъ я прямо къ дѣдушкѣ Дугану, моему пріятелю, который даже въ Вологдѣ бывалъ у меня. Славный, благодушный старикъ. Тоскуетъ бѣдный, что жена у него староверка; но надѣется, что Богъ поможетъ ему обратить ее къ церкви.

Въ ожиданіи крестнаго хода я и здѣсь говорилъ о хожденіи по солнцу и противъ солнца почти то же, что̀ въ церкви

за обѣдней. Когда шла рѣчь о томъ, какъ Марія Магдалина и другія муроносицы вышли на восходъ солнца и встрѣтили Христа, Солнце правды, возсіявшее намъ изъ гроба, и я сдѣлалъ сопоставленіе, что такъ и церковь — невѣста Христова — не боится идти на встрѣчу, не этому на небѣ сіяющему солнцу, а Христу, своему жениху, то меня просили раза два повторить о муроносицахъ: очевидно, эта рѣчь имъ понравилась. Такимъ образомъ я старался разсѣять одно изъ сильныхъ и застарѣлыхъ предубѣжденій противъ нашей церкви: зачѣмъ она ходитъ противъ солнца въ своихъ круговыхъ хожденіяхъ (вокругъ купели, вокругъ храма, вокругъ селеній и городовъ). Бесѣда продолжалась около часа, пока не начали молебенъ. Пѣли по единовѣрческому обычаю почти всѣ, и очень дружно и одушевленно. Послѣ молебна я продолжалъ бесѣдовать, и пробесѣдовалъ довольно долго, пока народъ не разошелся весь по домамъ. Интереснаго въ этой бесѣдѣ было вотъ что. Принесли Книгу о вѣрѣ, и одинъ мужичокъ сталъ читать изъ 30-й главы мѣсто, гдѣ говорится о смѣшеніи божеской и человѣческой власти воедино, какъ признакѣ послѣднихъ временъ и наступленія царства антихриста. Это смѣшеніе старовѣры (нѣкоторые) усматриваютъ въ теперешней царской власти, которая будто бы со временъ императора Петра совмѣстила въ себѣ и высшую іерархическую власть, т.-е. царь нашъ будто бы сталъ и патріархомъ. Я объяснилъ народу, что царь не принадлежитъ къ церковной іерархіи и никакихъ дѣйствій ни архіерейскихъ, ни священническихъ, ни даже діаконскихъ не совершаетъ, но наряду со всѣми мірянами есть сынъ церкви, только первый сынъ и покровитель, заботящійся объ ея благосостояніи и благоустройствѣ. Бесѣду я велъ въ пустомъ сараѣ дѣдушки Дугана. Народъ слушалъ хорошо; жалѣлъ только объ одномъ, что Егоръ Романовъ, здѣшній наставникъ Спасова согласія, не пришелъ на бесѣду, хотя, разумѣется, зналъ о ней. Когда (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) я былъ у него въ домѣ, онъ мало бесѣдовалъ, все торопился сѣять горохъ: некогда было, время рабочее. Теперь же былъ праздникъ, время гулевое, — а онъ все же не пришелъ. Я высказалъ предположеніе, что, можетъ

быть, онъ отъ того не идетъ, что у него гости; но мнѣ отвѣтили, что все равно онъ не пошелъ бы на бесѣду, если бы у него и не было гостей, потому что онъ говорилъ, что безъ Харлама и Авва́кума онъ не станетъ бесѣдовать. Про этихъ двухъ старовѣрческихъ учителей я не первый разъ слышалъ. Ихъ хотятъ раскольники откуда-то выписать нарочно для бесѣды со мной, и меня просили точно повѣстить въ деревню Дьяконицу, когда именно я пріѣду туда еще, чтобы къ тому времени вызвать Харлама и Аввакума.

Ночевалъ я у дѣдушки Дугана. Утромъ, когда собрался уходить отъ него, явилась одна женщина по имени Устинья, — овца изъ стада Егора Романова. Она сказала мнѣ: «Я нарочно пришла, чтобы посмотрѣть на тебя, батюшка... Что же? ты ничему худому не учишь, — чего же они не идутъ къ тебѣ на бесѣду, да и намъ не велятъ»?! — Она говорила, очевидно, о своихъ наставникахъ.

XII.

Въ Грязовецкомъ уѣздѣ.

27 іюля былъ я въ селѣ Баклановкѣ, отстоящемъ верстъ на семь отъ села Спасъ на Сеньгѣ, куда на 29-е число обѣщалъ прибыть для служенія преосвященный Израиль и гдѣ, по его приказанію, я долженъ былъ его встрѣтить.

Въ Баклановскомъ приходѣ есть нѣсколько старовѣровъ. Объ одномъ изъ нихъ вотъ что̀ мнѣ разсказывалъ мѣстный священникъ:

«Одинъ прихожанинъ мой ушелъ въ расколъ. Былъ прежде хорошимъ прихожаниномъ, ко мнѣ относился со всѣмъ уваженіемъ; когда бывалъ я въ его деревнѣ, часто приглашалъ меня къ себѣ. Понятно, что съ переходомъ его въ расколъ, отношенія его ко мнѣ перемѣнились: онъ сталъ меня обѣгать, дворъ оказывался всегда запертымъ, когда я пріѣзжалъ въ его деревню. Но однажды я случайно встрѣтилъ его въ одномъ домѣ. Уйти ему было неловко, — остался. Я и говорю ему: «А вѣдь мы съ тобой были пріятели, — ты бывалъ у меня

въ домѣ, и я у тебя бывалъ. И въ церковь Божію ты часто хаживалъ. Напрасно ты отошелъ отъ насъ...» Онъ былъ смущенъ, нѣсколько позамялся и говоритъ: «я и самъ тужу, что разлучился съ вами, да что же дѣлать? — намъ святые отцы повелѣваютъ отходить отъ васъ». Какіе святые отцы? удивился я. Да вотъ, отвѣчаетъ, Златоустъ прямо пишетъ: «аще зазриши своего духовника... избери себѣ мужа духовна...» Вотъ видишь ли? прямо сказано: «аще зазриши...» А мы зазираемъ вашихъ священниковъ, — они вино пьютъ, табакъ курятъ... Вотъ мы и отбѣгаемъ, по Златоусту». — Да вѣдь Златоустъ, — говорю я, — велитъ избирать себѣ мужа *духовна*, а ты выбралъ себѣ мужика простого, а не духовнаго...» т.-е. я употребилъ слово *духовный* въ обычномъ, разговорномъ смыслѣ. А потомъ, переходя къ настоящему его смыслу, прибавилъ: «ну, положимъ, я по твоему, не духовенъ; но скажи пожалуйста, — тотъ, къ кому ты перешелъ, духовенъ ли»? Тутъ мой обличитель схватилъ шапку и убѣжалъ... Дѣло въ томъ, что старовѣрческій наставникъ и отецъ, къ которому подъ руководство перешелъ этотъ мой бывшій прихожанинъ, порядочно испиваетъ и дня за два передъ этимъ нашимъ разговоромъ его по всему Грязовцу въ ярмарочный день тащили мертвецки пьянаго... Потому-то и убѣжалъ со стыда за своего *духовнаго* учителя этотъ мужичокъ, заведшій рѣчь о недуховности пастырей великороссійской церкви».

Я нарочно записалъ этотъ разсказъ священника. Онъ очень характеренъ. Случай, здѣсь разсказанный, не рѣдкость. Вездѣ раскольники любятъ хвалиться своею духовностію и, не замѣчая бревна въ своемъ глазу, усматривать въ чужомъ сучки.

По совѣту Баклановскаго священника ѣздилъ я въ д. Отметниково, его прихода, познакомиться съ однимъ мужикомъ. Зовутъ его Филиппъ Осиповъ Васановъ. Онъ любопытенъ тѣмъ, что въ продолженіе 10 лѣтъ находился въ сильномъ колебаніи между церковію и расколомъ. Не переходя ни въ какую вѣру, онъ изслѣдовалъ ихъ одна за другою; знакомился съ знаменитыми наставниками, въ родѣ Аввакума

(нѣтовца) и Никиты Семенова (странника), — и кончилъ тѣмъ, что окончательно прикрѣпился къ церкви, за которую теперь и ратуетъ, по мѣрѣ силъ своихъ, но со всѣмъ усердіемъ. У него довольно нужныхъ для дѣла книгъ. Я съ интересомъ посидѣлъ у него. Пили чай съ медомъ изъ собственныхъ его ульевъ, — онъ зажиточный, какъ видно, мужикъ.

Во время разговора нашего Филиппъ Осиповъ между прочимъ спрашивалъ меня: «можно ли причащаться и исповѣдываться у священника, не соблюдающаго постовъ?» Я, на основаніи словъ: *не судите, да не судими будете,* и: *ты кто еси, судяй чуждему рабу,* говорилъ, что не наше дѣло разсматривать, какова жизнь священника, — онъ самъ дастъ отвѣтъ за свои грѣхи и соблазны, — что *грѣшный* священникъ, все же священникъ и, значитъ, имѣетъ право совершать таинства. Не останавливаетъ благодати Божіей наше недостоинство. Велѣлъ прочесть объ этомъ въ Благовѣстномъ Евангеліи, въ толкованіи на 65 зач. Іоанна.

Васановъ сказалъ, что онъ и самъ такъ же думаетъ о недостоинствѣ священника. Но вотъ, говоритъ, въ Номоканонѣ, въ правилѣ 214 напечатано (читаетъ по книгѣ это правило): «Цареградскій же патріархъ Никифоръ въ пятомъ своемъ правилѣ глаголетъ, яко отъ священника, не постящагося среду и пятокъ, недостоитъ причастится, ибо отчасти благочествовати, а отчасти нечествовати безмѣстно».

Я сталъ разъяснять, что этого быть не можетъ, чтобы грѣхъ непощенія со стороны священника въ каноническихъ правилахъ церкви считался препятствіемъ къ принятію отъ него причастія. Если есть такое правило, то оно идетъ въ разрѣзъ со всѣми другими, утверждающими ясно и рѣшительно, что священникъ, какъ бы ни былъ онъ грѣшенъ, считается и есть священникъ до законнаго изверженія его изъ сана. «Посмотри, говорю, Кормчую: такъ ли, согласно ли съ Номоканономъ, читается это пятое правило Никифора Цареградскаго?» — Стали читать пятое правило Никифора Цареградскаго по Кормчей, — тамъ въ пятомъ правилѣ совсѣмъ нѣтъ и помину о нарушеніи священниками постовъ. Правило толкуетъ о постриженіи въ монастыряхъ въ чтецы и иподіаконы.

— А какже въ Номоканонѣ оно читается совсѣмъ не такъ? — спрашиваетъ Васановъ.

— Значитъ, говорю, въ Номоканонѣ ошибка.

— Ошибка?!...

— Да ошибка, все равно, какъ ошибка же есть и въ Стоглавѣ, въ главѣ 40-й о брадобритіи. Тамъ сказано: «Правило святыхъ Апостолъ сице глаголетъ: «Аще кто браду брѣетъ и преставится тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сороко̀устія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести. Съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо е навыкоша». Но прочти ты хоть сто разъ апостольскія правила, не найдешь въ нихъ ни одного слова о брадобритіи. Явно, что въ Стоглавѣ сдѣлано ошибочное указаніе на несуществующее апостольское правило. Такая же ошибка и въ Номоканонѣ. А старовѣры все кричатъ еще, что старопечатныя книги рѣшительно не нуждались ни въ какихъ исправленіяхъ.

XIII.

29-го числа въ селѣ Спасъ на Сеньгѣ я служилъ раннюю обѣдню и послѣ обѣдни бесѣдовалъ съ народомъ о разныхъ предметахъ, о которыхъ любятъ толковать старовѣры (ихъ довольно въ этомъ двупричтовомъ приходѣ). Бесѣда началась съ разъясненія, что̀ такое миссіонеръ? Я говорилъ, что миссіонеръ есть мировой посредникъ между церковными (православными) и старовѣрами (раскольниками). Многіе изъ старовѣровъ нейдутъ къ намъ въ церковь потому, что воображаютъ, будто въ ней собраны и проповѣдуются разныя ереси; многіе и изъ церковныхъ думаютъ, что у старовѣровъ нѣтъ ничего рѣшительно хорошаго. Миссіонеръ долженъ разсудить эти двѣ стороны, разобрать ихъ взаимныя другъ на друга обвиненія, разъяснить обоюдныя недоумѣнія и, если поможетъ Богъ, соединить въ одну семью раздѣлившихся братьевъ, чтобы они едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли Господа....

Пріѣхалъ преосвященный. Его встрѣчали «со славой», — и я встрѣчалъ. Встрѣтивъ, я вышелъ изъ церкви отдохнуть: но

меня обступили мужики, и мы продолжали бесѣду въ оградѣ (на монастырѣ, какъ здѣсь говорятъ). Я между прочимъ объяснялъ народу, что и въ старопечатныхъ книгахъ есть то, за что̀ насъ несправедливо обвиняютъ старовѣры, есть и *Іисусъ* и «Вѣрую» безъ слова *истиннаго* (въ 8-мъ членѣ) и «Христосъ воскресе по нашему».

— Быть этого не можетъ! Тамъ все по нашему! — воскликнулъ не то въ изумленіи, не то въ огорченіи, не то въ раздраженіи одинъ мужичокъ изъ филипановъ по имени Иванъ.

Были принесены книги старопечатныя и указано въ нихъ, что̀ слѣдуетъ. Иванъ изумился и долженъ былъ умолкнуть.

За этими разговорами я едва не опоздалъ къ проповѣди.

Послѣ обѣдни ко мнѣ подошла въ церкви одна женщина, уже пожилая, и спрашивала, какими перстами ей креститься.

— Родители, говоритъ, научили меня креститься тремя перстами, а теперь старовѣры смѣются надо мной, — толкуютъ, что это щепоть, что такъ нехорошо креститься, что даже, — страшно и сказать, — будто бы это печать антихриста. Какъ мнѣ быть?

Я отвѣтилъ ей, что изъ-за насмѣшекъ старовѣровъ не надобно перемѣнять перстосложеніе. Они смѣются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ и надъ чѣмъ великій грѣхъ смѣяться. Три перста складывали на молитву твои родители, и тебя научили такъ складывать, въ честь Святой Троицы: какъ же возможно надъ этимъ смѣяться? Нѣтъ, ты молись, какъ научили тебя родители, а на безумныя насмѣшки раскольниковъ не обращай вниманія. Если же ты, побоявшись ихъ насмѣшекъ, въ одномъ имъ сдѣлаешь уступку, то они обрадуются этому и пойдутъ еще дальше, — станутъ говорить тебѣ: разведись съ мужемъ (потому что, по ихъ вѣрѣ, и жить съ мужемъ грѣхъ), не исповѣдуйся передъ отцемъ духовнымъ, не причащайся тѣла и крови Христовой .. Вотъ они смѣются надъ тобой, что ты слушаешь родителей, по ихъ примѣру складываешь персты для молитвы, ходишь въ церковь, исповѣдуешся и причащаешся. А ты спроси у любого изъ нихъ: почему ты

крестишься двумя перстами? — отвѣтитъ: такъ благословили родители! Самъ слушаетъ своихъ родителей; а надъ тобой смѣется, что ты своихъ родителей слушаешь. Имъ можно слушать своихъ родителей, а намъ нельзя!»

Этотъ разговоръ слышали и другіе; стали спрашивать: а какъ по книгамъ надобно складывать персты? И я растолковалъ, что въ старыхъ книгахъ различно говорится о сложеніи перстовъ.

Встрѣчать преосвященнаго пріѣзжалъ старшина Жерноковской волости. Онъ звалъ меня въ свой Флоровскій приходъ: «у насъ, говоритъ, старовѣровъ очень много». И прихожане Спасскіе говорили, что ихъ старовѣры — только ученики флоровскихъ и корень старовѣрья по Грязовецкому уѣзду именно приходъ флоролаврскій. Я обѣщалъ старшинѣ побывать и у нихъ, если Богъ дастъ здоровья, и побесѣдовать съ ихъ наставниками.

30 іюля ѣздилъ я со священникомъ Побережскаго прихода. о. Александромъ Якубовымъ, въ деревню Аксеново. Деревня большая (дворовъ 60). На улицѣ, возлѣ часовни, мы нашли много народа, — знали, что поѣдетъ черезъ ихъ деревню архіерей и вышли встрѣчать его. При мнѣ встрѣчали владыку. Его попросили освятить зерна на посѣвъ. Онъ благословилъ хлѣбъ-соль, окропилъ святой водой зерна, вошелъ въ часовню и осмотрѣлъ ее; раздавалъ дѣтямъ крестики и умѣющимъ читать — листки религіознаго и нравственнаго содержанія. Бесѣдуя съ народомъ, онъ спросилъ между прочимъ: есть ли раскольники въ вашей деревнѣ?

— Нѣтъ! — отвѣтили нѣсколько голосовъ.

— Нисколько нѣтъ? — переспросилъ владыка.

— Человѣка три есть, а то вся деревня православная.

Преосвященный выразилъ сожалѣніе, что все же есть раскольники, и совѣтовалъ беречься ихъ, потому что расколъ великое зло. Вотъ, прибавилъ онъ, я оставлю вамъ этого батюшку (указываетъ на меня); онъ побесѣдуетъ и съ вами и вашими старовѣрами.

Я открылъ бесѣду, стоя на крыльцѣ часовни. Народъ остался

слушать, не смотря на то, что день былъ рабочій, — возили снопы. Когда я показалъ въ Тріоди патріарха Іова, что «Христосъ воскресе» напечатано по нашему, то многіе воскликнули: «какъ такъ! они говорятъ, что въ старину не пѣли, какъ въ нашей церкви; а вотъ въ древней книгѣ «Христосъ воскресе» напечатано по нашему!» Я показалъ книгу всѣмъ грамотнымъ изъ моихъ слушателей. Запомнилась одна женщина изъ православныхъ — Марья, порядочно начитанная. Она съ большимъ вниманіемъ разсматривала книгу и вообще старалась запомнить, что̀ говорилось въ защиту нашей церкви.

— Вотъ, какъ же вѣрить имъ, что у насъ все перепорчено? — сказалъ я. Если у васъ зайдетъ со старовѣрами толкъ о стихѣ «Христосъ воскресе», такъ вы скажите имъ: сами видѣли, что и въ древнихъ книгахъ есть *по нашему*!

— Что бы ихъ сюда привести! — сказало нѣсколько мужиковъ. Батюшка, распорядитесь ихъ сюда призвать.

— Сходите, позовите.

— Нѣтъ, — сказалъ одинъ мужикъ, — Иванъ Евсевьевъ не пойдетъ.

— Этотъ Иванъ Евсевьевъ — старовѣръ?

— Да.

— Не пойдетъ, — ненадо.

Я сталъ говорить о Сѵмволѣ. Опять, когда показалъ народу въ старой книгѣ Сѵмволъ безъ слова *истиннаго*, заговорили: «нѣтъ, надо позвать ихъ! что̀ они скажутъ противъ старинной книги? Десятскій, сходи!»

Десятскій подошелъ ко мнѣ: сходить прикажете?

— Просятъ мужики, — надо сходить.

— Да онъ не пойдетъ...

— Не пойдетъ, такъ ты силкомъ не тяни. Да растолкуй ему, что его не требуютъ, а зовутъ для мирной бесѣды. Вѣдь онъ у васъ проповѣдуетъ новую вѣру!

— Вотъ это вѣрно, что новую: вѣдь онъ въ апрѣлѣ только и самъ отсталъ отъ церкви; гдѣ-то досталъ себѣ какихъ-то своихъ поповъ. Онъ не безпоповецъ, не филипанъ, не спасовецъ, — онъ *австріякъ* какъ-то приходится.

Иванъ Евсевьевъ поповецъ — противуокружникъ; попъ у него гдѣ-то въ Костромской губерніи.

Десятскій пошелъ, а мы продолжали бесѣду. Я говорилъ объ имени *Іисусъ* (и книги показывалъ старинныя, гдѣ *и*, страшное для старообрядцевъ. въ этомъ имени есть); потомъ перешелъ къ объясненію того, что перемѣны въ книгахъ новыхъ сравнительно со старыми не касаются вѣры, а только словъ и выраженій. Иванъ Евсевьевъ пришелъ, когда мы сличали «Отче нашъ» по Евангелію отъ Матѳея и по Евангелію отъ Луки. Я обратился къ нему:

— Вотъ вы, старовѣры, говорите: аще кто прибавитъ, или убавитъ хоть одну букву, анаѳема да будетъ; а мы видимъ, что у одного Евангелиста очень много такихъ буквенныхъ перемѣнъ, прибавленій и убавленій противъ другого. Разсуждать по вашему, подъ анаѳему подпадетъ не одинъ патріархъ Никонъ, а и Евангелистъ Лука...

— Евангелисты — другое дѣло! отвѣтилъ Иванъ Евсевьевъ. Они могли измѣнять одинъ противъ другого. То было до соборовъ; теперь же, послѣ вселенскихъ соборовъ, уже нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

— Невѣрно говоришь. Книги: Тріодь, Октоихъ, Четьи-минеи и многія другія книги составлены и написаны послѣ вселенскихъ соборовъ. Прочитай объ этомъ въ Книгѣ о вѣрѣ (гл. 16).

Иванъ Евсевьевъ, однако, объ этомъ не сталъ разсуждать; онъ потребовалъ, чтобы говорить о перстосложеніи, потому что «перстосложеніе — главное самое».

Я ему сказалъ: до перстосложенія дойдетъ рѣчь; теперь же мы толкуемъ, что̀ значитъ слово: «аще кто прибавитъ, или убавитъ, анаѳема да будетъ». Но Иванъ Евсевьевъ стоялъ на своемъ. Я обратился къ народу: «судите, правильно ли такъ поступать: пришелъ на бесѣду послѣ всѣхъ, а хочетъ, чтобы мы бросили, что̀ начали, а заговорили бы, о чемъ ему желательно»!

— Что же ты! пришелъ въ чужой монастырь, да съ своимъ уставомъ! Надо приставать къ разговору, а не переби-

вать его. Вѣдь онъ же сказалъ тебѣ, что о перстосложеніи будетъ рѣчь. Подожди!

Но Иванъ Евсевьевъ заговорилъ, что напрасно я его такъ истязую, самъ не даю ему слова сказать, а отъ него требую отвѣта...

— Я тебя не истязую. Я только желаю, чтобы ты показалъ намъ, что твоя вѣра правая. Вѣдь ты проповѣдуешь, что наша — неправая.

— Я не проповѣдую этого.

— Неправда! — закричали мужики. Какъ бываютъ у тебя по воскресеньямъ собранія и ты читаешь книги, чтò ты намъ толкуешь о нашей церкви?! Какъ же ты говоришь, что не проповѣдуешь?

— Значитъ ты и теперь, сказалъ я, долженъ защищать свою новую вѣру, а не тогда только, когда тебя слушаетъ неграмотный народъ.

— Да мнѣ некогда: снопы вожу; извините, мнѣ пора домой.

Мужики закричали:

— А намъ есть когда? Мы вѣдь тоже народъ рабочій, и у насъ снопы на полѣ стоятъ! Мы же стоимъ — слушаемъ; и ты стой, да говори съ нимъ!

— Нѣтъ, мнѣ некогда! — И онъ надѣлъ шапку.

— Сними шапку! Видишь, насъ сколько народу и всѣ безъ шапокъ.

Иванъ Евсевьевъ снялъ шапку, но все же пошелъ прочь отъ нашего собранія.

— Стыдно тебѣ уходить, не защитивши своей вѣры! — сказалъ я ему вслѣдъ.

— Съ нами-то онъ боекъ, а теперь бѣжитъ! — говорилъ народъ. По уходѣ Ивана Евсевьева мы еще немножко побесѣдовали. Потомъ народъ разошелся; тужили, что время рабочее: день стоялъ прекрасный, возили снопы. Звали побывать въ гулевое время — зимой, либо осенью.

Остатокъ дня я провелъ у кузнеца Василія Васильева. Ходилъ къ нему на гумно, гдѣ онъ въ скирду складывалъ снопы. Отъ него черезъ домъ живетъ и Иванъ Евсевіевъ. Я

еще увидалъ его, и снова разговорились. Тутъ, безъ народа, Иванъ Евсевьевъ былъ какъ бы другой человѣкъ. Разговаривалъ безъ горячности въ промежутки между работой. О расколѣ среди австрійцевъ онъ очень мало знаетъ. Я разсказалъ ему исторію Окружнаго Посланія. Оказалось также, что онъ, хоть и противуокружникъ, но не учитъ, что «Iисусъ есть инъ богъ», а только считаетъ неправильнымъ такое написаніе Христова имени; троеперстіе называетъ щепотью, но о печати антихриста не говоритъ...

XIV.

31 іюля я проѣхалъ въ село Сидорово, гдѣ 1 августа было назначено архіерейское служеніе. Еще дорогой узналъ, что туда, въ Сидорово, идетъ для бесѣды со мною изъ Бережка какой-то старикъ Парѳенъ, по прозвищу «несоленый». Говорили про него, что онъ считаетъ грѣхомъ ѣсть съ солью. Думаю, что̀ за чудакъ такой? — и очень заинтересовался имъ.

Часа въ два пополудни былъ я на улицѣ и вижу: идетъ ко мнѣ старикъ, очень старый, съ пожелтѣвшею сѣдой бородой. Подошелъ, проситъ благословенія. Благословляю я его, да и спрашиваю: не ты ли дѣдушка Парѳенъ?

— Я, батюшка. А ты развѣ меня знаешь?

— Какъ же, — мнѣ про тебя много говорили; сказываютъ, что очень ты будто бы чудёнъ.

— Чудёнъ, батюшка... чудёнъ... все-то у меня не такъ, какъ у людей выходитъ. Наставь ты меня на разумъ!

И заплакалъ старикъ, — такъ слезы и закапали изъ глазъ. Погладилъ я его по головѣ, какъ малаго ребенка.

— Не плачь, говорю, дѣдушка! Милостивъ Господь. Пойдемъ, поговоримъ въ дому; неудобно здѣсь на жарѣ разговаривать.

И я повелъ старичка въ домъ священника, наверхъ, гдѣ было у меня помѣщеніе. Старикъ безъ затрудненія взобрался по очень крутой лѣстницѣ. Мы усѣлись и стали бесѣдовать.

— Ты, можетъ, уже слышалъ, что я соли не ѣмъ? Надо мною смѣются за это; а по моему — грѣхъ ее ѣсть.

— Какой же грѣхъ-то?

— Да какъ же? Вѣдь въ Евангеліи Спаситель сказалъ: всякъ, кто смочитъ руку въ солило, предастъ меня. Значитъ: кто ѣстъ съ солью, тотъ подобенъ Іудѣ-предателю.

— Что ты, что ты, старикъ?!... Тамъ, въ Евангеліи, совсѣмъ не такъ и не то написано. — И я разсказалъ ему, что̀ написано въ Евангеліи. Старикъ удивился: какъ же случилось, что онъ не такъ читалъ въ Евангеліи!

— У меня, говоритъ, есть Библія, почитаю еще.

— Изъ-за этого ты и не ѣшь съ солью?

— Изъ-за этого...

— Вѣдь не вкусно безъ соли-то ѣстъ?

— Сначала очень невкусно было, а потомъ привыкъ, — ничего.

— И давно не ѣшь?

— Лѣтъ тридцать. — Вѣдь не грѣхъ съ солью не ѣсть?

— Какой же грѣхъ? Ты не любишь съ солью, другой не любитъ съ перцемъ. Нѣтъ въ этомъ грѣха. Но ты не говори, что съ солью ѣсть — грѣхъ. Никакого нѣтъ грѣха въ соли. И въ Евангеліи, — прочти хорошенько, — не по твоему о соли разсказано.

— Вотъ я еще не ѣмъ картошекъ.

— Это почему?

— А видишь ли, почему: картошку если положить на солнцѣ, она *перемѣнитъ* цвѣтъ свой.

И старикъ очень замысловато сталъ разъяснять, въ чемъ тутъ дѣло. Его мысли можно передать такъ: краснѣетъ человѣкъ со стыда за дурное свое дѣло, — совѣсть нечиста; и у картошки что-нибудь неладно, коли она мѣняетъ цвѣтъ свой; значитъ, ее нельзя ѣсть.

— Да къ тому и растетъ она не на землѣ, а подъ землей, — прибавилъ старикъ, — скрылась, какъ воръ, отъ свѣта Божьяго.

— Да вѣдь этакъ, говорю, и рѣдьку и морковь нельзя ѣсть; тоже корень у нихъ въ землѣ растетъ.

— А эти цвѣта не мѣняютъ...

— Да все равно въ землѣ растутъ, «во тьмѣ», какъ ты говоришь.

— Нѣтъ, эти можно!

И старикъ опять о цвѣтѣ заговорилъ... Мяса тоже не ѣстъ.

— Это, говорю, хорошо, что мяса не ѣшь. Всякое воздержаніе благословляется. Наша вѣра не запрещаетъ даже и вино пить, — его пить не грѣхъ, но лучше не пить. Можно ѣсть мясо, но лучше не ѣсть. Это ты хорошо дѣлаешь, что не ѣшь мяса.

— Да вѣдь я не потому не ѣмъ, что «можно ѣсть, а лучше не ѣсть»; по моему совсѣмъ нельзя ѣсть мяса, и никому, а не то что мнѣ и монахамъ (а я упомянулъ ранѣе о томъ, что монахи изъ воздержанія не ѣдятъ мяса). По моему, это не порядокъ, что люди для своего чрева убиваютъ тварей Божіихъ, которымъ тоже хочется жить, какъ и намъ. Вотъ почему я не ѣмъ мяса: изъ жалости, а не изъ воздержанія. Воздержаніе само собою, — воздержнымъ и умѣреннымъ надо быть во всякой пищѣ.

— Что жъ? — и это хорошо. У св. Василія Великаго есть проповѣдь о постѣ, гдѣ говорится, между прочимъ: «радуйся постъ, когда безпощадный ножъ повара лежитъ въ покоѣ и ненасытное чрево даетъ отдыхъ своимъ невиннымъ жертвамъ». Значитъ, въ нашемъ, церковномъ законѣ о постѣ, кромѣ воздержанія скрытъ еще законъ милосердія и состраданія къ тварямъ, которыя теперь стонутъ подъ нашимъ игомъ. Хорошо бы всѣмъ не ѣсть мяса! Но это невозможно, и церковь позволяетъ его употребленіе, указывая однако желающимъ иной порядокъ жизни, высшій.

Старикъ слушалъ меня внимательно. Онъ удивлялся, что я не нахожу худого въ томъ, за что̀ надъ нимъ смѣются и за что̀ бранятъ его другіе.

— Такъ это по твоему, спрашиваетъ, хорошо, что я мяса не ѣмъ?

— Это хорошо, — отвѣтилъ я.

— Еще вотъ что̀ растолкуй ты мнѣ. Читаю я Библію, и тамъ разсказано то-то и то-то. По моему, это все одно наставле-

ніе; не было ничего этого, о чемъ разсказывается; это притчи однѣ. Напр. потопа не было воднаго, а исторія о потопѣ означаетъ, что всѣ люди потонули въ грѣхахъ.

Я сталъ разъяснять ему, что въ Библіи дѣйствительно есть много нравоученія, есть не мало и притчей, но онѣ очень явственно отличаются отъ дѣйствительной исторіи. Въ Евангеліи даже часто передъ притчей прямо говорится: «рече Господь *притчу* сію». Притча и уподобленіе есть во многихъ мѣстахъ Библіи; но Библія не есть сплошная притча. Не знаю, подѣйствовалъ ли я на этого аллегориста.

Потомъ старикъ совсѣмъ удивилъ меня, начавъ говорить что-то очень туманное, изъ чего я понялъ, что у него не существуетъ хронологіи: у него Апостолъ Павелъ современникъ царя Давида и Христосъ ровесникъ Адаму... Я пытался добиться, какъ у него произошло такое смѣшеніе времени. Оказалось, что, на бѣду дѣдушки Парѳена, Библія у него со ссылками. Читаетъ онъ, примѣрно, посланія Апостола Павла; смотритъ: подъ строкой ссылка на Апостола Іакова; онъ читаетъ Апостола Іакова въ указанномъ мѣстѣ; тамъ подъ строкой ссылка на Евангеліе, а тутъ ссылка на пророка Исаію; далѣе ссылка на псалмы Давидовы, а тутъ на Моисея... И вотъ у него получилось какое-то смѣшеніе времени, — люди разныхъ временъ оказались современниками. Это первый встрѣтившійся мнѣ человѣкъ, о которомъ можно сказать, что «зачитался Библіи». Дѣдушка Парѳенъ доказываетъ спутанностію своихъ понятій, какъ иному человѣку необходима школьная наука, вносящая порядокъ и систему въ понятія.

Не передаю всего разговора съ нимъ. Припомню только еще нѣсколько подробностей. Ему очень понравилось слѣдующее сравненіе. Толкуя о томъ, что надо строго различать время, въ которое что̀ случилось, я сказалъ:

— Въ Библіи различаются три періода времени: ветхій завѣтъ, новый завѣтъ и жизнь будущаго вѣка. Ветхій завѣтъ — это какъ бы (указываю) вотъ эта передняя, которую мы прошли и которая осталась позади насъ; новый завѣтъ, въ которомъ мы живемъ, — это какъ бы вотъ комната, въ ко-

торой мы съ тобой сидимъ; а жизнь будущаго вѣка — это вонъ то далекое небо, которому не видать и конца.

Дѣдушка Парѳенъ, уже подъ конецъ бесѣды, сказалъ мнѣ между прочимъ: Когда я шелъ къ тебѣ, то думалъ, что одной устной бесѣды съ тобой мало будетъ, а нужно потребовать отъ тебя письменнаго отвѣта на мои вопросы. Теперь нахожу это ненужнымъ; благодарю за словесное разъясненіе...

Кстати: во время нашего разговора, вошла къ намъ одна женщина и попросила позволенія послушать. Она одного прихода съ Парѳеніемъ и ей интересно было знать, что̀ мы будемъ говорить. И такъ внимательно слушала, что, казалось, не проронила ни единаго слова.

Еще, между множествомъ вопросовъ, дѣдушка Парѳенъ спрашивалъ: почему это церковь положила говорить «Господи помилуй» иногда до 40 разъ?

— Вѣдь, если я къ тебѣ пристану: батюшка, батюшка, батюшка! разъ до сорока одно слово буду твердить, — я тебѣ надоѣмъ. Такъ и Богу, я думаю, непріятно, что Его сорокъ разъ зовутъ!

Какая дѣтски наивная мысль! Отвѣчая ему, я между прочимъ сказалъ:

— Вотъ недавно я читалъ въ книжкѣ, какъ одинъ крестьянинъ безвинно попалъ въ острогъ по напрасному обвиненію въ отравленіи и какъ разъ до милліона, пожалуй, повторилъ онъ: «Господи помилуй»! Языкъ самъ собою говоритъ: «Господи помилуй!» а слезы льются изъ очей. И вспомнилъ я, разсказывалъ онъ послѣ, что не за даромъ же положено въ церкви сорократное «Господи помилуй!»

— Такъ развѣ это для такихъ несчастныхъ молитва? — спросилъ Парѳенъ.

— Всякій грѣшникъ несчастенъ. И кто дѣйствительно чувствуетъ себя грѣшнымъ, тотъ не устанетъ взывать безъ счету: «Господи помилуй!»

Когда мы кончили бесѣду и вмѣстѣ вышли на улицу, дорогой слышу, старикъ Парѳенъ все повторяетъ: «Господи помилуй!»

— Что жь ты это много разъ говоришь: «Господи помилуй?»

— А! Это ты про давѣшнее мое слово вспомнилъ!.. Ничего! На прощаньѣ Пареенъ благодарилъ меня за бесѣду.

— Много, говоритъ, ты мнѣ растолковалъ; ну, а всё же трудно мнѣ отвыкнуть отъ своихъ думъ. Спасибо!

Онъ тужилъ, что не захватилъ съ собой медку, чтобъ отблагодарить меня. Онъ мужикъ зажиточный. Простившись, онъ пошелъ домой пѣшкомъ, не смотря на свои 80 лѣтъ, и надѣялся дойти; а до дому 20 верстъ. Значитъ, взадъ и впередъ сорокъ!..

XV.

1-го августа, за обѣдней при архіерейскомъ служеніи я въ обычное время вышелъ изъ алтаря говорить проповѣдь. Народу было такое множество, что заднихъ рядовъ совсѣмъ не видать. Я спросилъ: нѣтъ ли чего подставить подъ ноги? Сейчасъ принесли какой-то сундукъ, обитый бѣлой жестью, и я сталъ на этотъ сундукъ. Никогда еще я не видалъ такого множества лицъ! Сидоровскій приходъ очень великъ (до 3 тысячъ), и былъ, вѣроятно, весь; да изъ сосѣднихъ селъ пришло множество народа. Старовѣровъ въ этомъ приходѣ сравнительно немного (человѣкъ до 30). О перстосложеніи и о прочемъ я говорилъ въ промежутокъ между раннею и позднею обѣдней; а теперь въ проповѣди говорилъ о крещеніи, мvропомазаніи, исповѣди и причащеніи. Цѣль моя была — объяснить, въ чемъ состоитъ наша вѣра.

3-го августа я былъ въ селѣ Фроловскомъ. Здѣсь одинъ старикъ старовѣръ Зоинъ, изъ деревни Шемекина, сказалъ между прочимъ: пастыри Великороссійской церкви учатъ по-татарски ходить безъ крестовъ. Я спросилъ у народа: есть ли на васъ кресты?

— Есть у всѣхъ! — отвѣтили мнѣ.

— Правда ли, что мы, священники, учимъ васъ ходить безъ крестовъ? — слыхали ли вы гдѣ такую проповѣдь?

— Нѣтъ.

— А вотъ дѣдушка Зоинъ говоритъ, что мы учимъ этому.

Зоину стало стыдно.

— Да я читалъ въ книгѣ, — въ вашей книгѣ, оправдывался старикъ.

— Если въ той книгѣ, которую ты читалъ, написано такъ, какъ ты говоришь, то-есть, что будто бы мы учимъ народъ ходить безъ крестовъ, то въ этой книгѣ написана неправда. Вотъ и все! Мы же такъ не учимъ.

Когда потомъ во время бесѣды я говорилъ Зоину, что въ старинныхъ книгахъ есть Сѵмволъ вѣры по нашему, онъ попросилъ, чтобъ я записалъ ему на бумажкѣ, гдѣ и въ какихъ именно книгахъ читается восьмой членъ безъ прилога «истиннаго». Я ему записалъ, и онъ взялъ эту записочку: у меня, говоритъ, много книгъ, я провѣрю. Этотъ старикъ мнѣ запомнился, — и послѣ я видѣлся съ нимъ еще разъ.

XVII.

3-го же августа изъ Грязовца мы должны были отправиться въ Вологду по желѣзной дорогѣ. На станціи узнали, что въ поѣздѣ находится о. Іоаннъ Кронштадскій. Народъ бѣгомъ бѣжалъ, торопясь къ поѣзду, чтобы увидѣть его. Поѣздъ пришелъ, и въ немъ дѣйствительно находился о. Іоаннъ. Платформа, обыкновенно бывающая почти пустою, теперь была запружена народомъ. Я дивился, откуда въ маленькомъ Грязовцѣ набралось столько людей. Всѣ спѣшили получить благословеніе у о. Іоанна. Иные входили въ вагонъ и были счастливы, что видѣли его близко. Я вошелъ въ его вагонъ уже въ Вологдѣ, и у меня, я это замѣтилъ, появилась улыбка. Всегда радостное настроеніе этого священника, облеченнаго въ правду, передается невольно посѣтителю: мнѣ кажется, будучи съ нимъ въ одной комнатѣ, нельзя предаваться тоскѣ и горю. Одинъ его видъ ободряетъ и вдохновляетъ.

Я думалъ, смотря на него: «Господи! не всѣ же, какъ я!.. Есть же и праведные, и радостные, добро творящіе, и щедрые и воздержные»... Отецъ Іоаннъ — слава и радость наша, священническая.

Сопровождавшій его инспекторъ желѣзныхъ дорогъ говорилъ, между прочимъ, о причинѣ своего великаго уваженія къ о. Іоанну: «Былъ у меня братъ, не то чтобы отъявленный безбожникъ, а человѣкъ, очень безпечный о спасеніи души своей. Пришла пора ему умирать: онъ и слушать не хочетъ о христіанскомъ напутствіи въ жизнь вѣчную. Я пригласилъ къ нему о. Іоанна. О. Іоаннъ побесѣдовалъ съ нимъ — и тотъ умеръ христіаниномъ. Другіе благоговѣютъ передъ о. Іанномъ за то, что онъ своими молитвами больныхъ здравыми дѣлаетъ, а я благоговѣю за то, что онъ мнѣ оживилъ мертвую невѣріемъ душу родного моего брата...»

2007081175